177

В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1•1977

Фотографии, сделанные на Таймыре, и рисунки детей Норильска запечатлели живые краски заполярного края...

Читайте в номере подборку «Клады Путорана».

С НОВЫМ ГОДОМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

НАУКА И РЕЛИГИЯ

№ 1 1977

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания восемнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются

РЕВОЛЮЦИИ

Начался 1977 год — в истории нашей Родины год знаменательный, год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

«Шесть десятилетий — это меньше, чем средняя продолжительность жизни человека. Но за это время наша страна прошла путь, равный столетиям».

Так сказал об этой славной годовщине товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде партии. В той краткой характеристике исторического пути, пройденного Страной Советов за эти шесть десятилетий, которую дал в Отчетном докладе на съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС, сконденсировано богатейшее содержание. Здесь дан перечень всемирно-исторических свершений, составляющих предмет патриотической гордости советского народа,— свершений, которые сделали первую в мире страну социализма путеводным маяком для всего прогрессивного человечества.

Три главных итога 60-летнего пути отметил товарищ Л. И. Брежнев. Вот первый из них:

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это— общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса».

Общество, в котором господствует научное, материалистическое мировоззрение,—это общество массового атеизма, общество, где подавляющее большинство граждан освободилось от веры в бога, от религиозных иллюзий и суеверий, которыми были прочно опутаны трудящиеся массы дореволюционной России. Духовное освобождение народа от химер религии — одно из замечательных, глубоко гуманных по своей сущности свершений социалистической революции, которая привела в движение многомиллионные массы трудового народа, приобщила их к историческому творчеству, к строительству социализма. В ходе этого строительства, в обстановке всенародного трудового подъема люди обретали чувство хозяев и творцов новой жизни, уверенность в своих силах, надежную перспективу на будущее. Из их сердец выгорали, выветривались веками внушавшиеся церковью покорность судьбе, надежда на милости всевышнего, упование на загробное воздаяние за земные страдания. Религия оставалась не у дел. На стройках первых пятилеток, на обширных колхозных полях, на рабфаках учился народ новому постижению мира. И Коммунистическая партия, ее вдохновенные пропагандисты — от видных государственных деятелей, ленинских соратников до избача, синеблузника и активиста Союза воинствующих безбожников — помогали трудовым массам города и деревни формировать новое мировоззрение — материалистическое, научное, дающее человеку правильное представление об окружающем мире, о законах общественного развития, о его собственной природе, призвании и цели жизни.

И вот впечатляющий, глубоко гуманистический итог: за два десятилетия Советской власти вместе с победой социализма в СССР сформировалось первое в истории человечества общество массового атеизма. За прошедшие с тех пор четыре десятилетия оно достигло высоких ступеней зрелости, научное, материалистическое мировоззрение утвердилось в сознании подавляющего большинства советских людей.

«Другой главный итог пройденного пути — наш советский образ жизни. Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими, — таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности».

Советский образ жизни — это такой образ жизни, который строится на разумных и справедливых принципах товарищества, взаимопомощи, дружбы между людьми, объединенными общим вдохновляющим делом — строительством коммунизма. Между людьми, которых не разъединяют, как это было в прошлом, вероисповедные барьеры и националистические предрассудки, где они смотрят друг на друга не как на «инородцев» и «иноверцев», а как на друзей, товарищей и братьев по общему делу. Это такой образ жизни, в котором религия давно утратила свою былую регулятивную роль и оттеснена ныне на периферию нашего социального бытия, а главные, ведущие сферы жизни общества совершенно свободны от ее воздействия. Нравственное здоровье нашего общества, господ-

ГОД ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ствующая в нем благожелательная атмосфера, гуманизм и забота о людях ориентируют их на реальные, земные духовные ценности, в шкале которых не находится места иллюзорным ценностям религии, освящаемым ею нравственным нормам и заповедям. Советский образ жизни — это и утверждение новых отношений между людьми в быту, в семье, здоровая, нравственно богатая, духовно насыщенная связь поколений, преемственность славных революционных, боевых и трудовых традиций, становление новой, социалистической обрядности, приходящей на место наполненных мистикой и суевериями церковных обрядов и праздников.

«И, наконец, важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом».

Этот человек, вдохновленный великой ленинской идеей, сумел преодолеть в себе рабскую психологию, внушаемую церковью, покончил с покорностью и долготерпением, отбросил несбыточные надежды на загробное райское блаженство, ради которого будто бы надо терпеть земные беды и унижения. Он шел на бой и являл примеры невиданного героизма во имя реальной свободы, во имя счастья своего, своих детей и потомков в здешнем, земном, а не сказочном потустороннем мире. Он шел на бой, защищал завоевания революции от превосходящих сил старого мира, среди которых не последнее место занимала и церковная контрреволюция. Этот человек строил будущее не по заповедям господним, не по указке пастырей божьих, а вопреки им, и на этой всенародной стройке обретал духовную свободу, избавлялся от пережитков и родимых пятен ненавистного прошлого. И сегодня советский человек — патриот, интернационалист, убежденный борец за коммунизм, владеющий обширными знаниями, носитель передовой культуры, непримиримый к любым проявлениям чуждой нам идеологии, ко всему, что мешает нашему движению вперед, — этот человек по праву гордится и такой своей органической чертой, как атеистическая убежденность, непримиримость к религиозным предрассудкам и суевериям.

С огромным энтузиазмом, в обстановке небывалого трудового и политического подъема готовятся советские люди к славному юбилею — 60-летию Великого Октября. Успешно завершен первый год десятой пятилетки. Рабочий класс выполнил и перевыполнил основные плановые задания промышленного производства, дал сверхплановой продукции на миллиарды рублей. С честью выиграли в трудных погодных условиях битву за хлеб труженики сельского хозяйства, собрали хорошие урожаи хлопка, свеклы и других культур. Все шире развертывается массовое социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение планов второго года пятилетки, одобренных на Пленуме ЦК КПСС и утвержденных сессией Верховного Совета СССР в конце октября прошлого года. Многие передовики и целые производственные коллективы берут обязательство завершить годовые планы к 60-й годовщине Великого Октября.

Подготовка к этой знаменательной дате вызвала и большой политический подъем, активизируются все формы идейно-воспитательной работы, в комплекс которой органически входит и многообразная работа по формированию у всех советских людей научного, материалистического мировоззрения, атеистической убежденности. Подводя замечательные итоги славного 60-летия, следует говорить и о становлении и развитии общества массового атеизма, о торжестве в нашей стране принципов свободы совести — неотъемлемого компонента подлинной свободы, о советском образе жизни, здоровой нравственной атмосфере, в условиях которой нет причин обращаться к богу за помощью или утешением, о решающих преимуществах атеистического, оптимистического и гуманистического по своей сущности мировоззрения перед отжившим, унижающим достоинство человека мировоззрением религиозным.

КЛАДЫ

СЕВЕР! Взгляни на карту — и увидишь, какие гигантские территории нашей Родины он занимает. Суров и крайне неподатлив этот край. Веками его снежные пустыни внушали людям лишь суеверный страх перед таинственными силами природы. Север всегда подавлял человека, сковывал его инициативу. Пришедшие когда-то сюда племена почти не развивались, застыли в каменном веке. Этому способствовал и царизм, который жестоко эксплуатировал, грабил и принижал «инородцев». Край был превращен в место ссылки за религиозный и политический протест против установлений царской власти и церкви. Лишь Великий Октябрь разбудил наш Север. За немногие годы тут свершилось настоящее чудо — в извечных ледяных пустынях выросли поселки и города, фабрики и заводы, шахты и нефтепромыслы. И чудеса эти совершил не сверхъестественный владыка небес, а земной советский человек. Сегодня наша страна, создающая материально-техническую базу коммунизма, продолжает быстрыми темпами осваивать Север, вкладывает в его освоение большие средства. «Зачем? — может спросить кто-либо из наших читателей. — Стоит ли забираться столь далеко, в почти безлюдные места, жить там и строить в тяжелейших климатических условиях?» На этот

вопрос дан исчерпывающий ответ в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии: «Еще одна важная проблема, которую мы с большим размахом решали в годы девятой пятилетки, —

ПУТОРАНА

говорил Л. И. Брежнев, — это *обеспечение потребностей страны в топливе, энергии, металле и сырье.* Эта проблема стоит перед нами не из-за физической нехватки природных ресурсов, а потому что ограничены их запасы в обжитых, близких к промышленным центрам районах. За нефтью, газом, углем, рудой мы идем теперь все дальше на восток и на север»... И далее: «То, что было сделано, то, что делается в этом суровом крае, — это настоящий подвиг. И тем сотням тысяч людей, которые его совершают, Родина отдает дань восхищения и глубокого уважения». Дань восхищения за настоящий подвиг! Кто же они, эти люди, которым Родина с высокой трибуны партийного съезда отдает такую дань? И какой подвиг они совершают, в каких условиях живут и трудятся сегодня?

Эти вопросы интересуют многих, в том числе и читателей журнала. Человек, его нравственный и трудовой подвиг всегда были в центре внимания научного атеизма, а тем более человек в экстремальных, чрезвычайных условиях жизни, труда. Ведь религия всегда утверждала и утверждает ничтожество, бессилие человека перед окружающим его миром и перед волей его сверхъестественного создателя.

Наши специальные корреспонденты побывали в одном из самых больших городов современного советского Севера — Норильске.

Вот их рассказ.

Сурова природа Таймыра. Но волей советских людей воздвигнут здесь город Норильск — жемчужина нашего Заполярья.

За окнами мороз и пурга, а занятия кружка юных техников проходят обычным порядком, как на «материке».

Самая северная в мире стальная магистраль связывает Дудинку, Норильск и Талнах.

ЧЕМ ЖИВ ГОРОД

В. ЗЫБКОВЕЦ

Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном.
М. В. Ломоносов

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА мая на 69-й параллели удивительная пора — наступает полярный день, и когда бы вы ни прилетели в Норильск, вас встретит солнце. За долгую непрерывную ночь оно будто отдохнуло и соскучилось по этому краю и теперь не жалеет тепла и света для смерзшейся земли. Пройдет совсем немного времени — заголубеют озера и реки, зазеленеет тундра, полыхнут ярким разноцветьем цветы. Коротко, очень коротко здесь лето, и все в природе спешит воспользоваться светом и теплом.

Зато зима длится более двухсот дней, ртуть в термометре опускается до —50, а иногда и ниже. Но старожилы знают: мороз и полярная ночь — еще не самое страшное. Хуже ветер во время мороза. На Крайнем Севере принят особый термин «жесткость погоды». Она измеряется в баллах: к градусам мороза прибавляется удвоенное число скорости ветра. Если, скажем, мороз —45 и скорость ветра 20 метров в секунду, то жесткость погоды равна 85 баллам. Но и это не предел...

ЖЕМЧУЖИНА ЗАПОЛЯРЬЯ

ДАЛЕКО за Полярным кругом, на полуострове Таймыр живет и трудится город с двухсоттысячным населением, каменный красавец. Имя свое он получил от реки Норилки. «Норило» — это шест, к которому привязывают сеть во время подледного лова рыбы.

Норильск — один из самых крупных северных городов мира. Он расположен за 69-м градусом северной широты. Это, пожалуй, и один из самых снежных городов: нередко сугробы тут прячут в своей толще опоры линий электропередач. Это и один из самых молодежных наших городов: свыше трети его жителей — дети, причем только совсем недавно он перестал быть городом с самой высокой рождаемостью, обогнал его Ангарск. Это и самый светлый город, освещенность его улиц и площадей выше, чем в Москве или Ленинграде. Словом, он во многих отношениях «самый-самый».

Начинался Норильск так.

1920 год. Молодая Советская республика переживала тяжелое время — еще полыхала гражданская война, в стране царили разруха и голод. Центральная Россия остро нуждалась в хлебе, но он был далеко, в Сибири, а привезти его не хватало угля: только-только очищен от деникинцев и не стал еще на ноги Донбасс. На I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих в апреле 1920 года В. И. Ленин говорил: «Чтобы спасти Советскую власть сейчас, необходимо дать хлеб для промышленности, т. е. уголь». Тут и вспомнили, что еще в прошлом веке в таймырской тундре добывал уголь сибирский купец Сотников.

Один из норильских старожилов рассказал мне старинную легенду. В давние времена, когда русские только открывали и обживали Сибирь, вслед за первопроходцами двинулись сюда вольные казаки и беглые крепостные крестьяне. Шли они за Уральский камень к богатым землям — пахать их и засевать на воле. А вскоре появились тут и православные миссионеры: крестить и «просвещать темных нехристей» — местные народы.

Тогда-то жрецы одного из племен, обитавших в верховьях Енисея, решили спасти религиозную реликвию своего народа — многокилограммовую золотую фигурку божка. С подобающими почестями отправились они с ней вниз по реке. Так добрались до Таймыра и здесь, в горах Путорана, спрятали золотое изображение бога. Об этом прослышали искатели счастья и приключений, многие из них пытались найти реликвию племени, но безуспешно.

А когда посланные Советской властью научные экспедиции прокладывали свои маршруты по таймырской тундре, то выяснилось, что

золотой божок — сущая безделка по сравнению с богатствами ее недр. Ученые молодой страны открыли тогда уникальные залежи полиметаллических руд, насыщенные медью, никелем, кобальтом, благородными и редкими металлами. Кроме того, геологи обнаружили на Таймыре огромные залежи угля, в том числе коксующегося, промышленные запасы газа и нефти...

Вслед за изыскателями пришли сюда строители, горняки, металлурги... В суровом Заполярье вырос большой город и огромный горнометаллургический комбинат. Сохранился любопытный документ — большая старая конторская книга, на первой странице которой четким почерком написано:

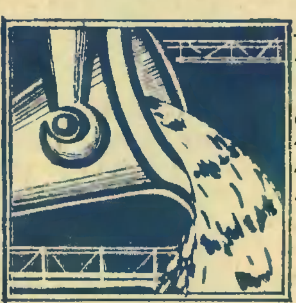
с. Дудинка
ПРИКАЗ № 1
2 июля 1935 года.
Вступил в исполнение обязанностей начальника Норильского строительства
МАТВЕЕВ.

В нынешнем году Норильскому комбинату, предприятию-супергиганту исполнится 42 года. Для человека — пора зрелости, для Норильска — период, когда набраны силы, накоплены опыт и умение, закалились и окрепли кадры для последующих свершений...

Идет газ в Норильск.

Рассказывает Владимир Федорович Борбат, доктор технических наук, профессор Норильского индустриального института:

— Комбинат у нас, хотя и самый северный в мире, работает как обычное предприятие такого профиля. Металлургия цветных металлов, особенно при переработке полиметаллических сульфидных руд, по сравнению с черной металлургией (производство чугуна и стали) отличается гораздо большим числом ступенек в технологическом процессе. Это приводит к потерям как основных металлов, так и сопутствующих им редких и благородных. Кроме того, при процессах, связанных с огневым обогащением, выделяются газы, содержащие серу и некоторые металлы, например осмий.

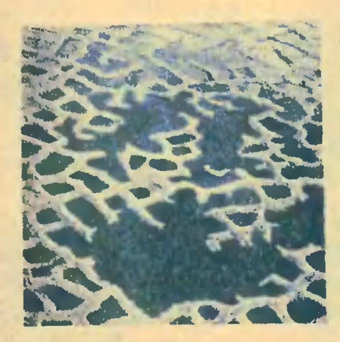
Мы, конечно, стремимся не допустить потерь. Норильские ученые и инженеры работают над тем, чтобы добиться полного комплексного извлечения из руд всех металлов и веществ. Именно такая задача была поставлена на XXV съезде КПСС. В докладе А. Н. Косыгина подчеркивалось: «...Будут полнее использоваться внутрипроизводственные резервы, особенно за счет более полного извлечения полезных компонентов из сырья и его комплексной переработки». Исследования, проведенные в опытно-испытательном цехе комбината, уже привели к разработке технологии получения кобальта высочайшей чистоты и других эффективных процессов.

Новые задачи возникают перед нами в связи с разработкой талнахских руд. Дело в том, что эти руды богаты не только цветными металлами, но и железом, серой. Плавка концентрата из таких руд в рудотермических печах невозможна. Ученые комбината в сотрудничестве с ленинградскими и московскими исследователями разработали новую технологию — автоклавный процесс. Экспериментальными работами руководил кандидат технических наук Альберт Борисович Воронов. Он — коренной норильчанин, выросший здесь от сменного мастера до ученого и директора крупнейшего в цветной металлургии завода. Новая технология позволяет не только перерабатывать сложное сырье, но и использовать его комплексно, практически без потерь и без

загрязнения окружающей среды. В автоклаве — герметически закрывающемся агрегате процесс идет под давлением в кислородной среде при температуре до 140 градусов. При этом получается чистая сера, столь нужная народному хозяйству, железо же в форме окиси выводится из процесса для получения железного порошка, а цветные металлы концентрируются в одном продукте — извлечь их из него уже не составит особого труда.

Это пример решения только одной из наших проблем. За девятую пятилетку норильчане осуществили несколько десятков таких работ. Но предстоит сделать значительно больше. В решениях XXV съезда партии сказано, что в десятой пятилетке надо обеспечить и дальнейшее развитие Норильского горнометаллургического комбината и увеличить производство цветных металлов из сырья этого предприятия.

МЕРЗЛОТА

У НАШЕЙ планеты имеется несколько оболочек — атмосфера с ее слоями, вода — гидросфера, кора, мантия. Есть еще и ледяная оболочка — криосфера. Выделить ее предложил в 1924 году советский геолог А. Добровольский. Ее происхождение связано с ледниковыми периодами, это их остаток.

Криосфера существует на горных вершинах, спускается к полюсам, вторгается в обширные области планеты. В ее владениях при достаточном количестве влаги даже на невысоких горах образуются ледники. А в тех местностях, где относительно сухо и морозно, она уходит глубоко в землю, намертво скрепляет грунт игольчатыми кристалликами льда. Это вечная мерзлота. Район ее распространения — почти две трети Российской Федерации. Мрачный Тартар из древнегреческой мифологии — детская сказка по сравнению с мерзлотой и ее «шутками». У Норильска толщина мерзлых грунтов более трехсот метров.

— Когда обращаешься к истории Норильска, часто повторяется «впервые!» — рассказывает Людмила Синева, начальник мерзлотной лаборатории Норильского комбината. — Уникален наш край, уникален и город, впервые построенный на вечной мерзлоте.

Начиналось это с самой северной железной дороги на Земле Дудинка — Норильск. Сначала шпалы и рельсы уложили на грунт: считали, что мерзлота-то вечная — выдержит. Но следующей же весной вся дорога утонула в тундре. Тогда сделали насыпь, а летом началось непонятное: некоторые участки ее вместе с полотном дороги провалились, другие, наоборот, — выгнулись, вспучились. Так «шутила» мерзлота.

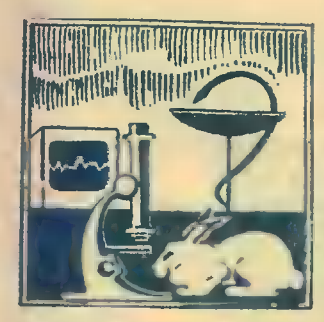
Дело в том, что мерзлые почвы (как, собственно, и всякие грунты) — неоднородны, различна их теплопроводность, способность к оттаиванию. Нередки случаи, когда оттаявший верхний слой, получая даже незначительную нагрузку, сползает, стекает по поверхности неоттаявшего грунта. Или слои перемещаются по вертикали — из-за разницы их свойств. Все это приводит к разрушению фундаментов, самих сооружений. Встретившись с коварством мерзлоты, строители стали ее изучать. В 1936 году была создана мерзлотная станция, в задачу которой входило исследование свойств мерзлых грунтов и разработка рекомендаций для строителей.

Первые сооружения комбината и первые многоэтажные дома поставлены на скальные основания. Для этого пришлось рыть котлованы глубиной 25—30 метров. Вскоре, однако, лаборатория дала эффективные рекомендации. К 1960 году был внедрен свайный способ возведения фундаментов на вечной мерзлоте. Бурильный станок пробуривает скважину на глубину 11—13 метров. В нее вставляется железобетонная свая и заливается цементным раствором. Все это вмерзает в грунт, становится монолитом. На сваях возводится дом. За разработку этого метода одиннадцати норильчанам была присуждена Ленинская премия.

Сейчас более тысячи зданий города, современных, удобных, построено этим способом. Можно сказать, что наш город стоит на воздушной подушке. Чтобы мерзлый слой почвы под зданием не нарушался, строители оставляют под домами вентилируемые подвальные помещения.

Выслушав этот рассказ, я подумал: на примере работы лаборатории можно проследить поэтапное развитие знания вообще. Вначале человек только видел, замечал какое-то явление природы. Затем пытался объяснить его, порой совершал ошибки, приписывал непонятное сверхъестественной силе. И только когда он глубже изучал явление, постигал его причинно-следственные связи, наступало время практического его использования.

АДАПТАЦИЯ

НИЗОВЬЯ ЕНИСЕЯ освобождаются от льда обычно в середине июня. До этого сообщение с Норильском осуществляется только по воздуху. ИЛ-18 доставляет вас на аэродром «Алыкель» («Красивое озеро»). Отсюда до города — полтора часа электричкой, почти московской, если бы не тундра за окном да сугробы снега в конце мая. Пригородов нет: проедешь мимо завода и сразу — центр, Октябрьская площадь с памятником Ленину.

Прямые, асфальтированные проспекты, обрамленные многоэтажными зданиями, те же, что и в других городах, автобусы, такси, торопливые прохожие. Витрины магазинов, рестораны и кафе, афиши кинотеатров — забываешь, что ты в Заполярье.

На улицах много молодых парней в армейской форме. Вспоминаешь, что и в самолете их было немало. Это отслужившие свой срок воины, новоселы Севера, будущие строители, горняки, металлурги. Глядя на них, думаешь: «Все ли останутся здесь?..» Статистики — люди дотошные — подсчитали: для того чтобы в городе, подобном Норильску, сложилось относительно стабильное двухсоттысячное население, за 10—15 лет через него должно пройти около двух миллионов человек. Виноваты в первую очередь суровые климатические условия. Они отрицательно действуют на организм человека, впервые попавшего в эти места.

Так, во время долгой полярной ночи и зимы, особенно при резком уменьшении зрительных раздражений, возникает угнетение центральной нервной системы, которое в свою очередь вызывает появление сонливости, вялости и т. п. С другой стороны, во время полярного дня, когда в течение долгих суток солнце не уходит за горизонт, человек получает усиленную дозу ультрафиолетовых лучей. Это приводит к перевозбуждению нервной системы, к раздражительности, бессоннице. Проходит определенное время, прежде чем организм привыкает, приспосабливается к новым условиям — адаптируется.

На проспекте Ленина, в самом его начале, помещается лаборатория полярной медицины Сибирского филиала АМН СССР. Кандидат биологических наук Сергей Васильевич Ширский рассказывает:

— Главная наша задача — помочь создать в Норильске оптимальные условия жизни. Каждый живой организм имеет свое место обитания — свою «биологическую нишу». Для человека такой ниши практически не существует: он может жить и живет в любых условиях планеты. Когда он попадает в крайне неблагоприятные экстремальные условия, его организм мобилизует дополнительные резервы, переводит свою деятельность на новый уровень — так сохраняется и поддерживается нормальная жизнедеятельность. Но случается, что резервов недостаточно, и возникают нарушения — болезнь.

Можно ли уловить момент, когда организм человека на пределе? Во-первых, это субъективные ощущения самого человека, хотя они и не всегда верны. Во-вторых, изменения функционального состояния различных систем организма. И здесь может помочь, например, контроль за его биохимическими механизмами, поддерживающими постоянство энергетического потенциала.

Известно, что основным «горючим» в нашем организме служит аденозинтрифосфорная кислота (АТФ). В различных тканях ее содержание неодинаково, но общее количество в организме постоянно. Чем больше АТФ распадается, тем больше и синтезируется. Это тот показатель, за постоянство которого борется организм. Механизмы здесь очень сложны и не совсем изучены, но не вызывает сомнения, что приспособление организма к действию новых, необычных и сильных внешних факторов есть прежде всего адаптация в энергетическом отношении. Вот почему контроль за энергетическим балансом — это возможность быстро и достаточно четко определить самое начало предельного состояния организма. Поиски критериев, отражающих изменения, нарушения баланса, и разработка методик, которые позволили бы легко установить это, — пожалуй, сейчас одна из основных задач полярной медицины.

Но ведь окружающая среда может влиять на людей и какими-то положительными своими качествами. В условиях Севера необходимо компенсировать два основных отрицательных момента: снижение двигательной активности человека в производственной и бытовой сферах и относительную бедность этих сфер положительными эмоциональными раздражителями. Большое значение тут имеет рационально организованный отдых, культурные развлечения, учеба. Компенсировать отрицательное влияние среды помогает также разум-

ное использование ее факторов. Спорт, например, или просто активное передвижение по территории пригородной зоны устраняют гиподинамию, тренируют и закаливают организм, а разнообразие растительного и животного мира и ландшафтов создает благоприятные психо-эмоциональные реакции, способствует тому, что процесс адаптации идет по нужному направлению — способствует здоровью и творческой активности человека.

Наши исследования позволяют определить цели и формы использования ресурсов пригородной зоны, разработать научно обоснованные рекомендации по сохранению и укреплению здоровья норильчан.

«НА ЛЬДИНЕ ЛАВР НЕ РАСЦВЕТЕТ»?

ЖИВОТНЫЙ и растительный мир таймырской тундры довольно разнообразен. По речным и озерным долинам можно увидеть почти таежные леса, на реке Неркайхатари сохранились заросли реликтовой мохнатой ивы — это пока загадка Таймыра. Летом на озерах собираются миллионные стаи водоплавающей птицы. Здесь — и только здесь — гнездится, пожалуй, самая красивая птица Севера — краснозобая казарка, устраивает гнездовья загадочная розовая чайка, о которой сложено немало легенд и преданий. В тундре — северные олени, песцы, волки, белая куропатка и т. д.

Проблемами рационального использования осваиваемых земель Заполярья, его флоры и фауны занимается в Норильске Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера. Я встретился с заместителем директора института, кандидатом сельскохозяйственных наук Николаем Онуфриевичем Дьяченко, кандидатом биологических наук Сергеем Александровичем Аршавским, заведующим отделом животноводства, кандидатом сельскохозяйственных наук Альбертом Львовичем Штеле, заведующим отделом промысловой биологии, кандидатом биологических наук Борисом Михайловичем Павловым, ученым секретарем института, заместителем председателя городского отделения Всероссийского общества охраны природы, кандидатом сельскохозяйственных наук Алексеем Петровичем Поляковым.

— *Каковы основные задачи института?*

Н. О. ДЬЯЧЕНКО. Сейчас местные ресурсы используются далеко не достаточно. Так, поголовье домашних и диких северных оленей составляет примерно 3 миллиона голов. А известные нам ресурсы оленьих пастбищ при рациональном их использовании позволяют прокормить до 4—4,5 миллиона голов, то есть увеличить производство мяса в 2,5—3 раза. Другой пример. Одна из главных проблем животноводства на Крайнем Севере — обеспечение молочного скота грубыми и сочными кормами. Многие хозяйства на Енисее ежегодно завозят сено из более южных районов. В то же время богатые кормами поймы северных рек осваиваются слабо.

А. Л. ШТЕЛЕ. Проблема снабжения кормами домашних животных только на первый взгляд кажется чисто экономической. Судите сами. В совхозе «Полярный» создано племенное стадо, насчитывающее тысячу голов крупного рогатого скота холмогорской породы. Продуктивность его не хуже, чем у такого же стада на «материке», но себестоимость молока гораздо выше и в основном за счет того, что корма привозные. Кстати, освоение Енисейской поймы не только сделает наше молочное хозяйство эффективным, но и поможет решить другую проблему — освоить пустующие сейчас районы.

Есть еще вопрос, который мы пытаемся решить: найти способы и методы получения молока с повышенным содержанием витаминов.

С. А. АРШАВСКИЙ. Мы уже сегодня практически обеспечиваем предприятия общественного питания свежими огурцами, помидорами, луком и другими овощами. Урожайность их не ниже, чем по стране в целом, но себестоимость пока очень высокая. Строительство больших теплиц и перевод этого хозяйства на индустриальные рельсы позволят намного снизить ее и перейти от сезонного производства овощей к круглогодичному.

— *В печати появились сообщения об интересном опыте по акклиматизации на Таймыре овцебыков. Что это за эксперимент?*

Б. М. ПАВЛОВ. Мускусный овцебык — единственный современный представитель особого рода быков из семейства полорогих. В ледниковую эпоху это животное обитало на Таймыре вместе с мамонтами. Вероятно, они и исчезли одновременно с мамонтами. Сохранились овцебыки только в Гренландии и на арктических островах Канады. Да и там их почти истребили из-за вкусного мяса и великолепной шерсти.

Советские ученые давно хотели заселить

Олени на Крайнем Севере издавна и кормят, и одевают, и возят человека. Сейчас их поголовье насчитывает примерно три миллиона.

Фото В. Щилкина.

этими животными таймырскую тундру и остров Врангеля — места с наиболее благоприятными условиями для их жизни. В прошлом году правительство Канады подарило нам 10 овцебыков, затем сделали подарок американцы — 40 животных. Сейчас на острове Врангеля живут 20 овцебыков, остальные — на Таймыре.

— Вероятно, их разведение имеет хозяйственное значение? Ведь американские ученые ведут успешные опыты по одомашниванию этих животных.

А. П. ПОЛЯКОВ. Возможно, в перспективе. А пока нам важнее другое — заполнить пустующую экологическую нишу, исследовать процесс акклиматизации овцебыков в новых условиях.

Мы содержим овцебыков в большом загоне, достаточном для того, чтобы они не чувствовали себя в неволе. Надеемся, что пройдет немного времени, и нам удастся вернуть Таймыру некогда утраченное им животное. Человек должен не только брать, но и возвращать, даже создавать новое в природе.

— Современные богословы утверждают, что в системе человек — природа нужен посредник — бог, так как только он может мудро регламентировать отношения с окружающей средой. Более того, так называемый экологический кризис они считают следствием греховной сущности человека. «В природе, как в зеркале, отразилось первое человеческое преступление, — говорят они. — «Тернии» греха, возымев место в человеческом сердце, произрастили и на земле «тернии и волчцы». Что вы думаете по этому поводу?

Н. О. ДЬЯЧЕНКО. Нужен ли человеку посредник в его общении с природой? Конечно, нужен! Но бог ли? Вспомните хрестоматийный пример. Когда европейцы, цивилизованные и просвещенные христиане, пришли на американский материк, что они принесли ему? Нового — христианского бога. Но они же почти полностью уничтожили некоторые виды животных, например бизонов.

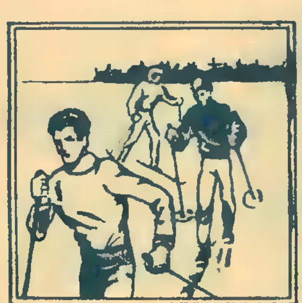
Посредник между человеком и природой есть. Это — общество со всеми его социальными институтами. Однако и этот действительный посредник не всегда создает условия правильного отношения к природе. Нужно, чтобы оно основывалось на справедливых эко-

номических, социальных и духовных принципах. Человек — дитя природы. Он выделился из нее в результате длительной эволюции. Но он и работник в мастерской, именуемой Природа. То, как общество относится к своей мастерской и к своей работе в ней, зависит от его социальной сущности. В обществе, где главный принцип в отношении к природе — нажива, никакой бог не поможет. Общество же, где все ставится на службу человеку, — гарант гармонического взаимоотношения в системе человек — окружающая среда.

Эти помидоры выросли в заполярной оранжерее.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Я ПОВТОРЯЮСЬ: условия, в которых живут и трудятся норильчане, суровы и во многих отношениях уникальны. И все же, влияют ли они, и если влияют, то как — на культурную и духовную жизнь горожан, на те возможности, которые открывает перед ними заполярный Норильск?

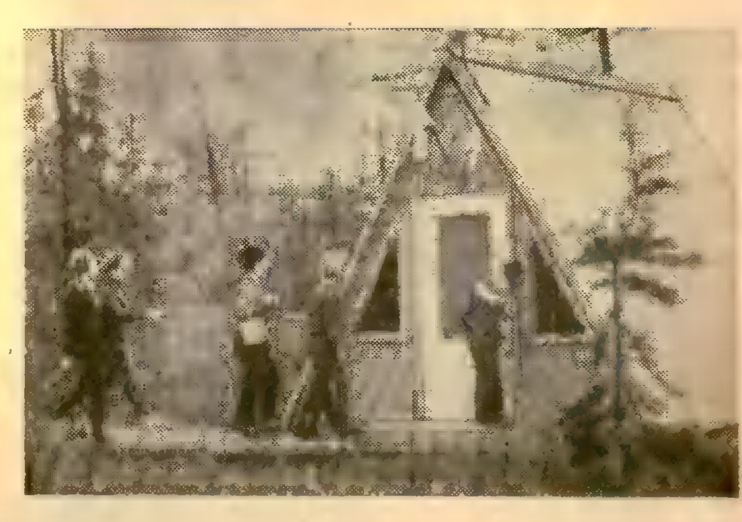
Профессиональное искусство представлено здесь драматическим театром, концертно-эстрадным бюро, выставочным залом, тремя кинотеатрами. Средства массовой информации — городской газетой «Заполярная правда», радиовещанием, студией телевидения с программами местной, московской и «Орбита». Кроме того, в распоряжении жителей города 11 клубов, Дворец культуры, 88 библиотек, зимний плавательный бассейн, Дворец спорта, стадион, множество туристских, охотничьих и рыболовецких баз.

Как используются эти возможности?

«Среднестатистический» норильчанин редко посещает клубы, театр, концерты профессиональных исполнителей. Мало участвует в художественной самодеятельности и в любительских объединениях. Зато исправно ходит смотреть кино и охотно занимается спортом (каждый четвертый). Спорт здесь не только развлечение, но и средство борьбы с гиподинамией, и ему уделяют большое внимание руководство комбината, медицинская служба и общественность. Норильчанин много читает — он берет за год более двадцати книг в городских библиотеках, выписывает газеты, журналы (более трех экземпляров), регулярно приобретает литературу для личной библиотеки, любит радио (один приемник на трех взрослых) и особенно телевидение (один телевизор на пять жителей).

Из всего этого можно сделать как минимум два вывода. Норильчанин не очень охотно покидает в свободное время свою квартиру (исключение — кино и спорт) и предпочитает домашние виды приобщения к культуре (телевидение, радио, газеты, журналы, книги). Значительная часть населения — молодежь. Многие учатся, другие решают ограничиться пока работой, устроить некоторый отдых после солдатских или студенческих будней. Да и семьей пора обзавестись. Отсюда повышенное внимание к кафе и ресторанам, превращающимся в своеобразные «антиклубы». (Кстати, любопытен порядок работы норильских ресторанов: по субботам и воскресеньям во второй половине дня они, как пра-

На время короткого полярного лета оживают под Норильском многочисленные базы отдыха.

вило, обслуживают свадьбы, юбилеи, дни рождения.)

«Анти» совсем не потому, что посещение кафе и ресторанов нечто предосудительное, нет, конечно. Но давая завсегдатаям пищу кулинарную и винно-водочную, они, естественно, лишают их времени на пищу иную, необходимую уму и душе.

Вторая крупная категория — люди семейные. Каждая семья тут имеет одного-двух детей. Дедушки и бабушки едут в Норильск неохотно — для пожилых условия не подходят. Поэтому семья состоит в основном не из трех (как в других городах), а из двух поколений. Это с особой тяжестью ложится прежде всего на женщин, которые редко могут куда-нибудь выбраться из дома — не с кем оставить детей. Исключение, пожалуй, составляет хождение в гости — их можно взять с собой. Отцы семейств тоже гораздо сильнее привязаны к дому, хотя, как и везде, пользуются относительно большей свободой. Соответственно уровню культуры и потребностям они либо удовлетворяют свои интересы в городских клубах, либо создают собственные.

Впрочем, тенденция «одомашнивания» культуры городского населения и связанные с ней проблемы известны социологам и внимательно ими изучаются. Так, например, заведующий сектором социологии культуры Института экономики Уральского научного центра АН СССР, профессор Л. Коган считает, что «тенденция постепенного увеличения затрат времени на домашние формы культурной деятельности, очевидно, будет развиваться». По его мнению, «с ростом домашних форм потребления культурных ценностей резко увеличилось общее количество времени, отводимого на культурную деятельность». Но, продолжает он, «в домашних видах культурной деятельности, естественно, преобладает потребление духовных ценностей над их производством, пассивные формы над активными... Тем не менее в условиях все большего «одомашнивания» многих видов культурной деятельности у человека сохраняется естественная потребность чаще бывать среди людей, общаться с ними в свободное время».

Не учитывать всего этого нельзя. «Домашняя» культура норильчан — это не стена, отделяющая их от культуры, а наиболее оптимальный стиль жизни, позволяющий не терять связи с ней. И местные организации должны найти методы и формы регулирования и социального контроля за духовными и культурными ценностями жителей заполярного города, более полно удовлетворять их потребности и запросы.

ВОЙТЕХОВСКИЙ И ДРУГИЕ

В. ХАРАЗОВ

В СТРАННУЮ СУМЯТИЦУ измерений, мыслей и чувств попадаешь всякий раз, когда за несколько часов полета оказываешься, скажем, в Якутске, либо в Магадане, в Норильске... По твоему биологическому ритму жизни только начался вечер, часы упорно показывают глухую ночь, а за окном самый что ни на есть солнечный полдень! И если даже ты прилетаешь в Норильск уже в который раз, экзотика Заполярья все равно в первый момент заслоняет все остальное. И лишь вжившись, вчувствовавшись в нее, освоившись в ней, я задал себе тот вопрос, ради которого прилетел: что за люди норильчане, как и чем живут они в столь необычном месте?

В поисках ответа я попал в электролизный цех местного никелевого завода — одного из основных производств горнометаллургического комбината. В профкоме цеха мы некоторое время перебирали звенья и бригады в поисках коллектива, наиболее типичного и одновременно несущего в себе черты, характерные для жителей города. После тщательного сравнения остановились на звене Анатолия Войтеховского.

ВОЙДЕМ, читатель, в подъезд большого и весьма обычного семиэтажного дома. Наш глаз давно уже привык к таким кирпичным зданиям, их сколько угодно в Москве и Ленинграде, Киеве и Харькове, Новосибирске и Одессе — словом, в любом крупном городе. Но здесь, на этих широтах, сама такая обычность выглядит для нового человека необычно.

В лифте привычно нажимаю кнопку пятого этажа. Затем пол-этажа вниз по лестнице, и по длинному коридору попадаю в следующий корпус. Здесь находится цех электролиза. Плиточный пол прорезан рельсами мостового крана. В середине огромного пролета — выемка, в которой длинными рядами установлены прямоугольники ванн. На первый взгляд в помещении пустовато. Побывав на многих других предприятиях и привыкнув к разноголосому гулу механических, плотному «заселению» слесарных, медницких, столярных цехов, я решил, было, что попал в пересменку — одна смена уже почти вся ушла, а другая еще не собралась. Однако начальник электролизного отделения Геннадий

Феликсович Корзенко — молодой, подтянутый, напористый, с ходу объяснил, что цех сейчас работает с полной нагрузкой, все на своих местах.

— К нам поступает «черновой никель», — вводит меня в курс дела Корзенко. — В больших пластинах самого металла процентов восемьдесят. Мы должны получить технологически чистый никель и отдельно — сопутствующие ему медь и другие элементы.

Потом, когда я покину цех, выйду на улицу и ленивый, вялый июньский ветерок погонит навстречу хлопья снега, я опять остро почувствую, где, на какой широте нахожусь. А пока хожу вслед за Корзенко по обычному, теплому заводскому цеху.

— Вот звено Войтеховского, — показывает Геннадий Феликсович на четверых мужчин, неторопливо прилаживающих что-то на одной из ванн. — А вон там, у крана, в косынке, Вера Журавкова — крановщица, рядом с ней — Полина Парникова — циркуляторщица. Работа у нас, как видите, — с легкой усмешкой добавил он, — спокойная. А еще — трудная и вредная.

— А заработки?

— Хороший работник, — не выдающийся, но и не новичок, — получает на руки 400—500 рублей в месяц. Жаль, — добавил Корзенко, — что мастер этой смены Мария Степановна Бубнова в отпуске. Она бы вам больше о них рассказала...

АНАТОЛИЙ Войтеховский невысок, плотен. От него веет уверенным спокойствием. Да и разговор его под стать облику — размерен и основателен. Анатолий — сибиряк, из большой крестьянской семьи. Три его брата и сестра так и остались крестьянствовать в родных местах. Еще один брат живет в райцентре, работает старшим мастером на заводе.

Казалось бы, и Анатолию та же судьба: с детства тянуло к тракторам и комбайнам. Так оно и прикидывалось, так и мечталось, того и сам добивался — после восьмилетки подал документы в Минусинский сельскохозяйственный техникум, на механический факультет. Но завалил один экзамен и заметался: время идет, надо к какому-то берегу прибиваться — то ли домой ехать, школу кончать — еще три года с мальчишками бегать, то ли специальность приобретать — взрослым человеком становиться.

Кто-то из поступавших хвалил Канское ПТУ связи. Поехал, поступил и в 1964 году окончил с четвертым рабочим разрядом. Через год с небольшим ушел в армию. И опять судьба и мечта по разным рельсам поехали. Хотелось к машинам, к технике, а его как человека, имеющего специальность, отправили повышать квалификацию. Привыкнув по семейным крестьянским обычаям все, за что ни брался, делать основательно, без лишней горячки, но и без лени, Анатолий окончил курсы радиотелеграфистов и завершил службу техником связи. А за месяц перед демобилизацией женился.

Невеста приехала прямо к месту его службы, там же и сыграли свадьбу. Как видите, невеста тоже была не из робких — за тысячи километров поехала.

Молодым, конечно же, захотелось быстрого семейного счастья. Мечталось о своем домике, спрятанном в глубине сада, о вишнях, яблонях, о ласковом и щедром южном солнце... Погостив на родине, собрали пожитки и отправились на Кубань, в город Тихорецк. Сняли комнату точно в таком домике, как мечтали, и опять встал перед Анатолием выбор: учиться на механика или работать по специальности.

Впрочем, возможность выбора оказалась призрачной — жизнь катилась по своим рельсам, и чем дальше, тем больше расходилась с мечтой. Надо было обзаводиться своим домом — не скитаться же всю жизнь по чужим квартирам... Короче — все было надо, на все нужны были деньги, и как ты ни крути, а никуда от судьбы, или, как говорят, «от стечения обстоятельств», не денешься!

Анатолий поступил в одно из управлений техником связи. Трудился добросовестно, вдумчиво и быстро заслужил уважение в коллективе. Комсомольцы избрали его секретарем, администрация и профсоюзный комитет выхлопотали для толкового работника квартиру.

В 1971 году у Войтеховских родилась дочь. Казалось бы, все налаживается, все идет на подъем, хоть и не стал он механизатором...

Все оно вроде бы и так, но только затосковали вдруг Анатолий и Галя в ласковом, щедром на солнце и южную зелень Тихорецке. И решили двинуться назад, в свой снежный и морозный край. Вот так Анатолий Войтеховский и попал в 1971 году в Норильск. И опять вроде бы появилась возможность переломить жизнь, вернуться к юношеской мечте — стать механизатором. Но Анатолий пошел не к машинам, а к ваннам с раствором.

Конечно, он мог бы снова пойти учиться — на механика. Тем более, что такие поступки всегда вызывают уважение своим мужеством и неколебимой верностью мечте. Но у Анатолия это было бы житейским безрассудством. Ибо крутой его жизненный вираж с двойной силой отозвался бы на положении Гали, сначала оставшейся с грудной дочкой в Тихорецке, а затем — в ожидании обнадеживающих вестей от мужа — перебравшейся в родное село. И все эти годы, когда Анатолий, казалось бы, раз за разом отступал перед жизненными обстоятельствами, закалялся его характер, нарастало сопротивление им. Да и не получалось все время повернуть жизнь по-своему, иначе, чем вот таким же очень романтичным, но столь же и безрассудным виражом. После ПТУ надо было отработать положенный срок, в армии, как известно, тоже свои законы, свой смысл в том, кого и куда поставить. После демобилизации тоже надо было обзавестись каким-нибудь хозяйством, без которого семейная жизнь грозит стать просто совместной...

Если человек от природы трудолюбив и сметлив, то с годами приходит не просто тот или иной возраст. Приходит зрелость, мудрость, понимание, что далеко не всего можно добиться лихой кавалерийской атакой, что многое в жизни требует упорства, большого труда, планомерной, терпеливой осады.

Работа в электролизном приглянулась Анатолию не от бедности выбора, а тем, что требовала умения сочетать физические усилия со знанием и точностью, техническим и технологическим расчетом. Тут ты одновременно и регулировщик, и оператор, и грузчик.

Направили его в комсомольско-молодежную смену. С коллективом сошелся легко и быстро, потому что, как и везде, был собран, понятлив и надежен в работе. А после смены — курсы повышения квалификации.

Вскоре Войтеховского избрали секретарем комсомольской организации электролизного отделения и членом цехового бюро. И производственные, и секретарские обязанности он, как всегда, выполнял добросовестно. Да к тому же взял еще трудный и долгий старт к своей давней цели — поступил в девятый класс вечерней школы.

«Освоив» Норильск, Анатолий вызвал к себе жену. Он в одном общежитии, она в другом. Потом кочевали по квартирам уехавших в отпуск товарищей. Нередко не успевали расположиться, как снова надо искать, куда переселяться... А в 1972 году Войтеховскому как лучшему молодому рабочему цеха дали комнату. К тому времени дочку устроили в ясли, и Галя пошла на механический завод комбината крановщицей. Анатолий, набравшись опыта, получил третий разряд, потом четвертый. По итогам 1973 года он уже был признан лучшим молодым рабочим комбината и победителем в социалистическом соревновании, стал звеньевым, кандидатом в члены КПСС, окончил среднюю школу и пошел на подготовительные курсы в Норильский индустриальный институт. Впереди экзамены.

Куда будет поступать? Конечно же, туда, где техника — металлургическое оборудование!

В ЗВЕНЕ Анатолия, включая его самого, — шесть человек: заместитель — Иван Петрович Калабухов, самый старший и по возрасту и по стажу, двое молодых ребят — Александр Борзунов и Халил Гильмутдинов, крановщица Вера Журавкова и циркуляторщица Полина Парникова.

Судьба каждого, как и характер, довольно своеобразны. Тем не менее, у всех, таких разных и по возрасту, и по характеру, и по опыту, мнения друг о друге, о своей работе и об отношении к ней полностью совпадают, причем не только внутри звена, но и с мнением всей смены.

О Войтеховском: сметлив, расторопен, а главное, правдив — по большому счету, и перед собой и перед другими. Другого может пожалеть, себя — нет. Но и принципиальность свою не выпячивает, не колотит ею, словно палкой по головам. Всегда сам первый берется за ту операцию, которая нужнее, но и других из виду не упускает. За ним все тянутся. Был до него другой звеньевой. Старался изо всех сил, но старался суетливо, и все невольно начинали тоже суетиться. Каждый старается, но каждый сам по себе. И результат, как в той басне, — работник звеньевой был отличный, а руководитель плохой. Потому у Войтеховского в звене и брак всегда меньше, чем у других, что работают ребята спокойно и дружно. Он и в общественных делах такой же: если взялся за что-либо, — весь выложится, но своего добьется. Сколько он на общественную работу времени тратит, а ведь семья, сам учится. Конечно, и неудачи бывают. Человек он вообще надежный. Если кому помочь надо в чем, — всегда поможет. И своим ребятам, и если в цехе какая-нибудь запарка. Словом, надежный...

О Калабухове: работу знает, но вял, неэнергичен. О Борзунове: уважительный парень, грамотный, отзывчивый. Будущий звеньевой. Школа Войтеховского! О Гильмутдинове: горяч, со срывами, не устоялся еще. Ищет свою жизнь, свою тропу. Но, за исключением срывов, тоже надежен — и в работе и в дружбе. О Журавковой: работница отличная, энергии на двоих. Свое дело сделает, — ищет, кому еще помочь. Всегда умеет настроение держать на уровне и у себя и у других. О Парниковой: добросовестна на сто процентов, брак, зависящий от нее, всегда наименьший. Отзывчива — подойди к ней, всегда найдет нужное тебе слово.

Обо всем звене: народ у Войтеховского меняется. Но это не та текучка, от которой у руководителей и у отдела кадров голова болит. Это, как правило, хорошая текучка — вверх по уровню профессионального мастерства и рабочей добросовестности. Звено Войтеховского, помимо прямых производственных обязанностей, несет еще две дополнительные нагрузки.

Во-первых, время от времени сюда переводят тех, кто по слабости характера нуждается в атмосфере доброжелательной, деловой требовательности.

Во-вторых, благодаря высокой надежности звена, ему поручается опробование всех новшеств, а это большая ответственность.

Опыт работы звена был обобщен отделом труда и заработной платы, о нем рассказывалось в специальной листовке. А вообще-то таких звеньев у нас много — это не исключение, а скорее правило.

Работают они в четыре смены, что само по себе нелегко. Когда я во второй раз пришел в цех, — до начала смены оставалось еще около получаса. Однако ребята уже успели переодеться и меняли пластины с «чистым» никелем. Нет, ответил Анатолий, обычно мы начинаем вместе со всей сменой. Но иногда, как сегодня, надо прийти пораньше. Это же — работа!

КАК и сам Войтеховский, Борзунов, Гильмутдинов, Журавкова, Парникова — родом из крестьянских семей, причем из многодетных: трое этих ребят после окончания восьмого класса ушли на поиски самостоятельных заработков, собственной жизни, своей судьбы. Так же поступила и Парникова, отец которой погиб в Отечественную войну. А Вера Журавкова приехала сюда к отцу еще школьницей, после смерти матери. Все они при необходимости достаточно решительно своей судьбой распоряжаются. Никто из звена не скрывает и не считает зазорной цель приезда сюда — заработать. Эта цель у них, конечно же, сочетается с другими, но она одна из главных.

Все в звене собираются уехать на «материк». Разница в том, что одни собираются уехать первый год (например, Халил: «Если женюсь, а комнату не дадут — тут же уеду!»), другие, как Парникова, — двадцать пятый. Вообще из тех норильчан, с кем я откровенно говорил на эту тему, ни один не сказал, что решил остаться здесь навсегда. Разумеется, это не значит, что таких людей в Норильске нет вообще. И это, с одной стороны, плохо, а с другой вроде бы и нет. Плохо, потому что постоянная смена рабочих кадров и населения стоит комбинату и городу, а следовательно, и стране, весьма недешево. Но, с другой стороны, людям тут и старости жить весьма и весьма нелегко.

Конечно, очень заманчиво написать, что и после работы звено Войтеховского, как говорится, водой не разлить. Но разное семейное положение, различные устремления, отличия в образе жизни диктуют и разное использование свободного времени. Однако такие даты, как, например, Восьмое марта или День Советской Армии, стали здесь ежегодным поводом для выражения теплоты и дружеских чувств. Скромные, но заботливо выбранные подарки, торт, сердечные поздравления — это уже традиция. Время от времени ходят все вместе в театр, справляют новоселья, выбираются звеном или даже всей сменой в тундру: зимой — лыжи, летом — база отдыха. Озера, грибы, ягоды... Короче, и тут звено Войтеховского не что-то исключительное, а весьма типичное.

Как видим, все в этом небольшом трудовом коллективе очень обычно для нашего советского об

раза жизни, если бы, как мы уже говорили, не была сама эта обычность в таких условиях явлением необычным. Если бы не происходило все это за Полярным кругом, на полуострове Таймыр...

Люди выбирают Север чаще всего из материальных соображений. Но ведь и эти соображения бывают разные. Сюда отправляются вовсе не за «сладкой» и «красивой» жизнью, хотя именно любители такой жизни чаще всего и острее всех страдают от денежной недостаточности. Да, сюда почти все едут зарабатывать деньги. Но именно **зарабатывать**. Едут те, кто умеет и готов трудиться, кто хорошо понимает, что, работая от души, он приносит пользу и себе и стране.

Понятия «работа», «дело» звучат здесь уважительно и служат главной оценкой человека. К тому же, с одной стороны, высокие заработки, а с другой — осознанное стремление сберечь их для стоящих целей, свойственное большинству жителей города, выравнивают и имущественное их положение. Возможность в любой момент накупить на отложенные деньги уйму барахла и нежелание тратить деньги на пустяки создают свое отношение и к деньгам, и к потреблению, и к престижности. Особенность Норильска в том, что подавляющее большинство его населения — активные, целеустремленные, любящие труд и осознающие его важность для страны люди. Здесь исключительная редкость — человек, живущий как бог на душу положит: день да ночь — сутки прочь. Почти каждый из норильчан твердо знает, чего он хочет и что надо делать, чтобы этого добиться. Жить просто так, как живется, — это их не устраивает — ведь это можно и на «материке». Они едут сюда отнюдь не за этим. А это, естественно, создает здесь и соответствующий духовный климат, в котором нет места бесплодным, отвлеченным поискам каких-то сверхъестественных сил.

Да, понятие «работа» звучит у них особо уважительно. И при этом не в высокопарных фразах и не в захлебывающейся сентиментальной романтике. В Норильске, как, впрочем, и на БАМе, и на КамАЗе, и на Зейской и Саяно-Шушенской ГЭС, — короче, везде, где по-настоящему трудно и надо надеяться только на свои силы, а не на какого-то фантастического защитника, чаще говорят грубовато и энергично: «вкалываем». Именно в первую очередь умением «вкалывать», лично и в коллективе, определяется здесь ценность человека, решается негласный, никем никогда вслух не поставленный вопрос: «наш» или «не наш». Именно способность «вкалывать от души», готовность взять в нужный момент на свои плечи дополнительную ношу — главное и основное свойство, которое ценится в этом заполярном городе. И, очевидно, поэтому происходит тут своеобразный отбор: индивидуалисты не приживаются. Как говорят сами норильчане, здесь ценятся «мужики» — люди с определенным кодексом мужской чести: уважение к физической выносливости и воле, яркая индивидуальность с отсутствием мелочности и подлинным коллективизмом. Такой кодекс чести вошел в традиции этого города от первопроходцев Севера и Заполярья, от их сурового, мужественного и мудрого образа жизни.

Дело, работа — это незримый, но явственно ощущаемый даже приезжим стержень жизни города и комбината. Здесь едва ли не у каждого свои твердые и вполне реальные жизненные планы, свои цели и перспективы. А ведь в том-то и заключается подлинная основа нашего советского коллективизма, нашего образа жизни, что каждый строит свою жизнь по личным планам, но каждый четко и твердо понимает, что осуществить эти планы можно лишь при том условии, если будут выполнены планы большие, общие, в данном случае — города и комбината. Именно из понимания этой жесткой связи и появляется то уважение, желание и умение работать у норильчан, о котором мы говорим.

В этом городе мало уметь и хотеть работать. Надо обладать еще и характером, волей, умением властвовать собой.

Люди выбирают Север. Но и Север выбирает людей. Даже для того, чтобы решиться поехать сюда, нужны мужество, настойчивое стремление делать свою судьбу. А для того, чтобы жить и работать тут, всем этим надо обладать вдвойне. Здесь постоянно — ежедневно, ежеминутно — идет ковка характеров. Сильные закаляются, становятся богаче духовно, слабые нередко сдают, пасуют. Хотя лично я таких слабых в Норильске не встретил. В массе своей — это люди, привыкшие сами кроить и ладить собственную судьбу. В утешительной гипотезе божественного предопределения они не нуждаются нисколько.

Читайте в следующем номере:

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

НАУКА СМОТРИТ В БУДУЩЕЕ

Слово — ученым Армении

В РАБОЧЕМ КОЛЛЕКТИВЕ

Дела и люди Первого Государственного подшипникового завода

Н. ПАРНЯКОВА

ИСТОРИЯ „КРАСНОГО СВЯЩЕННИКА“,

рассказанная его дочерью

Ричард ДЖИЛЛ

БЕЗ КОСТЫЛЯ

Новелла

З. СКВОРЦОВ

НА ОСТРОВЕ СВОБОДЫ

А. В. Лютов (справа) со своим заместителем [illegible] А. Рагулиным. Фото В. Карасева.

УВЛЕЧЕННОСТЬ

В. ЛУЦЕТ

Вода благоволила литься.
Она блестела столь чиста...

НАВЕРНОЕ, не случайно, собираясь рассказать об Анатолии Васильевиче Лютове, вспомнил я эти строки Леонида Мартынова. Потому что строки эти — не только о дистиллированной воде, даже не столько о ней. Они — о людях, заботящихся лишь о собственном благополучии, о тех, кого ничуть не волнуют ни радости, ни беды окружающих, если они, конечно, не касаются их лично. Если вдуматься, то строки эти имеют отношение и к людям религиозным — ведь и они, по сути, заботятся о собственном «спасении» и «мире ином» и при этом нередко уходят от земных дел ради иллюзорного небесного благополучия. Вспомнилось все это из-за контраста с жизненной позицией Анатолия Васильевича Лютова, да еще и потому, что специальность инженера Лютова — вода, точнее водоснабжение. И это несколько старомодное сочетание: «Вода благоволила литься» — заставило подумать: «Ох, как не просто здесь, на Севере, поладить с водой, чтобы она благоволила литься без остановок, в городе, где бо́льшая часть дней в году — зима и температура нередко опускается до минус 45, а то и 50. Тут надо иметь и определенную точку зрения на жизнь, и особый склад характера»...

...Лет двадцать назад работал я в Игарке и жил в старой части города, которую основали первостроители в конце двадцатых годов. Высадились они на берегу Игарской протоки и соорудили для себя дома — деревянные, одноэтажные. Но строили на вечной мерзлоте, а как с ней ладить, тогда еще не знали. Ко времени моего приезда эти дома давно покосились, вросли в землю... И едва ли не самое яркое впечатление, оставшееся от тех дней первого знакомства с Заполярьем: будил меня по утрам громкий, охрипший от мороза голос: «Вода, вода, вода». Похоже было, что человек поет унылую песню на один мотив. Заслышав его, просыпалась вся улица, хлопали двери, калитки — все спешили с ведрами, бидонами, чайниками. Во дворе стояла огромная, вся в ледяной бахроме, бочка на санях, которые с трудом тащила унылая лошадка. Набирал возчик воду в проруби на Енисее — работа хлопотливая и трудная. Никто не учитывал, сколько бочек он привозил по утрам. Впрочем, даже если бы кто-нибудь этим заинтересовался, — его осудили

бы за бестактность: скажите спасибо, что возит, а то уйдет на лесозавод — будет в тепле, да и заработок намного выше... Всегда стремились сохранить с ним дружеские отношения: обидевшись, он мог в следующий раз объехать стороной ваш дом, и тогда пришлось бы бежать к соседям, одалживаться. Но вообще был этот водовоз человек добрый — наливал щедро чистую ледяную воду. А как ее всегда не хватало, этой чистой воды, как экономно расходовали каждую кружку!..

Мне приходилось быть в Игарке спустя десять лет, когда пятиэтажные дома нового района уверенно потеснили тут тайгу. И если бы вдруг появился среди них старый водовоз со своей бочкой, — на него посмотрели бы с удивлением, как на пришельца из другого века.

Когда Лютов уезжал из Москвы, один из знакомых спросил:

— Надолго уезжаете?

— Года на три...

В прошлом году Анатолий Васильевич отметил тридцатилетие работы в Норильске. Стал ему родным этот город — самый трудный с точки зрения водоснабженца, как он себя называет...

О норильском цехе «Водоканал», где Лютов трудится около 20 лет, говорят: «Вспомогательный». Конечно, Лютов тут не на самых передовых позициях — не пробивается под землей к ее кладам, не усмиряет огненный металл. Но и второстепенной его специальность никак не назовешь: без воды город ни жить, ни работать не может. А ведь выйти водопроводной трубе из строя здесь, на Крайнем Севере, — ничего нет проще. На «материке» хорошо: закладывают трубы в грунт ниже глубины промерзания — и не знают бед. А тут — вечная мерзлота, вокруг водовода грунт оттаивает, и возникает угроза расположенным вблизи домам и предприятиям. Бывает, что мерзлота оттаивает на много метров в глубину, труба провисает, деформируется, а попробуй доберись до нее. Поэтому у нас водопровод прокладывают не в земле, а на поверхности — в железобетонных коллекторах. И арматура здесь вся на поверхности она должна быть удобной, доступной, а главное — незамерзающей.

В одном из павильонов ВДНХ вам вручат небольшую брошюру: «Самоуплотняющийся компенсатор системы Лютова». Специалисты читают ее увлеченно и сразу же посылают в Норильск запрос: нельзя ли познакомиться с чертежами. И это только одно из изобретений инженера.

Когда Лютову присвоили звание заслуженного изобретателя РСФСР, я встретился с ним и написал очерк для газеты. Там были строки, полные пафоса, и, как положено в таких случаях, мой герой выходил победителем в критических ситуациях, боролся с авариями, организовывал и вел людей... Я решил уточнить некоторые технические детали, но узнал, что персонаж мой в командировке и вернется нескоро. Адрес его мне дали, и я послал Анатолию Васильевичу копию очерка. Лютов — человек обязательный — вскоре я получил от него письмо. Но оно немало меня огорчило: очерк пришлось переделывать почти полностью. Чтобы было понятно, почему так произошло, приведу отрывки из этого письма, занявшего добрую половину школьной тетради:

«...Не буду касаться художественной стороны статьи... Отмечу лишь неточности в ней. Сделаю это прямо, без стеснений, так как отношу их на свой счет. Видимо, я не сумел их ясно рассказать.

...Вы начали с описания работ по ликвидации аварии на Кайерканском водоводе, где я изображен героическим человеком. Действительность была не такой. В то время я работал начальником службы водоснабжения и за эту аварию получил строгое взыскание. Непосредственное участие в отогревании водовода я принимал лишь в первые дни, а потом стал заниматься делами цеха в Норильске, а водовод отогревали другие.

Как видите, на этом примере никак нельзя показать «вашего героя» с положительной стороны. Этот пример, если его привести в статье, можно использовать для показа бед, которые приносит замораживание водовода. Кроме того, кайерканская неприятность (вместе с другими, но она особенно) заставила нас организовать строгий контроль за тепловыми режимами водопроводов и направила нас на поиски эффективной защиты водопроводов от замерзания...

«Жизнь толкала Лютова в плотно закрытую дверь» и пр. Вы хотите изобразить острый конфликт между творчеством изобретателя и окружающей действительностью. Возможно, это сделало бы статью более интересной. Но в жизни все было проще. Конечно, новое не сразу пробивало дорогу, требовало усилия от изобретателя — все это естественно...

Из статьи можно сделать вывод, что изобретателя в основном интересовало признание его работ, оформление авторских свидетельств. На самом деле, мы не изобретали. Изобретения — это следствие и никогда не было для нас самоцелью. Мы тянули вместе груз своих забот. Мы обязаны были его тянуть. У нас была дружная работа, мы увлекались ею (работой, а не оформлением предложений)...»

Творчество, как известно, начинается с увлечения делом, острого желания выполнить его лучше. Человек попробовал раз, второй. Не получается. Не вышел и третий вариант. Бросил: мне больше всех надо? Другой — более настойчивый — доводит дело до конца. Подает на рассмотрение и получает ответ — вежливый и слегка снисходительный: извините, это не интересно; неудачно и бездоказательно. Ну что же, там, сверху, виднее... А третьи — как Лютов — не только упрямы, но и терпеливы, хорошо понимают, что значит приносить людям пользу. Не получается — десятки раз изменят, пробуют. И не успокаиваются, настаивают на своем.

При этом Лютов думает не о своей личной выгоде, а об общем деле, общей пользе. И он вовсе не похож на человека с пламенем во взоре и мощными кулаками, умеющего стучать по разнокалиберным столам. Он небольшого роста, говорит тихо, застенчиво улыбается. Не похож и на традиционного изобретателя-одиночку, терпеливо сидящего в приемных с рулонами чертежей. Он всегда в коллективе, всегда с людьми. И это его счастье, что в своих поисках он не был один. Именно поэтому ни разу не опускал руки — не мог опустить, потому что рядом с ним всегда были друзья.

Сколько я ни искал в жизни Лютова каких-то острых конфликтов, особых столкновений характеров — согласитесь, заманчиво показать героя в борьбе, — так и не нашел. Возможно, ему повезло. Еще в молодости определил главную линию жизни — ему нравилось то, что он делал. Но как же все-таки, так и прошла большая часть его жизни без борьбы, без случаев, в которых проявился бы характер человека? Нет, таких эпизодов в жизни Лютова было немало, особенно здесь, в Норильске.

...Водовод на Кайеркане вышел из строя поздно вечером. Лютов случайно задержался у себя в кабинете — просматривал чертежи — и услышал

взволнованный голос диспетчера. Позвонил домой, предупредил, чтобы не ждали. Почти три недели восстанавливали водовод и шахтерский поселок. Хорошо еще, что удалось подключить насосы — из маленького тундрового озера пошла вода на самые острые нужды... А потом повезли ее по железной дороге в цистернах из города. Мороз обжигал лица. Искры от электросварки падали в снег и казались диковинными, яркими жарками из тундры в этой полярной ночи на белом снегу...

Лютов привык думать о воде, как о живом существе. Как обуздать ее? Случай этот, который надолго запомнился норильчанам, заставил его задуматься и о другом: как совсем исключить такие случайности? Эта мысль не давала ему покоя. Ведь достаточно, чтобы на каком-нибудь участке прекратилась подача воды — и труба выйдет из строя. Нужен прибор, надежно защищающий трубы от замерзания — чтобы он сам устранял угрозу аварии. Его пока не существует... Год прошел, пока, наконец, было найдено решение.

Как оно приходит — такое решение? Как приходит это озарение, и долгие недели, месяцы, даже годы, проведенные в поисках, вдруг выкристаллизовываются в четкий чертеж, где все так просто и ясно? Не мистика ли тут? Нет!

Нужны вполне реальные, земные чувства — не только знания и умение работать, но и любовь к своему делу, убежденность, что этим ты приносишь пользу людям, — нужна увлеченность! Ее результаты?

Листаю папку с отзывами. В этих документах, строгих и лаконичных, нет места пылким, восторженным словам или характеристикам таких отвлеченных категорий, как увлеченность. Все сухо, официально:

...Автор решил одну из наиболее важных задач водоснабжения в районах вечной мерзлоты и сурового климата... В сущности, дано принципиально новое изобретение, какого нет ни в нашей стране, ни за рубежом... Устройство по автоматической защите водоводов от замерзания основано на использовании физических свойств самой воды. Автор сознательно отказался от электронных схем, для которых необходима электрическая энергия... Предложение настолько оригинально и полезно, что, возможно, положит начало новому виду автоматических устройств...

Большинство изобретений — результатов творческой увлеченности инженера Лютова — запатентованы и за рубежом — в Швеции, Норвегии, Канаде, США, Финляндии, Исландии. И очевидно, нигде в этих странах не думают о том, что эти работы — выражение активной жизненной позиции советского человека, даже не представляют себе, что изобретатель живет и трудится в сложнейших условиях Севера, не помышляя о каких-то особых личных благах, заботясь лишь об общем деле.

...Небольшое здание в старой части города. На нем вывеска: «Норильский научно-исследовательский отдел Красноярского института «Промстройниипроект». Заведует сегодня этим отделом кандидат технических наук заслуженный изобретатель РСФСР Анатолий Васильевич Лютов.

Маленький кабинет, шкафы с книгами и чертежами — ничего лишнего. И только на стене портрет человека с узким разрезом глаз. Михаил Васильевич Ким... Он был предшественником Лютова на этом посту. Несколько лет назад поехал в командировку и — отказало сердце, щедрое, доброе сердце. Ким, один из тех, кто стоял у истоков этого города, был всегда примером для Лютова. Не могла не восхищать его яростная жажда работать над проблемой, которой посвятил всю свою жизнь. Он занимался основаниями и фундаментами, на которые строители ставили потом многоэтажные дома, большие горячие цеха. Он был талантливым человеком, но не зря сказано, что талант — это 99 процентов трудолюбия и 1 — озарения. Собственно, и даются эти часы озарения, подлинных творческих находок тем, кто умеет трудиться и неуклонно идет к поставленной цели, не сворачивая с пути, не ищет боковых ходов и легких тропинок.

В 30-е годы строители не знали, как сооружать дома и заводы на вечной мерзлоте, никаких правил и норм тогда не существовало. Эти правила и разрабатывал Михаил Васильевич Ким, он создал теорию свайных фундаментов на Крайнем Севере, он привел на строительную площадку буровой станок, который заменил сотни землекопов...

И никого не удивило, что именно Лютов стал преемником Кима, потому что, хотя и работали они над различными вопросами — один занимался фундаментами, а второй — инженерными коммуникациями, делали одно общее дело — создавали условия для труда и жизни в Заполярье, строили в необычных, экстремальных условиях город...

Над чем работают сотрудники отдела?

— Мы продолжаем исследования лауреата Ленинской премии М. В. Кима по совершенствованию свайных фундаментов, — рассказывает Анатолий Васильевич, — уже разработаны и прошли испытания буро-набивные сваи-стойки с высокой несущей способностью и большой глубиной залегания. На них возведена, например, 180-метровая дымовая труба на никелевом заводе. Это техническое решение позволило сэкономить стране 500 тысяч рублей. Или другой пример. В связи со строительством у нас 9-этажных домов возникла проблема: как в условиях Заполярья вести кирпичную кладку непрерывно? Разработанный старшим научным сотрудником М. Д Шкляровым метод прогрева кирпичной кладки с помощью специальных электрощитов позволит строить дома в течение всего года. И не только для Норильска работает наш отдел. Думаем над тем, как защитить наружные стены от атмосферных воздействий в условиях Камчатки, Сахалинской и Магаданской областей. Оказываем научно-техническую помощь строительству трубопровода Магадан — Палатка — Атка. Работаем над тем, чтобы продлить долговечность ограждающих конструкций в главном корпусе Байкальского целлюлозного завода. В лаборатории действует принцип: дать человеку трудную задачу, но зато какое удовлетворение, радость испытает он, когда придет к нему наконец решение нелегкой проблемы. Ни с чем не сравнить это чувство...

Каждый человек интересен главным делом своей жизни. И все же мне кажется, что рассказ об Анатолии Васильевиче Лютове будет неполным, если не сказать о его увлечениях после работы.

— Знаете, и в отпуске с удовольствием занимаюсь своими рабочими делами, — ответил Лютов, — думается легко — ничто не отвлекает, есть время и в патентном бюро посидеть, и со специалистами посоветоваться.

В мае прошлого года улетел Анатолий Васильевич в Рим, по туристской путевке. Походил по улицам древнего города, постоял на площади у собора святого Петра, посмотрел на Колизей... Но не удержался — спросил у гида: «По каким же принципам древние римляне сооружали свой водопровод?» И оглянулся смущенно: всем ли интересен его вопрос...

ПАПОРОТНИК из Норильска

Г. ИВАНОВА

Школьный кружок юннатов.

На «атеистическую тематику» — разговор повернул неожиданно. Старожил - норильчанин рассказывал мне о городе, о его людях, о комбинате, и вдруг, скорее всего случайно, обронил фразу:

— Условия у нас такие, что на работе, да и вообще в жизни надеемся только на себя да на плечо товарищей — на их поддержку, и физическую и моральную. На бога надеяться не приходится...

Потом я на эту тему говорила со многими в Норильске — и в горкоме партии, и в правлении городской организации общества «Знание», и на комбинате.

Норильск — город, по существу, безрелигиозный, не имеющий ни религиозных традиций, ни той среды, где бытует религиозное общественное мнение. Суровыми баллами жесткости измеряются здесь не только погодные условия, но и климат духовный испытывает человека на прочность, оставляет лишь тех, у кого твердая жизненная позиция, нравственная выдержка. Основное население здесь — молодежь, люди с достаточно высоким общеобразовательным уровнем, квалифицированные рабочие, молодые специалисты. Как правило, у людей благоустроенное жилье, бытовые удобства, все возможности для культурного роста, содержательного досуга, занятий спортом, художественной самодеятельностью и т. д. В общем, среда, условия для религиозных проповедей и иллюзий, надежд на всевышнего неблагоприятные.

Каковы же должны быть в таких условиях особенности атеистической работы?

Ответственный секретарь городской организации общества «Знание» В. И. Махалов рассказал, что в течение нескольких лет при городской организации общества существовала атеистическая секция. Руководил ею инженер Эдуард Михайлович Комаров, энтузиаст атеистической пропаганды. Члены секции читали лекции, пытались вести индивидуальную работу с теми немногими верующими, которые были. Но дело это не ладилось. В заявках атеистических лекций просили очень мало. Кончилось тем, что года три назад атеистическую секцию влили в

состав секции по пропаганде естественнонаучных знаний. Однако что-то здесь, видимо, недодумали: в естественнонаучных лекциях атеистическая проблематика почти не отражается, а собственно антирелигиозных лекций практически нет.

Как видим, попытка строить в Норильске атеистическую работу по традиционному образцу — как ведется она на «материке», как описывается в нашей атеистической литературе, окончилась неудачей. Традиционные ее формы и методы, как показала практика, тут неэффективны — их свернули, а новых, более подходящих, взамен не создали. На вопрос: какой же должна быть атеистическая работа в здешних специфических условиях? — ответ пока не найден.

Однако все, кто в Норильске причастен к идеологической работе, единодушны: ответ этот искать надо, и разговоры наши показали, что какие-то пути, по крайней мере в теоретическом плане, здесь вроде бы уже и вырисовываются.

В специфических условиях безрелигиозного заполярного города особенно наглядно выступает та истина, что атеистическое воспитание не обособленный участок работы, что успеха здесь можно достичь только при том условии, если оно составит органическую часть всего комплекса коммунистического воспитания — сольется воедино с идейно-политическим, трудовым, нравственным воспитанием. Именно сейчас, когда XXV съезд КПСС поставил задачу комплексного подхода ко всему делу коммунистического воспитания, открываются особенно благоприятные возможности для того, чтобы органически вплести во все направления воспитательной работы атеистическую нить — именно в ее позитивном, жизнеутверждающем звучании, как элемент и фактор формирования научного, материалистического мировоззрения.

Главным в этой работе, по крайней мере на первых порах, должно стать, на наш взгляд, внимательное изучение духовной жизни заполярного города во всем многообразии ее проявлений — с тем чтобы в каждом из них выявить мировоззренческий аспект, найти пути слияния формирования материалистического мировоззрения, атеистической убежденности с теми формами идеологической работы, которые стали здесь уже традиционными, по которым накоплен немалый опыт.

И в этом отношении видятся в Норильске широкие возможности. Взять хотя бы замечательные традиции молодого города, которыми его жители так гордятся. Нам, например, довелось стать свидетелями торжественного приема нового пополнения норильчан, прибывших в Заполярье по путевкам комсомола. Когда электричка привезла нас с аэродрома в центр города, Октябрьская площадь встретила поезд громкими призывами мегафонов из выстроившихся на площади автобусов: «Прибывших по комсомольским путевкам на Всесоюзную ударную стройку просим занять места...» И автобусы везут ребят по улицам, им рассказывают о городе, о его истории, о горнометаллургическом комбинате. Так начинается приобщение молодого пополнения к трудовой славе норильчан.

А в первые же дни работы новичок получает пригласительный билет:

«Дорогой товарищ! Приглашаем тебя на вечер молодежи, прибывшей на комбинат по комсомольским путевкам. Ждем тебя во Дворце культуры комбината в такой-то день, в такой-то час».

На вечере выступают руководители комбината, ветераны труда. Молодым, но уже отличившимся в труде производственникам вручают награды. Затем — концерт ансамбля песни и танца и вокально-инструментального ансамбля «Меридиан», танцы, игры, шуточные лотереи, первые знакомства новичков в городе, который отныне станет родным для них, славу которого они будут множить своим трудом.

В становлении молодого рабочего на производстве тут велика роль наставника — опытного мастера своего дела, старшего товарища, чуткого и умного воспитателя. Таких немало на комбинате, они шефствуют более чем над тремя тысячами молодых рабочих. К примеру, на «Медьстрое» всеобщим уважением пользуется бригадир, заслуженный строитель РСФСР П. С. Бондаренко. Его бригада стала своеобразной школой воспитания квалифицированных строителей: рабочие, освоившие здесь специальность, накопившие опыт, переходят в другие коллективы, а на их место Бондаренко набирает новичков.

В этом же строительном управлении около двух лет назад В. В. Ракович создал бригаду из прибывших на стройку новичков, стал для них наставником и на производстве, и в быту. Сейчас эта бригада — в рядах передовиков социалистического соревнования. А вот И. Л. Котляров заботится прежде всего о том, чтобы его подопечные пополняли свои знания. Многие молодые рабочие из его бригады учатся в вечерней школе, сам бригадир закончил вечерний индустриальный институт.

Традиционными стали в Норильске совместные слеты наставников и их подопечных. Они превращаются в настоящие праздники трудовой славы, дружбы двух поколений, преемственности замечательных традиций рабочего класса. Вот как прошел такой слет, посвященный XXV съезду КПСС.

Дворец культуры празднично украшен. В фойе — стенд, рассказывающий о благородной работе наставников. На сцене большого зала — эмблема слета и слова: «Славны люди, достигшие вершины мастерства. Но трижды славен тот, кто помогает взойти на эту вершину своим ученикам». Открывает торжество секретарь горкома партии А. И. Перегудов. Он рассказывает о том, как ветераны труда, передовики и новаторы производства шефствуют над молодежью, учат ее любить труд, передают ей богатый жизненный опыт, знания и мастерство. 16 самых заслуженных воспитателей молодежи получают почетный знак «Лучший наставник края», еще 30 — почетные грамоты. А затем — центральная часть слета, торжественный обряд посвящения в рабочие молодых производственников. К ним обращены слова наставников:

«Люби свою профессию, гордись ею, уважай труд своих товарищей, береги честь коллектива, овладевай профессией, углубляй свои знания, постоянно учись! Смело шагай по дороге большой жизни, не бойся трудностей, никогда не отступай! Высоко и честно неси славные традиции рабочего класса».

А в ответ звучат слова традиционной рабочей присяги:

«Вступая в ряды рабочего класса, торжественно клянусь: быть честным, трудолюбивым, добросовестно относиться к выполнению производственных заданий, свято хранить и умножать трудовые традиции рабочего класса; высоко нести гордое звание рабочего, имя норильчанина, постоянно изучать свою специальность, повышать технический, общеобразовательный и политический уровень, всегда и во всем поддерживать честь орденоносной городской комсомольской организации, крепить трудовую славу орденоносного комбината, развивать традиции орденоносного города — первенца советской индустрии в Заполярье».

Наставники поздравляют своих подопечных, вручают каждому «Трудовую путевку»:

«Отныне честь коллектива — твоя честь, его заботы — твои заботы. Дорожи своей профессией, будь честным и дисциплинированным. Гордись тем, что ты вливаешься в славную семью тружеников Норильского ордена Ленина горнометаллургического комбината, и береги его честь. Помни — биографию создает человек своим трудом. Впереди у тебя большой трудовой путь. Не всегда он будет легким. Не огорчайся при первых неудачах, не пугайся трудностей, преодолевай их и борись с недостатками. Вручая тебе трудовую путевку, выражаем уверенность, что ты не уронишь рабочую честь и сохранишь чувство гордости за свою профессию».

И после этого торжества молодые рабочие не раз ощутят внимание и заботу старших товарищей, тех, кто взял на себя ответственность за их воспитание.

...Во Дворце культуры вечер-«огонек» молодых рабочих «Человек славен трудом». В непринужденной обстановке, за столиками кафе идет задушевный разговор старших и молодых, передается жизненный опыт, заветы трудовой чести.

А у тех, кто поступил учиться в Норильский индустриальный институт, — свой праздник: посвящение в студенты, со своим уже сложившимся торжественным ритуалом. Есть свой праздник и у молодых специалистов комбината — с шуточными состязаниями в остроумии и находчивости («День последний (в институте) и день первый (на производстве)», конкурсами «Песни былых студенческих лет», смотрами стенгазет, аттракционами и т. д.

Особенно торжественны были такие вечера и встречи в прошлом году, который для Норильска знаменателен тем, что 20 лет назад комбинат стал Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, сюда прибыли первые отряды посланцев комсомола из Москвы и Ленинграда. За два десятилетия в городе выросло новое поколение строителей и металлургов, передаются и крепнут славные трудовые традиции.

Верность традициям, становление новых праздников и обрядов, конечно, не ограничивается сферой только, так сказать, производственной. Торжественно, весело, с хорошей выдумкой справляют здесь молодежные свадьбы, дают путевку в жизнь новорожденным, отмечают юбилеи супружеских пар.

Свой календарь праздников диктует и заполярная природа. Самый долгожданный и радостный — Проводы зимы. Здесь она не спешит уходить — провожают ее в середине мая, да и в это время еще морозно, лежит снег, только солнце уже пригревает по-весеннему. Обычно гулянья проходят за городом, на турбазах.

Нынешнее воскресенье — 16 мая — выдалось на славу: ярко светит солнце, искрится снег. На турбазе «Юбилейная» собралось более тысячи человек. Территория убрана, украшена. Ровно в полдень взлетает на флагштоке алое знамя праздника — честь поднять его доверена отличнику производства, слесарю цементного завода Александру Орехову. Две девушки — одна в костюме Зимы, другая — Весны — идут навстречу друг другу. Зима передает Весне хлеб-соль — эстафету пробуждающейся природы. Приняв ее, Весна становится хозяйкой праздника. Она приказывает ледяные закрома растопить, вокруг костров хороводы водить — начинается праздничное торжество. В этот день на базе «Юбилейная» выступали самодеятельные коллективы — народный хор и танцевальный ансамбль, кукольный театр, проходили спортивные соревнования, игры, веселые аттракционы. Такие торжества состоялись и на других турбазах.

Дворец культуры и театр, радио и телестудия, библиотеки, молодежные кафе, клубы, кинотеатры, турбазы, клуб книголюбов — все это необходимо активно использовать для воспитания нового человека, формирования научного миропонимания.

В школах Норильска для атеистической работы используется как учебный процесс, так и внеклассные формы. Интересный опыт накоплен в школе № 14. Педагоги хорошо понимают, что чем раньше начнется сознательное, целенаправленное мировоззренческое воздействие на человека, не подверженного религиозному влиянию, тем основательнее будет воздвигнут в его сознании материалистический фундамент, заложены основы атеистических убеждений.

Школа эта совсем молодая — ровесница своих первоклашек: ей только семь лет. И почти столько же школьному клубу «Атеист». Руководит им В. П. Варавва — учительница биологии, увлеченная, любящая свой предмет и умеющая увлечь ребят. Сначала Вера Павловна собирала старшеклассников, сама рассказывала им, как и почему верили люди в прошлом да и сейчас верят в бога, раскрывала ошибочность различных суеверий и вздорных примет. А потом, когда ребята заинтересовались разговором, когда сложился постоянный состав слушателей этих бесед, и их начала привлекать к выступлениям. Конечно, товарища по парте слушать проще, чем учительницу: можно и не согласиться, и возразить, и поспорить. Так с самого начала в кружке юных атеистов, который потом назвали клубом, установилась непринужденная атмосфера, когда можно высказать свое мнение без опасения быть высмеянным или поставленным на место, когда общими усилиями, в споре отыскивается истина.

Постепенно испробовали и брали на вооружение новые формы работы: атеистическая программа художественной самодеятельности, театральная постановка, тематический вечер, просмотр и обсуждение кинофильма, обсуждение новой книжки. Оборудовали уголок «Наука и религия», стали выпускать стенгазету. Да и традиционная форма доклада все время совершенствуется — ребята находят новые темы, при подготовке используют больше разных материалов, оригинально оформляют тексты докладов. Лучшие из них хранятся в архиве клуба.

Вот работа десятиклассницы Оли Беловой «Психология религии». Хороший слог, интересные, убедительные примеры. А оборотную сторону каждого из больших листов, на которых написан доклад, занимает рисунок — Оля сама проиллюстрировала свои мысли. Доклад Раи Князевой о том, кем на самом деле был Иоанн Кронштадтский, возвеличенный церковью как чудотворец XX века, — это небольшое самостоятельное исследование с привлечением различных исторических материалов. В этой же папке хранится немало других докладов, вызвавших в свое время большой интерес членов клуба: «Чему поклонялись первобытные люди», «Чудеса религии и могущество науки», «Религия и фашизм» и другие. С лучшими докладами, заслушанными в клубе, юные атеисты затем выступают в классах.

Интересная деталь. В общем, ребята судят о религии как о чем-то от них далеком — как судят они, скажем, о литературных героях из произведений классиков, о далеких заморских странах или давно минувших событиях. Но, побывав во время каникул на

— Прощай, Зима! Добро пожаловать, Весна!

«материке»—у бабушек, привозят уже живые впечатления на этот счет, и тогда более оживленными и конкретными становятся занятия клуба «Атеист». Вот девочка рассказывает: одну девушку бог наказал за богохульство. Она схватила икону и начала танцевать с нею — и вдруг окаменела. Это видели многие присутствовавшие при этом чуде, рассказывали очевидцы. Могло такое быть?

— Я тогда не знала правды об этой легенде, — говорит Вера Павловна. — Ну, думаю, как объяснить? Могло быть, отвечаю, что в тот момент девушку что-то испугало, и страх парализовал ее, лишил возможности двигаться. Такие случаи бывают, медицина успешно лечит пострадавших. А потом вспомнила, что об этом случае писал журнал «Наука и религия», нашла этот номер (№ 12 за 1971 год). И мы все вместе на очередной встрече прочли статью.

Клуб «Атеист» сотрудничает с юннатами, с физическим, химическим и другими школьными кружками — проводятся совместные заседания, обсуждения, демонстрируются опыты. Педагоги 14-й школы всячески поддерживают и поощряют этот интерес ребят. Они правомерно считают, что каждый школьный предмет имеет богатейшие возможности для мировоззренческих выводов, для формирования атеистических убеждений.

Взять ту же биологию. Вера Павловна увлеченно рассказывает, как она на уроках, в кабинете биологии, в школьной оранжерее использует эти возможности.

— Изучение бактерий — удачный повод поговорить о предрассудках, связанных с болезнями. Я объясняю, что люди не видели возбудителей болезни, ее причина была для них непонятна — и они стали считать ее наказанием божьим. замаливали грехи, лечились «святой» водой. И мы вот видим виновников болезни под микроскопом. А врачи нашли средства борьбы с ними — от каждого микроба есть свое лекарство. И тут же завязывается разговор — что же представляет собой «святая» вода. Почему иногда «заговор» какой-нибудь «бабки» утишает зубную боль:

Говорили мы о папоротниках. Спрашиваю: «А кто знает, как цветет папоротник?» Кто-то отвечает: «Он цветет раз в году, в ночь под Ивана Купала». «Ты сам видел? Кто тебе рассказал?» — «Слышал когда-то». «А кто, ребята, видел цветы папоротника?» Молчание. Никто, конечно, не видел. Вот я и объясняю, почему не бывает цветов у папоротника — он размножается спорами. А про ночь под Ивана Купала — просто красивая легенда, отголосок древних верований в нечистую силу. И посоветовала им перечитать, а кто не читал — прочесть гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки»...

Вся еще в воспоминаниях об этом уроке, Вера Павловна осторожно извлекает из оранжерейной тесноты маленький горшочек с молодым папоротником.

— Это вам на память о Норильске, о нашей школе, о нашем клубе. Из-под Диканьки, может, и не интересно было бы везти, а вот из-за Полярного круга, из зоны вечной мерзлоты — это сувенир необычный.

И я бережно довезла в Москву норильский папоротничек, он хорошо перенес далекое путешествие, прижился в столичном климате на высоте 12-го этажа, даже пустил два новых побега. Взглядывая на него, всякий раз вспоминаю увлеченную милую женщину из норильской школы и ее питомцев — шумный клуб «Атеист».

Конец мая — чудесная пора в Заполярье: наступил полярный день. И когда бы вы ни покидали Норильск, даже ночью, вас всегда провожает солнце. Яркое и веселое, оно еще долго светит в иллюминаторы самолета — как привет этого удивительного города. Он остается внизу, большой и красивый, полный планов созидания. А когда познакомишься с ним поближе — начинаешь сильнее верить, что с каждым днем он будет становиться все красивее и сильнее. Ведь, как писал пионерам заполярной Игарки А. М. Горький: — «И во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума».

ПОДВИГ

ЧЕЛОВЕК сделал еще один решительный шаг, чтобы ослабить свою зависимость от коварных случайностей природы. Человек вышел в Космос. Он нарушил божьи уставы Неба и Земли, издавна записанные в священных книгах. Ибо сказано в них: «Небо — небо господу, а землю он дал сынам человеческим» (Псалтирь, гл. 113, ст. 24). Как ни прочно держала она людей в плену своего притяжения, сыны человеческие перешли и этот рубикон. Теперь преобразующая деятельность жителей Земли распространилась и до «божественного» жилища света.

Эра Космоса — прямой результат и олицетворение высокого научно-технического потенциала, достигнутого человечеством, еще одно доказательство безграничности развития и совершенствования познания. Работая в Космосе, узнавая и осваивая невиданную для себя среду безопорного пространства, люди ставят на службу обществу внеземные, но не божественные, а естественные силы природы. И каждый новый эксперимент космических экипажей, распахивающих космическую небесную целину, укрепляет связи детей Земли с необъятной Вселенной. Они, эти связи, не надуманные, не мистические, а строго научные, имеющие своим следствием не только расширение знаний человека об окружающем мире, но и конкретные земные блага людей.

Уже сейчас жизнь и работа человека за пределами родной планеты означают как качественно новую ступеньку в его отношениях с природой, так и новый этап в общественной истории. Возможно,

ДЕРЗНО

мы еще не представляем всех последствий выхода в Космос, но изучение планет Солнечной системы с заатмосферных дистанций меняет и миропредставление людей, и их мировоззрение. Недаром академик В. А. Амбарцумян сказал, что «наступление космической эры вызывает перестройку мировоззрения человека, рождает новые идеи. Человек чувствует ответственность уже не только за себя и свой дом, а за всю планету и окружающую ее часть Вселенной».

Масштабы истории человеческого общества скромны в сравнении с эпохами развития природы, но и в ней есть разные периоды и разные заветы. Вот этот, например, взятый из Евангелия от Иоанна, выдвинуло одно время: «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес сын человеческий». А с коротенького, лихого «Поехали!», сказанного первым землянином при старте космической ракеты в обитель небесного престола, началась небывалая пора пребывания человека в околоземном пространстве. Разные эпохи имеют своих героев, свои выдающиеся личности.

ВЕНПОЙ

Все, что дало начало практическому выходу в заатмосферные выси, тесно связано с именем Главного конструктора Сергея Павловича КОРОЛЕВА. Сейчас ему было бы семьдесят лет. Летчик-космонавт СССР Б. Волынов, журналист В. Губарев знали С. П. Королева, видели его в работе и рассказывают о некоторых эпизодах из жизни выдающегося Конструктора Космоса. Рассказ летчика космонавта Б. Волынова записал наш корреспондент А. Лепихов.

МЫСЛИ

ЖИЗНЬ — ГОРЕНИЕ

Б. ВОЛЫНОВ,
летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

Сергея Павловича Королева я впервые увидел, когда нас всех — первый отряд — собрали к нему на «смотрины». Нетрудно представить, насколько вообще был занят Сергей Павлович, и особенно в ту пору, когда готовился первый полет. Не все шло гладко, было много трудностей, которые в конечном итоге ложились на плечи Королева. Он был загружен работой сверх всякой меры. Так вот, Сергей Павлович вошел в зал и начал знакомиться с космонавтами. Каждый из нас вставал, представлялся и коротко рассказывал о себе. Но оказалось, что Королев не только был отлично информирован о нашей жизни, но и очень многое знал о нас самих. И позже он внимательно следил за каждым из нас, прикидывал, вероятно, «кто есть кто» и что кому можно будет доверить в будущем.

Потом я неоднократно бывал на заседаниях Государственной комиссии и на совещаниях, которые проводил Королев. Мне очень нравилась конкретность и целеустремленность в его работе. Все готовилось заранее, продумывалось до мелочей, а сами совещания были, как правило, очень короткими даже в том случае, если присутствовали представители множества других организаций.

Для всех нас тогда Сергей Павлович Королев был скорее живой легендой, чем обычным земным человеком. Он никогда ничего не говорил о себе. И только однажды, в 1963 году, во время полета В. Быковского и В. Терешковой, нарушил это правило. Я был тогда дублером Валерия и после его старта освободился от режима. А после того, как ушла в полет Валя, стали свободными и ее дублеры. И мы все собрались в комнате, сели за стол и распили бутылку шампанского за счастливые старты наших товарищей. И тут Королев неожиданно начал рассказывать о себе. Это длилось часа полтора. Мы все сидели с раскрытыми ртами и слушали. Были у него в жизни очень большие трудности, были и неудачи, которые не могли сломить его, а лишь закалили этого необыкновенного человека. Работа, работа и еще раз работа — в этом было все его счастье. Я не помню, чтобы Сергей Павлович уходил в отпуск. Правда, в 1961 году вскоре после полета Юрия весь отряд космонавтов выехал на отдых в Сочи. В соседнем санатории в это же время находился Сергей Павлович, который часто приходил к нам. Это, кажется, единственный достоверный случай отдыха Королева. Но и в санатории он постоянно писал — мысли о работе не покидали Сергея Павловича и здесь.

Мне как-то довелось прочитать материалы дискуссии литературоведов и писателей об образе идеального героя. Помнится, они долго спорили о «наборе» качеств, которыми тот должен обладать. Вокруг нас так много замечательных людей, что не надо искать «идеального героя». И наши Первый космонавт и Главный конструктор — это советские люди, чья жизнь и дела долгие годы будут служить образцом для тех, кто занимается и будет заниматься освоением космического пространства. Уверен, что настоящие книги и фильмы о них — еще впереди.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КОРОЛЕВ... Это имя встало в один ряд с Ломоносовым и Коперником, Ньютоном и Менделеевым, Циолковским и Эйнштейном — титанами науки, труды которых подняли человеческое знание до высот сегодняшнего дня, когда рукотворные аппараты прислали на землю снимки каменных равнин Венеры, Марса, когда получены фотографии, засвидетельствовавшие тончайшую организацию клетки. Не преувеличение ли — Ломоносов, Эйнштейн? Время скажет свое слово и об этом. Подмечено давно, что современникам трудно оценивать подлинное величие человека, с которым можно было встретиться на улице, в его кабинете, увидеть его усталость, воспаленные от бессонницы глаза, уловить минутное раздражение. И современник, будь он даже академиком, дважды Героем Социалистического Труда, Главным конструктором, кажется таким же, как все, только власти у него побольше, да и положение повыше.

Однажды я спросил Алексея Иванова, ведущего конструктора корабля «Восток», а значит, «глаза и уши» Главного конструктора: «Бытует мнение, что все равно, был бы Королев или кто другой на его месте, запуск человека в Космос состоялся бы. А как ты считаешь?»

— Я не согласен, — ответил он. — Мне кажется, что благодаря настойчивости и упорству Королева это произошло в апреле 1961 года. Если бы был другой человек, полет произошел бы, но позже. Королев не побоялся взять на себя личную ответственность за подготовку и осуществление первого полета человека в такие сроки. Это мог сделать только выдающийся конструктор, организатор.

А мог ли быть другой на месте Сергея Павловича?

Ответ нужно искать в биографии человека. Что его привело в лидеры — случай, историческая необходимость, уверенность в правоте своего дела? Каждую из этих возможностей нельзя сбрасывать со счета. Но здесь идет речь о глобальном нап-

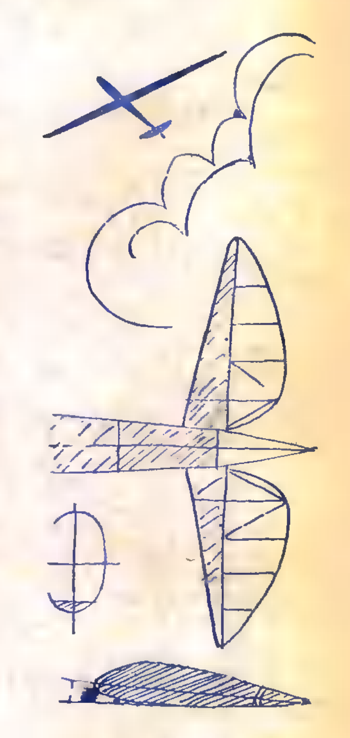
КОНСТРУКТОР КОСМОСА

В. ГУБАРЕВ

равлении научно-технического прогресса, каким стал выход в Космос, значит, непременно о роли личности выдающейся. В нашей стране они были, и, когда наука оказалась на «космическом пороге», именно такие ученые во многом определили степень успеха. Потребовались двигатели — и во главе конструкторского бюро встал большой ученый, подошло время строить стартовые комплексы — и не менее талантливый специалист возглавил их разработку. Но нужно было объединить этих незаурядных людей, нацелить их на выполнение одной, общей задачи — и это выпало на долю С. П. Королева. Его «ракетный авторитет» был достаточно высок, чтобы собрать всех в единый кулак и сообща, коллективно пойти на штурм Космоса.

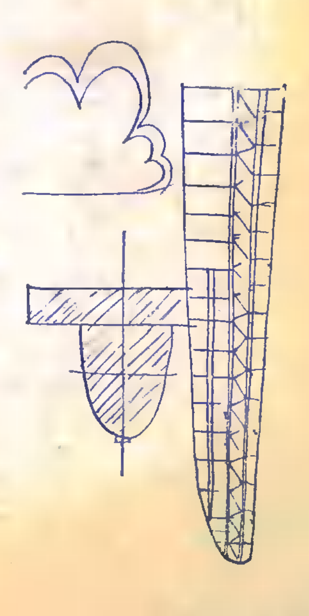
В ночь на 31 декабря, когда до нового 1907 года оставались считанные часы, в Житомире родился мальчик. Павел Яковлевич Королев, учитель гимназии, и Мария Николаевна нарекли новорожденного Сергеем. Детство прошло в Киеве. От тех времен остался лишь один документ, написанный рукой будущего Главного конструктора ракетно-космических систем. Когда Сережа собирался поступать в приготовительный класс, он писал сочинение «Дедушка». Вот его полный текст: «Дедушка мой был давний охотник. Жил он в своем доме. Там был огромный двор и большой сад. Двор весь зарос травой. Около ворот была собака».

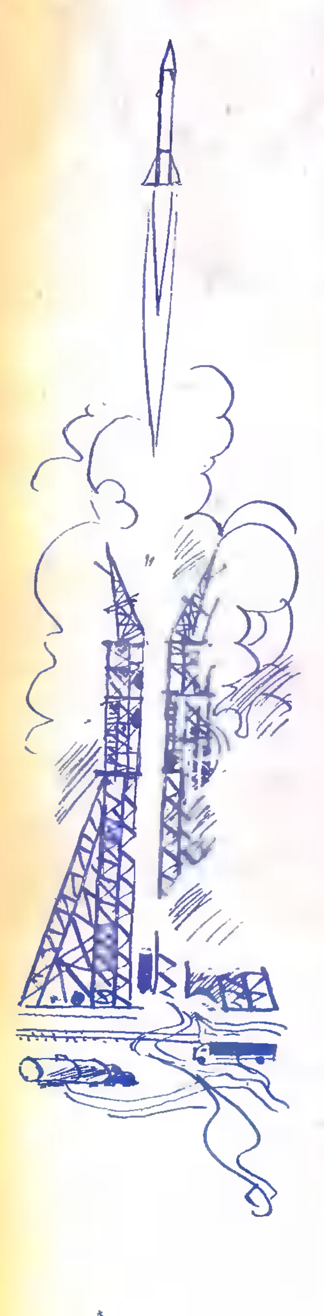
Детство Сережи Королева было обычным — гимназия, Одесская профессиональная строительная школа. И суждено бы ему стать строителем, если бы в жизнь не ворвалось небо. Сергей Королев «заболел» планерами. С 1927 года он летает на планерах, через два года осваивает самолет. Одновременно сам начинает конструировать летательные аппараты. Но его первый планер не летал: его создатель знал еще очень мало. В 1930 году Королев заканчивает МВТУ имени Баумана и Московскую школу летчиков. В это же время он строит «Красную звезду», первый в истории планер, предназначенный для выполнения высшего пилотажа. Летчик В. А. Степанченок выполняет на нем петлю Нестерова. А конструкторский талант Сергея Павловича Королева уже устремлен на новые планеры и самолеты. Некоторые из них испытывает он сам.

Казалось, судьба уготовила ему жизнь авиаконструктора. Но в Калуге живет великий мечтатель XX века — Константин Эдуардович Циолковский. Он будоражит молодые умы, зовет их в космические дали. В Сергее Павловиче Королеве он сразу же находит своего приверженца, верного ученика. Но пока ракетная техника и авиация развиваются параллельно, как бы дополняя друг друга, энергии Королева хватает на обе эти области.

В 1931 году при Осоавиахиме создается Группа изучения реактивного движения (ГИРД). Королев работает в ней вместе с Ф. А. Цандером, а затем становится и руководителем ГИРДа. Вскоре в Москве открывается Ракетный научно-исследовательский институт (РНИИ). Ведущий специалист института по ракетным летательным аппаратам

Рисунки Р. Авотина.

— Королев. 5 мая 1934 года стартует крылатая ракета 06. Через два года создается проект экспериментального ракетного самолета, через год ракетоплан. 28 февраля 1940 года летчик В. П. Федоров совершает на нем первый полет. С этого дня начинается биография ракетной авиации.

Перечень сделанного говорит об одном: безоговорочная вера в новую технику, ее возможности, ее будущее помогла работать с полным напряжением сил. Еще в 1934 году написан доклад о полете реактивных аппаратов в стратосфере и выходит книга С. П. Королева «Ракетный полет в стратосфере». Они заканчиваются такими словами:

«Работа над реактивными летательными аппаратами трудна, но она необычайно интересна и многообещающа. Трудности, в конечном счете, несомненно преодолимы, хотя, может быть, и несколько бо́льшими усилиями, чем это кажется на первый взгляд. Основное, что нужно сейчас, — это хорошая координационная работа ракетчиков ряда других областей науки и техники».

И еще:

«Мы уверены, что в самом недалеком будущем ракетное летание широко разовьется и займет подобающее место в системе социалистической техники. Ярким примером тому может служить авиация, достигшая в СССР такого широкого размаха и успехов. Ракетное летание, несомненно, может претендовать в своей области применения вряд ли на меньшее, что со временем должно стать привычным и заслуженным».

Это была программа работ по ракетной технике, и десять лет спустя осуществлять ее начал Сергей Павлович Королев.

...На перегоне машинист притормозил. Молодые инженеры выскочили из вагона, не дожидаясь остановки поезда. Не терпелось ступить на землю, где им предстояло работать.

Они были юные, эти инженеры. В институты поступили, когда на западе еще шли тяжелые бои Отечественной войны. Молодые, они с горечью считали, что самое великое в истории страны уже позади и на долю их поколения ничего не останется.

Степь встретила новичков сильной пылевой бурей. Не скоро добрались они до конторы, маленькой хатенки, прилепившейся к деревенской церкви. Здесь встретил их начальник группы. Инженеры представились.

— Утром разберемся, а сейчас отдыхайте, — воспаленные веки начальника опустились, и он вновь уткнулся в лежавшие на столе бумаги.

Инженеры недоуменно переглянулись.

— Простите, где можно разместиться? — спросил один из них.

Человек устало поднял голову.

— А я почем знаю, сам здесь десятый день. Ложитесь пока в соседней комнате, завтра что-нибудь придумаем...

Утром буря затихла.

Степана Царева направили в монтажные мастерские. Он долго шел по степи. И когда вдруг впереди замаячила фигурка в кожаной куртке, со всех ног побежал догонять этого человека.

— Вам в монтажные? — переспросил незнакомец. — Идемте. Я тоже туда. Часа за полтора доберемся.

Потом Степану много раз пришлось встречаться с Сергеем Павловичем Королевым. Его кожаную куртку каждый день видели то в монтажных мастерских, то на стартовой площадке, то на установке для прожига.

Много лет спустя на том же космодроме готовились к запуску искусственного спутника Земли. Старт был назначен на утро. Вечером в гостинице пили чай, играли в шахматы. Ветераны пустились в воспоминания. В моем журналистском блокноте остались короткие записи.

Инженер Л. Бродов. Я воевал. И могу смело сказать: здесь было не легче фронта. Огромная нагрузка ложилась на каждого. Занимался я тогда топливом. Таких цистерн для перевозки жидкого кислорода, как сейчас, еще не было. Испаряется он быстро, оглянуться не успеешь. А дороги? Их тогда, по сути, тоже не было, в сапогах не всегда проходили, а до станции раза два-три в день оборачиваться приходилось. Ведь малейшая задержка могла сорвать пуск. На паровозах

рядом с машинистами сидели... Сейчас вот вспоминаешь, улыбаешься. А тогда не до смеха было.

Инженер С. Царев. Как сейчас помню первый пуск. Я стоял у стенда и глядел, как поднимается ракета. Что самое эффектное в старте? Конечно же, видеть работу двигателей. А я раньше на это насмотрелся, потому что был в то время заместителем начальника стенда огневых испытаний. Сейчас на космодроме вы этого не увидите. На заводе двигатель отрабатывают, а в те времена испытательный стенд был у нас. И сейчас он еще стоит как память о прошлом. По нынешним масштабам сооружение не столь большое, нам же тогда оно казалось огромным. 46 метров в высоту! А если учесть, что стояло оно на краю оврага, то еще полтора десятка метров можно смело добавить.

Близ оврага было несколько строений. В одном из них заседала Государственная комиссия. Как только стенд построили, ученые решили: испытание провести через два дня.

Закрепили мы ракету на стенде. Вроде прочно все сделано, но выдержит ли? Работу начали в пять вечера. Запуск двигателя произвел ошеломляющее впечатление. Струя огня рванулась в овраг, понеслась по бетонной полосе, ушла метров на четыреста.

Шестьдесят секунд работали двигатели. Стенд выдержал, а слой бетона, по которому распространялось пламя, будто кто-то взрыхлил. Выгорел он до металлической сетки.

Инженер С. Стрепет. Вот уже почти четверть века ракетами занимаюсь. Первый запуск, который я видел, помню отлично, словно вчера все происходило. Ракета стояла на старте два дня. Долго мы готовили ее. Стартовая команда большая была: люди к пуску готовились и одновременно обучались.

Сейчас на космодроме специальные укрытия, а в то время загнали две машины в аппарель — вот тебе и командный пункт, и укрытие. Там и спрятались — мало ли что будет...

Пуск!

Помню одно: все перепуталось. Как мы не задушили друг друга от радости, до сих пор понять не могу.

Пускали на рассвете, чтобы лучше было видно. Поисковая группа нашла контейнер в 270 километрах от стенда, того самого, который теперь стоит как памятник...

Как обычно, после первой удачи последовали неприятные дни. Ракета рождалась трудно. Она демонстрировала свои технические погрешности и не прощала небрежности. Ни малейшей.

Казалось, все идет хорошо. И вдруг на двухкилометровой высоте глохнет двигатель, ракета взрывается и падает. Отчего? Один инженер вспомнил: когда он завинчивал крышку бачка с перекисью водорода, его отвлекли. Проверить, хорошо ли она закручена, испытатель забыл.

На заседании Государственной комиссии С. П. Королев сказал:

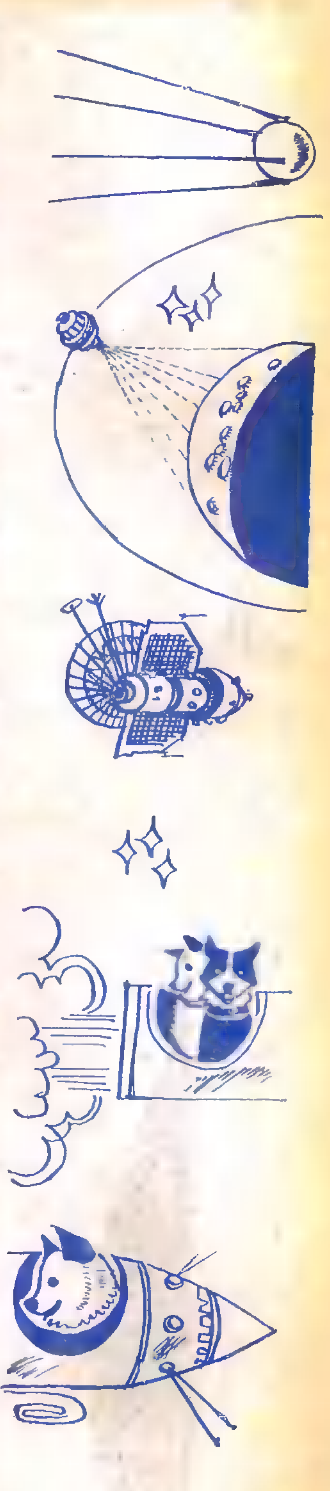
— Прошу не наказывать виновного. Он честно признал ошибку. Для нас это очень важно. Если люди будут скрывать брак в работе, мы не сможем находить недостатки.

Инженера не наказали.

Доверие рождало творческую обстановку. Коллектив жил одним дыханием, единой целью.

Аппаратура становилась компактнее, ракеты совершенней. Они вмещали 15—17 приборов для исследования атмосферы и поднимались на высоту 70—80 километров.

Здесь, в зоне так называемых серебристых облаков, были обнаружены очень сильные воздушные течения. Для выяснения природы серебристых облаков запустили одновременно несколько ракет. Они стартовали на рассвете. На разной высоте ракеты выбрасывали искусственные облака. Красные, синие, зеленые, оранжевые, белые, облака плыли высоко в небе, обгоняя друг друга. Свидетели этого необычного эксперимента до сих пор вспоминают небесную мозаику, сотворенную рукой человека. Зрелище подобной красоты, по словам очевидцев, трудно себе представить.

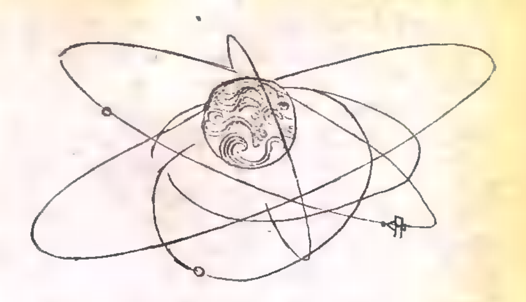

Запуски на высоту 400 километров принесли ценную научную информацию, рассказывающую о картине поперечного разреза атмосферы. Уточнились величины перепада температур, определилось наличие излучений, изменение состава атмосферы. Были получены данные о степени влияния радиации на корпус ракеты, на приборы, на компоненты топлива.

А ракеты готовились принять первых пассажиров. Ими стали собаки, первые живые существа, побывавшие на тех самых высотах, где сегодня пролегают трассы искусственных спутников Земли. Правда, они прилетали туда всего на несколько минут, но через семь лет, когда в Космос отправилась легендарная Лайка, минуты уже сложились в часы и дни. Эти полеты приближали людей Земли к 12 апреля 1961 года. Но сначала было 4 октября 1957-го, когда в новую среду деятельности человека отправился «ПЭЭСИК», или «простейший» спутник, как его тогда называли, рожденный в конструкторском бюро С. П. Королева.

— Он был мал, этот самый первый искусственный спутник нашей старой планеты, — говорил Сергей Павлович Королев в беседе с журналистами, — но его звонкие позывные разнеслись по всем материкам, среди всех народов как воплощение дерзновенной мечты человечества.

Первый спутник был прологом широкого наступления на Космос. С каждым годом усложнялась и расширялась служба их действия. Спутниковые системы стали оперативными метеорологическими наблюдателями, позволив уточнять и совершенствовать долгосрочное и краткосрочное прогнозирование погоды. Ведь три пятых поверхности земного шара до тех пор практически не контролировались службой погоды. Навигационные спутники дают точную информацию о ледовой обстановке в труднодоступных районах Арктики и Антарктики. Спутники помогают в оперативном картографировании поверхности всей планеты. А системы связи, на-

лаженные с помощью спутников! Они играют роль огромных телевизионных башен, которые, будучи выстроены, устремились бы в высоту до 40 тысяч километров.

Ученые получили реальную возможность для осуществления системы строгого учета всех естественных процессов на планете, для контроля над преобразующей деятельностью человека в масштабах всей Земли.

Вот на какие орбиты вышел маленький «ПЭЭСИК». С помощью спутников человек получил возможность рассматривать Землю как сложную природную систему и поиному взглянул на собственную практическую деятельность.

Передо мной книга Юрия Гагарина «Дорога в Космос». Это не простое издание. Поверх обычного текста идет новый. Советские и зарубежные ученые, писатели, политические деятели оставляли здесь свои автографы, рассказывали, о чем они мечтают, что думают о Космосе. Появилась в этой книге и такая запись: «Надеюсь, что по этой дороге удастся когда-нибудь пройти и мне».

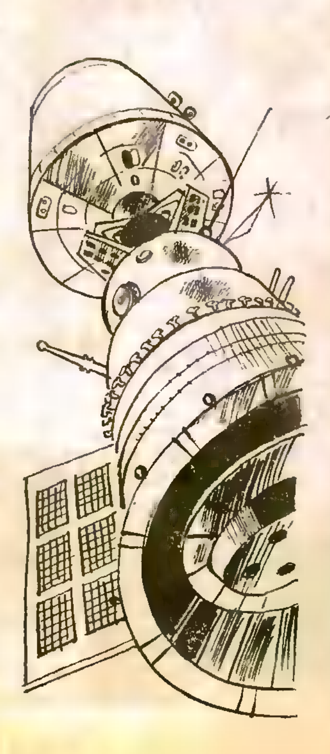
— Только не думайте, что я шучу, — добавил Сергей Павлович Королев, пряча в карман авторучку. — Однажды я чуть не полетел в Космос. Это случилось 11 апреля 1961 года. Я поднялся к «Востоку». Был удивительно тихий вечер. Огромное солнце медленно опускалось за край земли. Отсюда, с высоты, было далеко видно. Постепенно космодром затянуло вечерней дымкой, он утонул в сумерках. Мне показалось, что ракета оторвалась от земли, и я полетел. А утром кабину «Востока» занял ее подлинный хозяин...

Под короткой записью в книге

подпись — К. Сергеев. Обычно раз в год, в новогоднем номере, К. Сергеев выступал в «Правде» со статьей. Он рассказывал, что произошло в космонавтике за минувшие 365 дней и что будет сделано в ближайшее время. Когда академика Сергея Павловича Королева не стало, мир узнал, что К. Сергеев — его псевдоним.

Я вновь перечитал статьи Королева. Поразительна прозорливость ученого, на много лет вперед определившего путь развития космонавтики, удивительна четкость намеченной им программы исследований заоблачного пространства.

Искусственные спутники Земли, космические ракеты и корабли-спутники уже принесли огромную научную информацию. Проведены широкие исследования свойств верхней атмосферы и прилегающего к Земле космического пространства, магнитных полей нашей планеты и соседки-Луны. Уточнены данные о природе солнечных излучений, космических лучей, межпланетной пылевой и газовой среды, микрометеоритов и других природных явлений.

Огромную ценность представляет накопленный за последние годы опыт разработки, испытания в полете и совершенствования технических систем, устройств и конструкций, действующих на борту космических ракет и кораблей, в том числе приборы, обеспечивающие необходимые условия жизнедеятельности животных и растений в Космосе. Ракетно-космическая техника невиданно раздвинула познавательные возможности человека. С их помощью ряд задач науки — в геологии, географии, геодезии, астрономии — решается намного быстрее и точнее, чем до освоения Космоса.

Сергей Павлович Королев видел в будущем качественно новую систему в виде космических орбитальных сооружений, существующих на орбитах около Земли и выполняющих свои функции с надежностью и неизменной точностью, подобно небесным телам. Но ему не довелось отправить в полеты новых космонавтов на новых кораблях.

С тех пор прошло десять лет. С нами осталось его дело, его мечты.

— Я уверен, что не за горами время, когда экипажи могучих космических кораблей весом во много десятков тонн, оснащенных всевозможной научной аппаратурой, покинут Землю и, подобно древним аргонавтам, отправятся в далекий путь, — говорил он. — Они отправятся в заоблачное путешествие, в многолетний космический рейс к Марсу, Венере и другим далеким мирам. Можно надеяться, что в этом благородном деле будет все более расширяться международное сотрудничество ученых, проникнутых желанием трудиться на благо человечества, во имя мира и прогресса.

И еще много лет идеи и мечты Сергея Павловича Королева будут оказывать влияние на развитие космонавтики, на постижение загадочного Космоса, этой новой сферы приложения человеческих рук и разума. А для потомков его имя, вне всякого сомнения, будет стоять в ряду титанов науки, которые обрели право на бессмертие.

ТАЙНЫ ПОДЗЕМНОГО ОКЕАНА

ВОДА — основа жизни. Любой живой организм почти на 90 процентов состоит из воды. На Земле ее огромное количество, но в последнее время мир стал подсчитывать ее запасы. В чем же здесь дело? Современный человек, как и житель древнего Египта, в принципе выпивает те же два литра воды в сутки. Почему же тогда воды хватало, и реки не мелели, а теперь пресная вода становится дефицитной?

Конечно, сейчас население Земли во много раз больше, его численность превысила четыре миллиарда человек. Но даже десятикратное увеличение количества землян и израсходованная ими на личные нужды вода существенно не повлияют на ее запасы. Дело вовсе не в этом, а в том, что вода в огромном количестве потребляется в сельском хозяйстве и промышленности. Около 60 процентов всей потребляемой воды расходуется на орошение. Вот еще несколько цифр: чтобы добыть только одну тонну нефти, надо израсходовать 10 кубометров воды, на тонну стали ее идет 20 кубометров, на тонну бумаги — 200, на производство тонны капрона химическая промышленность расходует 6 тысяч кубометров воды. И, наконец, немалое количество воды забирают водохранилища гидроэлектростанций. Здесь нужно учесть еще и то, что на густонаселенные районы нашей страны приходится лишь 18 процентов общего стока рек СССР. А этого оказывается мало.

Но есть еще вода — под землей. Ученые подсчитали, что на глубинах до 800 метров сосредоточены гигантские запасы воды, равные 4 миллионам кубических километров — это в 150 раз больше общего годового стока рек всей планеты. Вот какое богатство таится у нас под ногами.

Человек издавна пользовался водой колодцев, ключей, различных источников, бьющих из-под земли, нередко обожествляя их, приписывая им целебную силу и святость. Их так и называли: «святой ключ», «святой ручей», «святой источник».

Как образовались эти подземные кладовые воды? Земная кора состоит из множества слоев — геологических горизонтов. Некоторые из них образованы породами, не пропускающими воду или пропускающими ее плохо (например, глина). Вода атмосферных осадков — дождь и снег — после таяния впитываются в землю и постепенно фильтруются вниз до встречи с водонепроницаемыми грунтами, создавая в глубине водоносные горизонты, питающие в свою очередь реки и озера.

Еще с незапамятных времен человек использовал эту глубинную воду — ведь это она питает колодцы и артезианские скважины. Подземные водоносные горизонты для человека важны еще и потому, что из них можно брать воду в период засухи. Вот почему надо тщательно беречь запасы подземной пресной воды.

Но, как показывает история, человечество уже много веков непроизводительно тратит подземную воду. Дело в том, что развитие техники неразрывно связано с добычей полезных ископаемых — руд различных металлов, угля. Для этого строятся шахты и рудники, иногда на много сот метров глубиной. Рудное дело — одно из древнейших на земле: археологи открыли горные выработки, где добывали руду или уголь несколько тысяч лет назад. Конечно, их глубина была незначительной, но и они иногда прорезали водоносные слои.

Если шахта или рудник проходит через такой горизонт, то вода из него заливает выработку, горнякам приходится откачивать ее на поверхность. Причем интересно припомнить, что первые паровые машины, изобретенные людьми в XVIII веке, — Ньюкомена в Англии и Ползунова в России — специально использовались для откачки воды. Человек, вооруженный машиной, побеждал воду. Но при этом он осушал подземную кладовую.

В наше время масштабы горной добычи во всем мире возросли в несоизмеримых масштабах по сравнению с позапрошлым и даже прошлым веком и продолжают расти. Если в 1968 году в среднем на одного жителя нашей планеты извлекалось из недр земли 20 тонн полезных ископаемых, то теперь эта цифра превышает 27 тонн и продолжает расти.

...Несколько лет назад в городе Мелитополе возникли трудности с водой. Артезианские скважины, снабжавшие город, вдруг уменьшили количество подаваемой воды. В давние времена подобное объясняли просто: это одно из божественных чудес, может быть, даже наказание за грехи людские. Но в наше время с «чудесами» разбираются ученые. Гидрогеологи установили, что «чудотворцами» стали горняки одного из карьеров Запорожской области, расположенного в нескольких десятках километров от Мелитополя. Мощными насосами они осушили подземный водоносный горизонт, мешавший разработке рудного пласта. Они обеспечили бесперебойную добычу руды, но при этом обезводили водоносный горизонт, снабжавший мелитопольцев водой. Вряд ли надо говорить о серьезности возникшей проблемы: большой промышленный город и окружающие колхозы вдруг остались без воды. Совсем как в Библии: «И сказали жители того города Елисею: вот, положение этого города хорошо, как видит господин мой; но вода нехороша и земля бесплодна» (4-я книга Царств, гл. 2, ст. 19).

Но ученые предложили оригинальное решение, основанное на науке и точном расчете. Они пробурили на карьере несколько глубоких скважин в другой водоносный горизонт, лежащий ниже истощившегося, и начали перекачивать из него воду в истощившийся слой. Так оригинально удалось решить проблему.

Отчего карьер или шахта заливается водой? Дело в том, что любая яма, вырытая в грунте, работает как дренаж, в нее начинает стекать вода, содержащаяся в земле. На этом принципе, известном с глубокой древности, и построен весь механизм осушения почв. Вокруг дренажа возникает зона искусственного осушения, причем уровень грунтовых вод вокруг дренажа образует воронку: у дренажа уровень предельно понижается, а на расстоянии, за счет способности грунта к фильтрации, он выше. Так вокруг карьера или шахты возникает депрессионная воронка, как ее называют гидрогеологи. Радиус этой воронки зависит от различных факторов: и от глубины карьера, и от фильтрующих свойств грунта, и от его насыщенности водой. На практике радиус депрессионной воронки может достигать 70 километров. А это означает, что на такой большой территории уро-

вень грунтовых вод понизится на десятки метров. Приходится углублять водозаборные скважины и реконструировать систему водоснабжения.

Чтобы избежать этого, стали применять барраж. Идея его заключается в том, чтобы поместить карьер в гигантский водонепроницаемый «стакан», изолировать его тем самым от окружающего грунта. И тогда само существование карьера не скажется на истощении подземных вод. И для горняков тоже выгода. Ведь теперь карьер не будет заливать подпочвенными водами, отпадет необходимость бурить осушительные скважины, через которые раньше откачивали воду. А то небольшое количество воды, которое окажется внутри «стакана», откачать легко. Выгода несомненная.

Но как сделать такой «стакан», периметр которого иногда равен нескольким километрам? Представьте себе вышку на рельсовом ходу. С нее в готовую скважину спускается нож, снабженный зубьями. Специальный механизм качает этот нож, и он начинает прорезать в толще земли щель шириной в полметра, глубиной в пятьдесят метров. На самом ноже укреплен специальный насос, который размывает вырезанную землю и в виде пульпы откачивает ее из щели на поверхность. Столь большая глубина щели необходима, чтобы достать такие горизонты под землей, которые не пропускают грунтовые воды и служат как бы дном стакана. А стенки его строятся из обычной полиэтиленовой пленки: склеивают из нее большие полотнища, опускают их в щель и засыпают землей. Таким образом карьер оказывается со всех сторон огороженным пленкой, не пропускающей воды. Естественно, при этом вокруг карьера уже не возникнет депрессионная воронка и лежащие вокруг запасы грунтовых вод будут сохранены.

Возможности барража очень широки, в частности его успешно использовали при строительстве Краснопресненского радиуса метро в Москве, для возведения гидротехнических сооружений в Азербайджане и т. д.

Ценность подобных разработок не только в удешевлении строительства подземных сооружений и обеспечении бесперебойной и безопасной добычи руды и угля, а и в сохранении запасов воды в подземных морях и океанах. Советская наука сберегает богатства подземного океана и ставит его на службу людям.

Л. ЛИФШИЦ

В ЛАБОРАТОРИЯХ МИРА

Издавна защитники религии твердили при неурожаях, что это наказание божье людям за грехи, что человек не в состоянии тут бороться с волей всевышнего владыки. Наука постоянно опровергает эти утверждения. Вот только последние примеры: болгарские селекционеры создали новый сорт пшеницы «Пловдив-1015», которая на испытательных участках дала в среднем по 78,6 центнера зерна с гектара. «Орашанка» — так югославские селекционеры назвали новый высокоурожайный сорт пшеницы, полученный в результате скрещивания ряда сортов, в том числе популярной в Югославии советской пшеницы «Безостая». На опытных участках в различных районах страны эта пшеница давала урожаи 74—90 центнеров с гектара. Она устойчива против полегания и обладает многими другими ценными качествами.

■

Розовое масло применяется с древних времен в болгарской народной медицине для лечения некоторых заболеваний кожи, глаз и желудочно-кишечного тракта. Ученые установили: наркотическое действие розового масла в 3 раза сильнее хлороформа и в 25 раз сильнее эфира. Одной его капли, например, достаточно, чтобы успокоить сильную зубную боль на 3—4 часа. Использование розового масла для лечения — пример того, как многолетние народные наблюдения приводят к находке лекарства. При этом люди не знают истинной причины его лечебного действия и нередко пытаются объяснить его вмешательством каких-то сверхъестественных сил.

■

На земном шаре от укусов змей и насекомых ежегодно погибает более 50 тысяч человек, причем особой опасности подвергаются сельскохозяйственные рабочие. Что же предлагает медицина?

Американские исследователи обнаружили в крови гремучих змей белковый фактор, который нейтрализует смертельное действие змеиного яда у мышей и кроликов эффективнее и с меньшим количеством побочных явлений, чем обычные препараты из лошадиной сыворотки. Ученые предполагают создать из крови змей препарат для лечения змеиных укусов.

■

Известно, что во время еды нервная система человека становится более чувствительной к шуму. Как, например, влияет на организм громкая музыка? Сотрудники софийской городской гигиено-эпидемиологической инспекции измерили уровень шумов в ряде предприятий общественного питания болгарской столицы. Оказалось, что в некоторых ресторанах, вблизи оркестра, шум достигает 90 децибел — уровня, при котором в организме человека возникают неблагоприятные реакции: под его воздействием сжимаются капилляры слизистой оболочки желудка и кишок, снижается количество желудочного сока, что приводит к плохому перевариванию пищи. А если человек испытывает воздействие подобных шумов часто, то возникают длительные болезненные изменения в различных органах.

■

Падение метеоритов, бывшее некогда причиной суеверных страхов, дает возможность глубже проникнуть в тайны Вселенной. Агентство Синьхуа сообщило, что 8 марта 1976 года в Северо-Восточном Китае выпал сильный «дождь» из каменных метеоритов, который охватил территорию площадью 500 квадратных километров. Вес самого большого из выпавших метеоритов составил 1770 килограммов. От удара долетевшего до поверхности метеорита в промерзшей почве образовался кратер глубиной три метра с поперечником более двух метров. Предварительное изучение собранных ста метеоритов показало, что их поверхность представляет оплавленную коричневато-черную кору, появившуюся во время прохождения метеоритов через плотные слои атмосферы Земли. Метеориты содержат такие элементы, как кремний, магний, железо, сера, кальций, никель и алюминий.

■

Во многих странах Запада жителям грозит свинцовое отравление. Свинец попадает в окружающую среду из дыма промышленных предприятий, из выхлопных газов многочисленных автомобильных двигателей, из красок и т. д. Как известно, к свинцу особенно чувствителен детский организм, причем отравление им вызывает нервные расстройства — рассеяние внимания, повышенную раздражительность, предрасположенность к агрессивности. Ученые выражают по этому поводу беспокойство. Они считают, что количество свинца, попадающего в организм ребенка с пищей, уже достигло в этих странах предела. Сейчас для уменьшения загрязнения окружающей среды во Франции и ФРГ решено сократить содержание свинца в автомобильном бензине.

Александр ШАМАРО,
специальный корреспондент журнала
«Наука и религия»

РАНЬШЕ НАЗЫВАЛОСЬ ПОКРОВСКОЕ...

ПО ДНУ широкой балки робко течет речушка Соленая. За лето она совсем было пересохла, и только осенние дожди прибавили ей жизни. Приземистые глинобитные хатки с нахлобученными по самые подслеповатые оконца грязными и растрепанными соломенными крышами расползлись по отлогим склонам; кроны яблонь и акаций не прикрывают их убожества, и село выглядит совсем безотрадно, тоскливо.

Волостное село Покровское Мариупольского уезда Екатеринославской губернии...

На самом высоком месте белеет сельский храм — пятикупольный, с колокольней, сторожкой и поповским домом. Службы нет, и местный батюшка отец Василий сидит в кресле у окна со свежим, только что привезенным с почтовой станции номером «Епархиальных ведомостей». Через широкое окно хорошо видно все село. Заложив пальцем страницу, батюшка вперил хмурый взор в знакомую до мельчайших подробностей картину.

Осень 1906 года — последние сентябрьские дни. «И когда только придет конец этому смутному времени! Как хорошо, покойно было каких-нибудь полтора-два года назад! А потом разразился проклятый девятьсот пятый! И вот девятьсот шестой уж на исходе, а смута еще не утихла, крамола с корнем не вырвана. В армии, на флоте — мятежи; мужики всем недовольны, смотрят угрюмо и зло; агитаторов-социалистов слушают жадно, каждое слово их глотают; того и гляди — дойдет дело до самого худшего, самого страшного...»

А «самого страшного» покровский батюшка побаивался не без основания: ему было что терять — дом полная чаша, 250 десятин лучшей пахотной земли, которую он отдавал «с половины» в аренду местной голытьбе.

«В добрые-то старые времена сидел мужик всю жизнь дома, а если и случалось отлучиться — то разве что в соседнее село на свадьбу или на поминки. А в последние годы стали мужики уходить на заработки — в шахты, на заводы. Возвратится оттуда — и не узнать его, все ему уже не так, все несправедливо; с односельчанами крамольные разговоры заводит, а то, гляди, и листовку подсунет. Прочти, мол, что пишут умные люди о помещиках и фабрикантах, о нашей доле».

Раньше отец Василий по простоте душевной всякими учеными премудростями не интересовался, но жизнь заставила. Года два назад он вот такие мудреные сочинения и перелистать бы не удосужился, а теперь решил прочесть.

«Екатеринославские епархиальные ведомости» в трех номерах напечатали статью под заголовком «Исторический материализм и его отношение к религии и церкви»... Отец Василий открывает тонкий журнальчик в бумажной обложке и, поправив очки, сосредоточенно сдвигает брови:

> **«Широкая и бурная волна безрелигиозного социализма на наших глазах охватила все классы общества, заполонила все классы общества и посеяла холодный индифферентизм и неверие».**

Мудрено сказано, но суть понятна. Истинно так! Уж кто-кто, а приходское духовенство ощущает этот самый «индифферентизм», как, пожалуй, никто иной! Стоит лишь заглянуть в храм в день праздника и в собственный карман — после него.

Отец Василий переворачивает несколько страниц и читает один из последних указов духовной консистории:

«В настоящее смутное время... когда потрясаются самые коренные основы не только государственного порядка, но и религии, пастыри церкви не могут быть равнодушными зрителями всего происходящего. Не могут они безучастно смотреть, как враги церкви Христовой и государственного порядка развращают вверенные им, пастырям, паствы, отвращая православный народ от церкви, возбуждая к отрицанию веры, к забвению христианской любви, благочестивых обычаев, к восстанию против законных властей».

Мог ли предугадать он в ту минуту, что всего лишь десять дней спустя «восстание против законных властей» разразится в его селе, на его глазах?..

Вчера в Покровском побывал отец благочинный и сообщил, что, согласно достоверным сведениям, его высокопревосходительство екатеринославский губернатор Клингенберг в первых числах октября собирается отправиться в большую поездку по губернии и намерен посетить Мариупольский уезд. Вполне вероятно, что высокое начальство заглянет и в Покровское, ибо лежит оно как раз по пути к уездному городу. И надо сделать все, дабы ожидаемый визит прошел благополучно. На днях — праздник покрова пресвятой богородицы, и отметить его нужно пышно и внушительно. В Покровском праздник этот издавна был особо почитаем.

1 октября — в день покрова — отец Василий служил, как говорится, не жалея живота своего, не смущаясь тем обстоятельством, что молящихся в храме было заметно меньше, чем в предыдущие годы.

— Днесь благовернии людие, — звучал акафист, — светло празднуем, осеняя твоим, богомати, пришествием, и к твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголем: покрый нас честным твоим покровом и избави нас от всякого зла, молящи сына твоего, Христа бога нашего, спаси души наша...

Едва успел отзвучать праздничный перезвон колоколов, в Покровское пожаловал губернатор со свитой.

Волостной старшина решил отличиться перед высоким и — как доносила молва — грозным начальством: порадовать губернаторское сердце тысячной толпой почтительно встречающих его крестьян. По его приказу в Покровское приехали жители других селений, входивших в Покровскую волость. Встречавшие еще с утра 9 октября столпились у одноэтажного кирпичного здания волостного правления.

Широкий грязный пустырь напоминал большой табор. Мужики сидели на подводах, собирались группами, о чем-то говорили и спорили, возбужденно размахивая руками.

Начальство прождали целый день, и лишь около шести вечера в село въехало несколько экипажей с губернаторской каретой во главе. Его высокопревосходительство, помимо чиновника по особым поручениям, сопровождали: непременный член губернского присутствия, председатель уездной земской управы, земский начальник и, наконец, уездный исправник с двумя стражниками.

Волостной старшина преподнес Клингенбергу хлеб-соль на рушнике. Потом все направились в церковь, и отец Василий отслужил по сему случаю торжественный молебен. В храм — понятное дело — допущены были лишь самые зажиточные, а значит, и наиболее благонадежные прихожане.

Сгущались сумерки. Губернатор, отнюдь не собиравшийся ночевать в захудалом селе, решил поскорее закончить дела, выслушать короткие доклады, а потом — укатить в богатое имение, расположенное верстах в десяти, где его ждал ужин. Лошадей не распрягали...

Наконец-то его высокопревосходительство поднялся на крыльцо волостного правления и обратился к толпе с короткой речью. Он изложил основные статьи только что принятого закона об уравнении крестьян в правах с другими сословиями.

Крестьяне угрюмо молчали. Посулы, посулы... Сколько они уже слышали их!..

Под конец Клингенберг перешел к последним распоряжениям губернских властей. Одно из них обязывало сельские общества взять под охрану казенные винные лавки и с этой целью назначать караульных. Договорить ему не дали, толпа взорвалась возмущенными криками:

— Стражи не дадим!

— Ты нам земли дай!

— Грабить приезжаете!

Губернатор оторопело умолк. Исправник и волостной старшина попытались было утихомирить крестьян, но те бушевали еще сильнее; видимо, распоряжение об охране винных лавок оказалось последней каплей в переполненной чаше терпения. Клингенберг счел за благо ретироваться в волостное правление. Но несколько десятков крестьян проникли в здание и стали требовать землю, которую, по их словам, правительство отобрало когда-то у их дедов и прадедов — казаков (каждая вторая семья в Покровском не имела ни клочка собственной земли). Требовали отмены новых повинностей, в том числе распоряжения выставлять караулы у казенных винных лавок. Гу-

бернатор пришел в ярость, разразился бранью и угрозами:

— Земли я вам дам только на могилы!

В Покровском вспыхнул бунт.

— А ну, мужики, выпрягайте лошадей! — крикнул Адарюков. — Не дадим выезда кровопийцам!

Постромки мигом были обрезаны, коней увели. Зазвенели разбитые палками и камнями стекла окон и фонарей губернаторской кареты.

В волостном правлении началась паника. Уездные и волостные чины кинулись, толкая друг друга, закрывать окна внутренними ставнями, забаррикадировали дверь шкафом, столами и стульями.

Крестьяне действовали решительно и продуманно: заперли здание снаружи, поставили стражу, разослали караулы на все дороги, чтобы губернаторские гонцы, если они будут посланы, не смогли бы выбраться из Покровского. Распоряжались Адарюков и Трубецкой.

Неделю спустя в донесении в Петербург министру внутренних дел губернатор так описал свои злоключения:

«Во время дальнейшего моего пребывания в волостном правлении толпа то отходила, то подходила к нему, и в окна его, защищенные изнутри ставнями, было брошено несколько увесистых кирпичей, разбивших пять стекол. Лишь около двух часов ночи крестьяне разошлись».

...Над селом забрезжил хмурый рассвет. Серыми полосками проступили щели в ставнях. За окнами было тихо. Исправник решил послать лазутчика за подмогой. Мужики уже сняли караулы на дорогах, и стражнику удалось добраться до ближайшего имения, откуда сразу же нарядили гонца в Мариуполь.

Спасать губернатора воинской силой не было никакой необходимости — коней вернули, кучера, наскоро починив постромки, запрягли лошадей, и все покатили в помещичью усадьбу.

А день спустя, 11 октября, в четыре часа пополудни, в Покровское нагрянула карательная экспедиция из Мариуполя — 60 казаков-донцов под командой есаула и отряд полицейских. Крестьян выталкивали из хат, гнали к церкви. Там, под свистящими нагайками, все село было поставлено на колени.

— Кто зачинщик? Выходи! — кричал есаул.

Никто не выходил, никто не признавался... Наконец, нашелся предатель (рассказывают, что им стал сельский староста), и каратели арестовали свыше двадцати крестьян. Полтора года держали их в тюрьмах — сперва в Мариуполе, потом — в Таганроге, где находился окружной суд. Суд приговорил шестерых к различным срокам тюремного заключения, остальных выпустили. Семьи «зачинщиков» были выселены из Покровского, и всю историю постарались предать забвению.

Но не забыли о ней крестьяне приазовских степей. С восхищением и уважением вспоминали они эти события:

— Боевое село Покровское! И мужики там — боевые!.. Самого губернатора под арест посадили!..

Так в народной среде, в живой народной речи стало постепенно отсыхать старое, казенно-церковное название села на берегах речки Соленой и укрепилось название новое — Боевое.

Село Боевое... После Октябрьской революции так и назвали бывшее Покровское. А после победы в гражданской войне, в 1923 году, Советская власть узаконила новое, революционное название... Было — Покровское, стало — Боевое!

Перерезав обширный лесной остров (редкостная природная достопримечательность и безмерная ценность в таких степях), серая лента шоссейной дороги подходит к центру села — прямо к месту давнего крестьянского бунта. Никто, конечно, не выбирал — с такой точки зрения — площадку для здания колхозного правления, сельского Совета, Дома культуры, но тем не менее видна глубокая символика в том, что центр Боевого находится теперь там, где семь десятилетий назад крестьяне села Покровского выступили против царской власти.

В здании бывшего волостного правления теперь занимаются начальные классы сельской школы.

Здание волостного правления сохранилось, оно стоит под окнами правления колхоза имени Щорса. Теперь в нем — начальные классы восьмилетней школы. Я попросил показать мне бывший кабинет старшины, где всю ночь просидел, дрожа от страха, арестованный крестьянами губернатор. В этой комнате теперь занимаются третьеклассники.

Колхоз имени Щорса — многоотраслевой и высокорентабельный. И крупный рогатый скот, и птицеводство, и огороды, и сады, и подсолнечник, и хлеб. Свыше двух миллионов годового дохода. Сельхозартель «Червоный пахарь», созданная в Боевом в 1930 году, располагала единственным трактором. У колхоза имени Щорса, «внука» «Червоного пахаря», — 42 трактора, 9 зерновых комбайнов, 22 автомашины.

М. И. Рыбалко.

— В нашем районе — 17 хозяйств, мы — в первой пятерке,— не один раз приходилось мне слышать в разговорах с боевчанами.

Перед фасадом двухэтажного здания, занимаемого Боевским сельским Советом и колхозным правлением,— целая выставка фотопортретов. Лучшие люди колхоза. На первом месте — портрет Марии Ивановны Рыбалко, птичницы, награжденной орденом Ленина.

Беседой с нею и началось мое знакомство с жителями Боевого. Оказалось, Мария Ивановна— внучка бунтовщика Петра Ивановича Рыбалко. Полицейские схватили его и отправили в тюрьму в числе главных зачинщиков. Кто знает? Быть может, как раз на том месте, где безземельный батрак Петр Рыбалко, взобравшись на подводу, кричал оторопевшему губернатору: «Кровопиец! Дай земли!», — теперь висит портрет его внучки — героя колхозного труда, делегата XXIV партийного съезда.

Семь десятилетий назад по приазовским селам и хуторам пошла добрая молва: «В Покровском мужики — боевые». Внуки «боевых мужиков» оказались под стать дедам. Наверное, ярче всего проявилось это в годы Великой Отечественной войны.

И. С. Князев — один из летописцев села.

С Боевым и его жителями знакомил меня его историограф — учитель здешней школы Иван Сергеевич Князев. Очерк о Покровском-Боевом, написанный им вместе с преподавателем одного из донецких вузов, опубликован в «Истории городов и сел Украинской ССР». О многих событиях и людях минувшего Ивану Сергеевичу известно из архивных документов, но об одной странице прошлого он может рассказать как непосредственный участник событий: о боях за освобождение этого края от немецких оккупантов в сентябре 1943 года. Редкостная военная судьба: командир артиллерийского расчета, призванный в армию в Астраханской области, куда пришлось эвакуироваться в начале войны, он прошел с наступательными боями по родным местам, увидел пепелище своего дома, в первый же день после изгнания гитлеровцев нашел у добрых людей мать, которая узнала его лишь после того, как он назвал себя.

Уже десять лет Иван Сергеевич руководит отрядом «Поиск». Накануне 30-летия Победы красные следопыты обошли два десятка домов — собирали пожелтевшие треугольники писем, истрепанные почтовые открытки, фотоснимки и другие реликвии. Все — для будущего сельского музея.

Свыше 150 боевчан погибли в сражениях Великой Отечественной войны. Около 60 из бывших фронтовиков живут и сейчас в Боевом.

Боевое — не многолюдный город, рядовое село, но не было, кажется, ни одной решающей битвы, в которой не приняли бы участия его уроженцы.

Дмитрий Никифорович Козачок, работавший в послевоенные годы и председателем здешнего колхоза, и председа-

телем здешнего Совета, — военный моряк-черноморец, служил на морском охотнике, потом два месяца пробыл в окопах на легендарной «Малой земле» у Новороссийска. Там был тяжело ранен.

С Курской дуги начал фронтовой путь Михаил Иванович Калинин. По фронтовым дорогам прошел он разведчиком, командуя экипажем бронетранспортера. Высшая боевая награда у него — орден Отечественной войны II степени за участие в рискованно-смелой операции в августе сорок третьего, в районе станции Поныри. Группа разведчиков проникла за передовую линию гитлеровцев, захватила штабной танк и целым и невредимым, со

А. Г. Глущенко.

М. И. Калинин.

всеми документами и «языком»-радистом, пригнала в расположение наших частей. За рулем бронетранспортера продвигался Михаил Иванович от Курской дуги до Одера и там был тяжело ранен осколком фауст-патрона. 20 послевоенных лет руководил он колхозной тракторной бригадой, награжден орденом Трудового Красного Знамени, да и сейчас, уже выйдя на пенсию, работает трактористом.

В боях на одерском плацдарме под городом Кюстрином совершил подвиг 20-летний боевчанин старший сержант Григорий Сенатосенко. В критические мгновения боя, когда умолк вдруг пулемет (оба пулеметчика были убиты), Григорий под шквальным огнем сумел добежать до пулемета и открыть огонь по наступавшей вражеской пехоте. Немецкий снаряд поджег деревянный домик, где укрылся пулеметчик, Григорий был ранен. Но пулемет не умолкал до последней минуты жизни старшего сержанта. Григорию Прокофьевичу Сенатосенко было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А на родине, в селе Боевом, ему поставили памятник.

Бригадир полеводческой бригады Антон Григорьевич Глущенко бойцом саперного батальона участвовал в штурме Берлина. По улицам, где за каждым окном, на каждом чердаке мог притаиться фашистский стрелок со снайперской винтовкой или фауст-патроном, нашим танкистам и пехотинцам продвигаться было чрезвычайно трудно. И саперы помогали «матушке-пехоте», пробивая, как тоннель в горе, коридор по первым этажам плотно сдвинутых берлинских домов. Коммунист, вступивший в партию в сорок четвертом, кавалер орденов Красного Знамени, Красной Звезды и «Славы», Антон Глущенко был удостоен высокой чести — стал участником Парада Победы в Москве.

Все эти герои — коренные жители села, отцы и деды их были участниками крестьянского бунта осенью 1906 года. Да и как было не бунтовать им, безземельным хлеборобам, обремененным многочисленными семьями! У родителей Козачка, например, было две десятины и — пятеро детей. У родителей Глущенко — шестеро детей и ни клочка собственной земли.

Жители Покровского были в подавляющем большинстве неграмотны. Когда возникала надобность послать письмо — шли к попу или волостному писарю. Те устанавливали таксу — десяток яиц или фунт сливочного масла за каждое письмо, каким бы коротким оно ни было.

Наследие это тяжелым бременем легло на плечи Советской власти. После освобождения Донецкой губернии от деникинцев и врангелевцев губернский исполком провел первую перепись населения. В статистическом отчете есть сведения о Покровской волости — село Покровское и еще четыре населенных пункта. Из 2560 жителей волости начатками грамоты

В сквере перед Домом культуры установлен памятник Герою Советского Союза Г. П. Сенатосенко.

владело менее половины. Особенно много неграмотных было среди женщин.

В библиотеке современного Боевого, расположенной в Доме культуры,— 16 тысяч томов. На столе формуляры семисот читателей. Ежегодно колхоз дает немалые деньги для покупки новых книг и на подписку — библиотека выписывает полтора десятка центральных и республиканских журналов.

Анна Митрофановна Снежок (фамилия эта, кстати сказать, одна из исконных) рассказала о своей работе, о трудностях, из которых меня поразила одна. По сравнению с годами послевоенными работать сейчас библиотеке стало много сложнее. Почему? Потому что теперь чуть ли ни в каждом сельском доме — своя библиотечка, большая или малая. И в общественной библиотеке ищут уже издания, которые местным книголюбам купить не посчастливилось. То же самое можно сказать о газетах и журналах. И здесь надо чем-то привлечь внимание, заинтересовать колхозников, их детей. В Боевом — 980 жителей, выписывают они 900 экземпляров газет и 1480 экземпляров журналов.

Как в живой природе одна клетка может раскрыть общие закономерности жизни всего организма, так и в истории этого села, в судьбах его жителей, в его сегодняшнем дне просматривается нечто общее для прошлого и настоящего всего народа, нечто характерное для его исторических судеб.

Редчайший случай: сама жизнь стихийно переименовала село. Боевое — единственное с таким знаменательным именем, но сел, имеющих полное право так называться, — бессчетное множество. И это право завоевано их прошлым, мужественным протестом против угнетения и бесправия в дореволюционное время, героизмом их жителей, сражавшихся за власть Советов и громивших фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны, трудовым подвигом коммунаров и колхозников. Да, село Боевое — одно, а сел боевых — не сосчитать!

Центр Боевого: новое здание правления колхоза и сельского Совета.

Фото автора

И в истории каждого из них красной нитью прослеживается дух свободолюбия и свободомыслия, чувство человеческого достоинства, мужественная решимость бороться за свободу, за лучшую долю. Из поколения в поколение, как по эстафете, дошли до нас эти величайшие духовные ценности народа; они ярко проявились в крестьянском бунте в годину первой русской революции, в героизме и воинской стойкости солдат-боевчан.

Боевыми жители этого старинного степного села были и задолго до их бунта осенью 1906 года, и десятилетия спустя после того памятного события. Они и теперь — боевые!

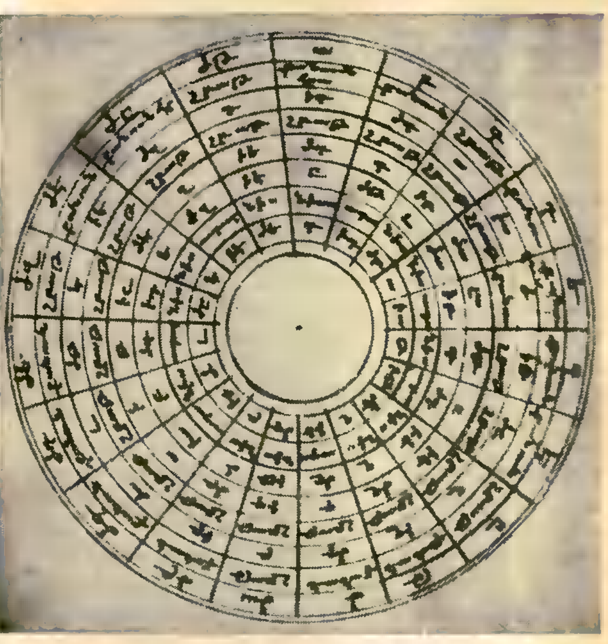
Памятник Аианию Ширакаци у входа в Матенадаран.
Скульптор Г. Бадальян.

Наука давно вступила в спор с религией. Она вела его уже тогда, когда научное знание располагало еще недостаточным количеством аргументов. Наука не отступала, когда религия действовала с «позиции силы» — грозя ученым отлучением и темницей. Одним из очень ранних ревностных служителей науки был армянский математик и астроном VII века Ананий ШИРАКАЦИ, получивший прозвище Вардапетр — учитель.

В ДЕСЯТИ рукописях дошло до нас сочинение «О биографии трижды блаженного учителя Анания Ширакуни», пять из них хранятся в Ереване, в уникальном хранилище армянской культуры Матенадаране. И хотя этот текст написан самим Ширакаци, мы мало знаем о его жизни.

Родился он в начале VII века в селе Анани, в Шираке, на востоке страны. Учился вначале в местной школе. Любознательный юноша рано избрал математику предметом своих увлечений. «И сильно возлюбив искусство числительное, помыслил я, что без числа ничего не слагается, почитая всей мудрости матерью его»[1]. В поисках подлинного учителя юноша пустился странствовать. По пути в Константинополь, в городе Трапезунде, ученик нашел учителя — прославленного греческого ученого Тюхика, имевшего свою школу

[1] А. Г. Абрамян, Г. В. Петросян. Анания Ширакаци. Ереван, 1970, стр. 28.

Космографический круг Анания Ширакаци.

Г. ДРЮБИН,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ФОРМУЛА ЖИЗНИ ВАРДАПЕТРА

и к тому же владевшего армянским языком.

Восемь лет молодой Ширакаци изучал математику и космографию, читал тексты по истории, медицине и философии. Когда казалось, что голова начинает разламываться на части, выходил на трапезундскую набережную. У причалов теснились рыбацкие лодки. Торговки бойко предлагали свой товар, в притонах шумели игроки в кости. Вот с купеческого корабля провезли обезьян в железной клетке. Жалкий их вид вызвал в утомленной голове Анания мысли о тщете знания, о бренности человеческой жизни:

Как эти морды обезьян
Напоминают человечьи!
И кто мы — люди или звери?

Но отдав дань минутной слабости, он спешил к науке, в тишину своей клетушки. В Армению возвратился полным творческих планов.

В то время высшие школы — вардапетраны — становятся в Армении важными культурными центрами. И Ширакаци открыл свою школу. Интересы его широки: математика, философия, метеорология, география, астрономия...

Первая армянская печатная книга была издана в начале XVI века в Венеции. Полтора столетия спустя, в 1683 году, в Марселе был отпечатан на армянском языке «Мироуказатель» — так называли тогда пособия по географии. В нем описывался Старый Свет — страны Европы, Азии, Африки. Центром мира армянский географ по традиции считал район Средиземноморья и страны, соседствующие с Черным и Каспийским морями.

Долгие годы авторство «Мироуказателя» приписывалось средневековому армянскому ученому Мовсесу Хоренаци. Однако сто лет назад К. П. Патканян доказал, что подлинным автором старинной армянской географии является Ананий Ширакаци.

География в средневековой Армении — одна из самых развитых наук. Своеобразное расположение страны стимулирует ученых, картографов, первопроходцев, диктует практическое назначение тогдашней географии — дать точные сведения о соседних странах. Следуя Птолемею, Ширакаци в своем «Мироуказателе» утверждает, что Земля находится в центре Вселенной. Трудно представить, чтобы армянский географ придерживался другой, не геоцентрической, точки зрения. По его представлению, земной шар окружают семь поясов. Нижний пояс окружает Землю, выше находятся Луна и пять планет, еще выше — пояс Солнца, самый верхний пояс — эфир...

Но вот что интересно. В то далекое время, когда в полном согласии с христианским вероучением не допускалась мысль о шарообразности Земли, Ширакаци смел утверждать, что наша планета — шар. Может быть, легче быть смелым в бою, когда вместе с соратниками врезаешься в строй неприятелей. Труднее пойти одному против всех в научном споре. Посмотрите на статую Ширакаци, которая в числе других стоит ныне у входа в Матенадаран. О чем думает он, устремив взгляд на маленький шарик — Землю — в своих руках?

В VII веке, когда критерием истины считалось лишь священное писание, требовалась незаурядная смелость, чтобы обратиться к эллинистической культуре, к знаниям древних в естествознании и космографии. Рукописи Ширакаци переписывали из века в век, передавая другим поколениям истину, которая еще долгое время считалась еретической, кощунственной. «Земля, — писал Ананий, — мне кажется яйцевидной формы, как желток шарообразно находится в середине, белок — вокруг него, а скорлупа окружает все, так и Земля находится в центре, подобно желтку, воздух вокруг нее, подобно белку, а небо окружает все, подобно скорлупе» [2]. Ширакаци знал, на что он шел: еретика могли заклеймить клеймом с изображением лисицы или же перерезать ему жилы ног и рук. Но кто-то же должен был в Армении говорить правду! Должен же росток истины пробиться к солнцу.

Однако требовалось объяснить, как шарообразная Земля держится в пространстве, не падает вниз. Ученый предлагает свое оригинальное толкование: равновесие создают две противоположные силы. «Земля со своей тяжестью имеет склонность опускаться вниз, а ветер со всей силой старается поднять Землю наверх. В этом причина того, что Земля не падает вниз и ветер не поднимает Землю наверх». Согласитесь — за тысячу лет до открытия Исааком Ньютоном законов небесной механики такой точке зрения нельзя отказать в известном реализме.

Ширакаци утверждал, что Млечный путь — масса густо расположенных и слабо светящихся звезд. Какая незадача для ученого мира, что труды Ширакаци были написаны на его окраине, к тому же — на древнеармянском языке. Потребовалась почти тысяча лет, чтобы Галилей высказал ту же гипотезу. Издавна служители культа, объясняя затмения Луны и Солнца, пугали верующих грозными небесными силами, укрывающими лик наших светил. Ширакаци в VII веке дал этому явлению природы иное объяснение — то, которое сегодня знает каждый школьник.

Естественно, что Ширакаци, дитя VII века, считал все земное и небесное созданием всемогущего творца. Он даже (хотя вполне очевидно, что по необходимости) ругал античных материалистов за то, что они «не хотели признать бога, а причиной всего сущего провозглашали атом, а материю считали вечной». Но как часто он приближался к запретной черте, а то и переходил ее. Узок был круг людей, постигавших мысли и намеки Анания. Только столетия спустя специалисты по-настоящему увидели, как греховен, еретичен был в своих трудах армянский космограф.

Где посещали Анания тревожные видения, когда грезились ему сомнения, на каких извивах жизни искушение разума овладевало им? Вполне может быть, что и в храме. Крепки и коренасты армянские церкви. Тонкие полосы оконных проемов отмечены простым орнаментом, нерушима кладка стен, слаженное пение церковного хора успокаивает мятежное сердце Вардапетра... Мхитар Гош писал:

Всемогущий каменный стан
Заглушает стенания плоти.
Сколько мук и незажитых ран
В этой церкви покойной найдете.
Можно выплакать слезы любви
И услышать дыхание смерти,
Здесь судьбу хоть кляни, хоть зови,
Здесь гордыню смири и умерь ты.
Льется свыше музыки медь,
Тонут страсти в пучине хорала...
Боже, грешным, как можно нам сметь?
Сатана, разве мы из металла?

...Ты создал этот мир, боже, и все же источник познания — не богословие, а естественные науки. И весь мир, и все вещества состоят из четырех реально существующих элементов: земли, воды, воздуха и огня. Все из них — и растения, и деревья, и плоды, и животные, и сам человек. И все вокруг нас движется и подлежит непрестанному изменению, как сказали еще древние. «Возникновение

[2] «История геологии». Ереван, 1970, стр. 199.

есть начало разложения, а разложение в свою очередь есть начало возникновения, и вследствие этой невредимой противоположности мир приобретает свое существование» [3].

А может быть, кощунственные мысли посещали его в мрачные периоды одиночества, когда теряешь верных друзей, когда уходит любовь, а вся дальнейшая жизнь представляется пустым прозябанием и нет сил хранить свой разум и волю для науки, для философии?

Нет, не правы халдейские звездочеты, утверждавшие, что судьба людей предрешена небесными силами — в зависимости от того, под какой звездой они родились. «Если правильна эта теория, — писал Ширакаци, — почему же тогда слуги стремятся к хорошей жизни, ведь бог им предопределил несчастную жизнь... Почему по порядку от отцов к сыновьям достается в наследство царская корона и никто из царей никогда не ищет по звездам часа своего сына, чтобы увидеть, достанется ему в удел царство или нет? Никто из слуг никогда не становился господином, и мы не видели, чтобы это так было. И почему никому из этих царей, царствовавших друг за другом, никому не случилось родиться в час рабский?» [4].

Да, конечно, Ширакаци — верит в бога. Но он мыслящий человек, а мысль не может не посягнуть на самого творца. Если бы все определялось расположением звезд, то излишни были бы законы, излишни были бы судьи. Как можно карать насилие и порочность? Ведь они определяются роком рождения под звездой, а не преступной волей убийцы или вора? А ремесленникам и земледельцам не надо было бы трудиться, они имели бы средства к существованию по воле предопределения, а не в результате приложенного труда. Если человек от рождения злой, так за что же его осуждать? Ведь он не виноват, что родился злым. И наконец, если в маленького, ни в чем неповинного новорожденного ребенка бог внедряет злость, тогда сам бог зол...

Передо мной маленькая книжка с титульной надписью на армянском и русском языках: «Вопросы и решения Вардапетра Анании Ширакаци армянского математика VII в. Издал и перевел И. А. Орбели. Петроград, 1918 г. По распоряжению Российской Академии наук. Типография Российской Академии наук. Набор И. А. Орбели».

...Стояла первая после Октября петроградская зима. Новая власть решала вопросы управления государством и подавления контрреволюции, проблемы войны и мира, земли и хлеба. В то труднейшее время известный ориенталист и будущий академик, великолепный знаток не только коллекций Эрмитажа, но и сокровищ главных музеев всего мира Иосиф Абгарович Орбели шел в типографию Академии наук и собственноручно набирал армянский текст сочинения Ширакаци. Какая ценность скрывалась для него в маленьком алгебраическом задачнике, написанном уроженцем Ширака в VII веке? Ведь популярностью пользовалось другое математическое произведение Анания — «О весах и мерах и Календарные исчисления». Ширакаци писал также труды по искусству и литературе, по музыке и риторике. Почему же дошедший до нас не полностью текст задачника, с ошибками переписчиков, неверно употреблявших количественные числительные вместо порядковых, так заинтересовал ученого? Задачи Ширакаци «занимательны, жизненны, просты». Они чрезвычайно любопытны и для математика, так как свидетельствуют о высоком уровне точных наук, и для историка, так как текст богат сведениями, касающимися и мореплавания, и земледелия, и ремесел, и искусств, и быта древней Армении.

Ставший на время наборщиком, Орбели воссоздавал два идентичных текста, один — армянскими литерами, другой — русскими. Он никому не доверил сложный набор рукописи — и не без гордости поставил на обороте титула: «Набор И. А. Орбели». Та же фамилия стояла в содержательном послесловии к задачнику.

Из сохранившихся двадцати четырех задач шесть были впервые опубликованы в 1853—1855 годах в Венеции, в армянском журнале «Базмавеп». Полностью книга появилась в 1866 году в Иерусалиме, затем в армянском журнале «Арарат» в Эчмиадзине. Но на русском языке задачник увидел свет только в революционном Петрограде в 1918 году.

Орбели сделал его достоянием армянской и русской культуры, внеся свою лепту в их союз. Академик необычайно гордился своим типографским произведением. Было отпечатано 855 экземпляров: 615 — на бумаге верже, 175 — на тряпичной матовой, 20 — на веленевой и 45 именных — на голландской. Так что соблюдены были все традиции российской печати, которыми так гордились столичные библиоманы и которые столь ценила академическая типография. Тот экземпляр задачника, с которым мне пришлось работать в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, Орбели подарил знаменитому естествоиспытателю академику В. И. Вернадскому. Дарственная надпись весьма красноречива: «Глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу Вернадскому от наборщика».

Изучая содержание учебника Ширакаци, И. А. Орбели высказал предположение, что сохранившиеся 24 задачи представляют собой только отрывок из учебника, который непременно должен был включать и теоретическую часть. Прошло 20 лет — и предположение это подтвердилось. Профессор Ереванского университета Ашот Гарегинович Абрамян обнаружил в свитках, хранящихся в Матенадаране, другие фрагменты учебника Ширакаци — предисловие, таблицы сложения, вычитания, умножения и деления. Был найден еще один математический его труд — «Занимательные задачи».

Смысл слов Ширакаци, которые И. А. Орбели поставил к переводу в качестве эпиграфа, стал яснее: «И сильно возлюбив искусство числительное, помыслил я, что без числа ничего не слагается, почитая всей мудрости матерью его». Таблицы четырех действий арифметики Анания из Ширака — самые древние из дошедших до нас в учебном руководстве. От античных математиков не сохранилось ни одного источника по искусству вычисления, и это лишний раз свидетельствует о высоком уровне образованности в средневековой Армении. Ученые определяли траекторию небесных светил и маршрут караванных путей, решали задачи о кладке каменной стены, о бассейнах и землеустройстве. Интересовались мерами веса и мерами длины, соотношением различных единиц у разных народов.

Далеко шагнула наука за 13 веков. Перестали быть загадкой научные проблемы и вопросы, волновавшие когда-то Ширакаци. Но вечно [illegible] научный поиск.

Путник ли, турист с Запада или с Востока, откуда бы он ни был, если посетит ереванский Матенадаран, не пройдет равнодушно мимо большой фигуры человека, держащего в руках маленький земной шар.

---

[3] А. Ширакаци. Космография и теория календаря. Ереван 1940, стр. 3.
[4] Там же, стр. 15.

СИЛА ДОБРА

Мария БЛОК

СТАРЫЙ заводской район на берегу Невы. Когда-то здесь кончался путь конки. С тех времен остались здания старинной кладки, в одном из них находилась воскресная школа, где учила рабочих Надежда Константиновна Крупская. Дальше по Неве сохранилась старая церковь, из-за необычной архитектуры прозванная «Кулич и пасха». Как и везде на бывших окраинах, давно вписались в пейзаж новые кварталы.

Человек, с которым я пришла познакомиться, поселился тут подростком в 20-х годах. Получил профессию, стал на ноги, обзавелся семьей. Понемногу пришло зрелое суждение о смысле жизни и счастье. Сейчас, на склоне лет, кажется, отдыхай, — но нет, все будоражит душу настоятельная потребность передать знания и опыт молодежи.

...Войдя в цех, я загляделась не на мощные механизмы, а на станок, над которым склонился юноша так низко, что волосы скрыли лицо, а пожилой рабочий рядом с ним, тоже вглядываясь, объяснял и указывал. Крупная, наголо остриженная голова, один рукав синей спецовки пуст. Я узнала Анатолия Андреевича Темерова, потому что сначала увидела его на фотографии в заводском музее среди ветеранов войны и труда, потом на страницах многотиражки «Пролетарская трибуна» вместе с учениками, молодыми рабочими.

Сквозь стекла конторки, куда мы поднялись, просматривается весь цех. Внизу движутся краны, работают станки, ложится в ограждение блестящая стружка, золотистая, серебристая, сизая, но мастер производственного обучения А. А. Темеров в большом цехе прежде всего различает рабочие места, где стоят его двенадцать воспитанников.

Когда человек осознает ясно свое призвание, когда определяется его дело на земле? Самому Анатолию Андреевичу ответить на этот вопрос затруднительно. В тридцатых годах недавний комсомолец, рабочий Пролетарского завода, пришел в подшефную железнодорожную школу № 53 инструктором по труду. В ноябрьские праздники он с ребятами устроил иллюминацию здания школы. Как они были рады: сами сделали! А потом добыл инструктор 50 маленьких лампочек, — и засияла новогодняя елка. Отрадно было Темерову смотреть на счастливые лица. Вот, пожалуй, тогда он и понял, как важно научить человека конкретному труду, дать гордое ощущение: я сам, своими руками. Ребята ценили молодого преподавателя, тянулись к нему. Огни той давней праздничной елки ясно помнятся, хотя много событий вместилось в жизнь. С 1922 года на заводе. Сначала — четырехлетняя школа ученичества, потом цех, армия, преподавание труда ребятам.

В 41-м ушел на фронт и вернулся после тяжелого ранения, потеряв руку. Вернулся снова на тот же давно ставший родным, Пролетарский завод.

Вот такой жизненный цикл — завод — школа — завод и сформировал слесаря-инструментальщика высокой квалификации и воспитателя, наставника в подлинном смысле слова. С комсомольской поры до седьмого десятка — все с молодежью. Обучение не отделить от воспитания, у Темерова сложился свой стиль. Хотелось бы определить его в четких положениях, да нелегко: старый мастер, о чем ни спроси, говорит по-деловому о ближайших задачах.

— Моя цель? Я должен научить профессии, ребята лишь год были в училище, и станки наши больше по габаритам, чем учебные. Иная деталь тяжелее ста килограммов, руками не укрепить. Предупреждаю: отставляй ногу для упора, чтобы тверже стоять, мало ли, вдруг ключ сорвется, кругом же металл — сила. Один быстро поймет, другому сто раз напомнишь. И еще сложность: детали из специальной стали, ее дают в обрез. Допуски минимальные, в долях миллиметра, не имея опыта и навыка, в момент запороть можно.

Он и не пытается обобщать, определять систему, он конкретно понимает свои задачи, так же конкретно, на примере, и учит.

— Иначе говоря, моя цель — объяснить документацию, научить читать чертеж или технологию по операции, ознакомить с нарядом и дать его на руки. Чтобы знал, сколько времени полагается, сколько заработает. Объясняю, как закрепить деталь, какой инструмент нужен, проверяю, как резец заточил. Вначале рядом стою, потом можно доверить.

Снова и снова повторяется операция. Наконец-то успех — у парня хорошее настроение, но, чтобы успех упрочить, Темеров должен сначала определить причину недочетов, разъяснить ученику и провести «повторение пройденного». Только потом: «Думай сам, как лучше сделать. Молодец!» И приходит к ученику счастливое состояние — получается! Важно пробудить способности, вызвать веру в свои силы, тогда ребятам становится хорошо на их участке, они охотно идут к станку, познают притягательность труда, удовлетворение. Именно это помогает сродниться с цехом, завод становится им вторым домом.

Молодые рабочие овладевают, конечно, прежде всего специальностью («мое дело — обучить профессии»), но одновременно с ним приходит и творческая радость, нормой поведения становится ответственность за общее дело, возникает чувство локтя, представление о весомости собственного труда. Здесь источник самоуважения, требовательности к самому себе.

Кроме профессиональных навыков, воспитаннику становится привычным уровень требований. Никакой неясности или непоследовательности во взаимоотношениях обучающего и ученика здесь быть не может.

Молодость особенно чувствительна к фальши. Если подметят, что старший говорит красиво, а сам поступает по-другому, это окажет вредное, разрушающее влияние на личность, в душе поселится неверие, скепсис, недалеко и до цинизма. Предостерегающе прозвучали на XXV съезде слова Леонида Ильича Брежнева: «Разрыв между словом и делом, в каких бы формах он ни выражался, наносит ущерб и хозяйственному строительству, но особенно — нравственному воспитанию». Самое важное для педагога — стремиться соответствовать идеалу, который он рисует перед учеником.

Темеров приходит в цех задолго до смены, при-

дирчиво проверяет подготовленность участка к выполнению дневного задания, встречает ребят внимательным взглядом, проверяя их собранность, готовность подойти к станку. Он дает пример отношения к своим прямым обязанностям и к тому, что никакими инструкциями не предусмотрено, а зависит от уровня гражданского сознания.

Спрашиваю: какие общие качества присущи современному молодому рабочему? Анатолий Андреевич улыбается:

— Общего, одинакового нет. У каждого свое, научить надо каждого, иначе ничего не получится. Один только пришел, а у него приемы, хватка, как у опытного рабочего. Отличные природные данные, талант, и на это приятно смотреть. А другому все нелегко дается. К каждому свой подход. Конечно, приходят в цех и несобранные, распущенные ребята. Их воспитываем не только беседами, главное свершается в процессе работы. Редко ругаю. Говорю о нашем общем задании: подведет один, подведет второй — горит общий план, укореняется безответственность. Учиться, говорю, надо, а то ведь не понимаешь, что делаешь. Если с ходу отругать, у него руки опустятся.

— Чужие? Нет здесь чужих. Если кто на работу не выйдет, это мне чести не сделает. Навестил одного — папа с мамой не прочь выпить и ему не отказывают. Смутился парень, совесть имеет и меня уважает, готов хоть сейчас на смену заступить, да голова болит. Моя беда, к станку не подпущу.

Кончился рабочий день, но нельзя пока во всем предоставить ребят самим себе. Наставник знает, кто как живет за пределами цеха, что у него в семье, какие соседи подобрались в общежитии, как развлекается. В большом городе дорог много и компании бывают разные. Иному, у кого отца нет, надо хоть как-нибудь восполнить отцовское влияние, по-мужски проявить волю. Вот растет у женщины единственный сын, она не знает, чем бы его еще порадовать, повеселить, заслоняет от всех неприятностей. Бездумная доброта идет во вред, парень избаловался, разленился, тянется к плохим дружкам, может и облик человеческий потерять. Мастер вмешивается и разъясняет матери, куда ведет такого рода домашнее «воспитание».

Родители другого парня шлют ему деньги из деревни, а он не умеет ими распорядиться. Наставник пишет родителям, что юноша необходимым обеспечен, не нуждается в такой поддержке, она его с пути собьет. И ребята чувствуют справедливость.

По мнению Анатолия Андреевича, враг номер один — алкоголь, особенно губительный, пока человек еще не сложился. Строгими беседами и внушениями общение не ограничивается, нужно отвлекать от плохого действием, не только осуждать пьянство, хулиганство, стяжательство и пустоту, но уметь дать им отпор со своих позиций, противопоставить им подлинные духовные ценности.

Как же шел старый мастер к сегодняшнему дню, откуда такая убежденность в силе добра?

Сурово, жестко начиналась его собственная юность. В голодные годы после гражданской войны, в годы разрухи грянуло сиротство, старший брат с сестрой становились на ноги, а ему четырнадцать, ничего не умеет. Плакал ночью в подушку. Одна мысль — скорее научиться работать. Но как?

— Выпало мне ехать к бабушке. Она была очень уж строгая, неласковая к сироте. Когда поступил в школу заводского ученичества, рано вставать надо было, она ни за что не разбудит, не соберет, не проводит, хоть целый день спи.

Помнится, в цехах, он еще застал, иконы висели, а когда-то здесь, рабочие рассказывали, батюшка и дьякон числились в штате, получали жалованье от завода. Большую силу имела религия. Еще в детстве был наслышан, что вера в бога удерживает человека от плохого.

— Я об этом не судил, но как один остался, стал оглядываться, выбирать: кто из товарищей получше. Лучшие, комсомольцы, говорят: «Иди к нам». Вот так все и определилось.

Понемногу строилась и проверялась опытом опора мировоззрения рабочего — труд и коллектив. И вера в человека, в его способности, в его силу.

— Я настолько люблю труд, что если дело ладится, деталь, например, получается хорошая — вот радость где, — Анатолий Андреевич приложил руку к груди, — вот где счастье, отсюда энергия и силы.

Темеров вернулся на свой завод после сражения в Красном бору под Ленинградом весной 1942 года. Еще не зажила рана, еще перевязки делали, а он уже ребят обучал: такая горела ярость на фашистов: «Ребята, все для фронта, все для победы!» И понимали, общими усилиями восстанавливали завод. Дружно оборудовали цех, сделали верстаки, поставили тиски, сложили печь.

Сядут с утра к печке поближе — однорукий солдат с ребятишками, решают вместе вопросы по цеху, домашние дела, а потом — за работу.

Как и всякий человек на склоне лет, Анатолий Андреевич вспоминает в разговоре со мной свою юность светло. Лейтмотив тот же — радость общения в труде и отдыхе. Вспоминает тридцатые годы... Вот едет молодежь на заготовку дров, на обратном пути в вагоне поют стройно, красиво. А какой чудесный был на заводе оркестр!

— Кончили работу в четыре, а в шесть уже играть. Не было радио, телевизора, магнитофонов, если митинг, торжественное заседание, танцы — оркестр всем нужен. На всесоюзной олимпиаде в 1932 году получили первое место. Вот это общее — работа, отдых — у нас сцеплялось, и тянулись мы вместе к лучшему.

Такого объединения он хочет сейчас ребятам, и огорчен, что в наши дни уменьшилась привычка к общению после работы, живут не так дружно. Больше порознь телевизор смотрят или вокруг магнитофона, в заводской клуб не затащишь.

Сдержанно, словно про обычное, рассказывал Анатолий Андреевич о героическом напряжении сил в блокаду, а тут вдруг взволновался. Живет с людьми и для людей. Не теоретизируя, он, по существу, занят человековедением, на огромном полотне заводской жизни разглядывая и правильно понимая отдельного человека. Это процесс творческий, в какие-то моменты интуитивный, не все поддается определению и описанию. Одно можно сказать с уверенностью: провинившийся не будет вызван на обсуждение комсомольского и цехового актива, пока наедине Темеров не вникнет в мотивы его поведения, в обстоятельства дела. Самому задорному и отчаянному нужен кто-то, с кем можно поговорить по душам, чтобы не чувствовал одиночества, не ожесточался. Это не значит, что мастер ограничивается, пользуясь выражением А. С. Макаренко, «парной педагогикой», нет, он опирается на коллектив, комсомольцев и коммунистов цеха. С ними контакт полный. Комсорг одного из цехов Виктор Кузнецов человек зрелый, уже армию отслужил, и он в свою очередь прибегает к помощи Анатолия Андреевича, когда нужен разговор с «трудными». Предстоит, например, молодого парня научить дисциплине и распределению своего вре-

мени, а это только на первый взгляд кажется простой задачей. Кузнецов и Темеров вместе думают и действуют, это и приносит успех. Судьба человека — общая забота.

— Придя из ПТУ на завод, я сразу же попал под крылышко Анатолия Андреевича, — говорит токарь-расточник Виктор Кузнецов, студент вечернего института, передовой рабочий. — Я считаю, что мне повезло, он помог во всем — от правильной заточки инструмента до рациональной организации рабочего места — и повлиял на мое отношение к людям. Должен сказать, что большинство тех, кто прошел школу Темерова, внимательны к окружающим, друг к другу. Вот, например, Михаил Николаевич Твердов тоже бывший его ученик, а теперь он мой мастер и всегда помогает мне и словом и делом...

Общеизвестны задачи и основные методы нашего воспитания, но каждый педагог имеет свой «почерк». Анатолий Андреевич не скупится на сочувствие и расположение, откровенно радуется удачам и огорчается недостатками. Цельная личность всякого наставника накладывает отпечаток на ход воспитания. Один пленяет решительностью, быстротой реакции, блеском мастерства и эрудиции, другой — житейским опытом, умелыми руками, неторопливой мудростью, сердечностью и личным примером. Ребята знают, что шел их наставник по военным дорогам, неустанно трудился, бесконечно любит завод, цех и желает им добра. Он — простой, сильный, жизнелюбивый, со сложившимся мировоззрением человек — учит молодежь не только профессии.

Не было случая, чтобы Темеров не справился, чтобы пришлось уволить кого-нибудь, отказаться от воспитанника даже после позорящих сигналов вытрезвителя (не умолчим о них) или прогулов. Что же обеспечивает успех? Во-первых, глубокое изучение условий жизни, во-вторых, тактичное вмешательство в жизнь ребят, признание их прав на собственные суждения.

Наставнику свойственна наблюдательность. Ему доверяют, если чувствуют не формальную, а подлинную его заинтересованность — основу всякого педагогического успеха. Огромный жизненный и производственный опыт не отделяет Темерова от ребят, он видит их право и на моду, не похожую на вкусы его далекой юности. «Длинноволосые» беспокоят мастера только в смысле техники безопасности.

— Бьюсь с Сережей, чтобы подстригся, — и ни в какую. Это мода... Но ведь опасно у станка с длинными волосами. Убеждаю, и считаюсь: дело их молодое.

В этом «считаюсь» — внимание к настроениям другого поколения, пусть не всегда разумным и самостоятельным. Молодые люди охотно совстуются с мастером, не обижаются на замечания и выговоры. Пересилить добром удается многое.

Почему не пролегает между ними ставший стереотипом барьер возраста, различия поколений? Может быть, потому, что Темеров знает разницу понятий «учить» и «поучать», не любит и общих звонких фраз. В обстановке каждодневного труда слово хотя и не теряет силы, однако уступает место действиям.

Еще потому создается взаимопонимание, что Темеров проявляет даже в самых трудных случаях искреннюю доброжелательность. Вот здесь и таится главный секрет системы. Его короткие характеристики неизменно оптимистичны: «Посмотрите, оригинальный парень. Удивительно серьезный, деловой». «Мужичок работящий, можно доверить». «Славная девушка. Работает хорошо и в вечерней школе учится охотно». Даже про любителя выпить я узнаю, что он «довольно-таки развитой». На поддержку лучших качеств делает ставку воспитатель.

Раз возникнув, доброжелательность не исчезает. Люди передают огонек друг другу. За долгую трудовую жизнь Темеров, как всякий учитель по призванию, создал своеобразную школу. Ее «выпускники» переняли манеру учителя. Вот токарь Василий Васильевич Цветков, секретарь партийной организации, двадцать лет назад учился у Темерова, ощущал сам его большую любовь, внимание и требовательность к молодежи. И сейчас видит те же качества мастера, обращенные к следующему поколению. «Я работаю на токарном станке на участке, где трудятся подопечные Анатолия Андреевича, и каждый день наблюдаю его работу с ними». Отметим, что не в одном цехе есть специальный участок для молодежи, где она все время в центре внимания. Велика общая доброжелательная забота о том, чтобы новичок нашел свое место в жизни.

Недавно Темеров был приглашен на праздник наставников. Только в судостроении, куда идет продукция Пролетарского завода, их четыре тысячи. Участвуют в этом благородном движении те, кто горячо желает, чтобы молодежь жила полнокровно, с пользой для себя и для общества.

г. Ленинград

СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ

Атеистические беседы — обычное явление в школе № 756 Бабушкинского района г. Москвы. Ведут их как учителя, так и сами учащиеся — члены лекторской группы «Атеист». Ее активисты проводят обзоры журнала «Наука и религия», беседы «Почему люди порывают с религией» и другие, пополняют школьную библиотеку атеистической литературой.

Прочно вошли в жизнь школы Праздник 1 сентября, Праздник букваря, парады октябрьских звездочек...

Партийная организация школы уделяет большое внимание и учебе учителей. Некоторые из них занимаются на факультете научного атеизма университета марксизма-ленинизма при МГК КПСС.

С ПОМОЩЬЮ ШКОЛЫ

Большую атеистическую работу проводят в Анциферовском леспромхозе преподаватели местной средней школы. В прошлом году, например, они прочитали здесь больше двадцати лекций. Во время лекций широко используются диапозитивы, фотовыставки и кинофильмы. Особенно нравятся леспромхозовцам выступления учительницы химии Марии Кокуновой. Популярны здесь и тематические вечера.

Действует в поселке и школа начальных знаний о природе, обществе и человеке. Возглавляет ее учительница биологии Светлана Михайловна Белова. «О происхождении человека», «Генетика и медицина», «Знахарство и его вред» — это лишь несколько тем, которые обсудили на занятиях школы слушатели.

В. ПЕРОВ

пос. Анциферово Новгородской области

МЕНЯЕТСЯ ЖИЗНЬ,

Мих. [redacted],
специальный корреспондент
журнала «Наука [redacted] религия»

■ ШЕЛ уже второй урок, когда Анастасия Прокофьевна Еременко, директор восьмилетней школы [redacted] Столбец, присев наконец [redacted] своему рабочему столу, начала разбирать бумаги. Но едва задумалась над одной из них, [redacted] дверь распахнулась и, громко ступая, [redacted] кабинете появился пожилой человек. Он даже [redacted] сказал простого: «Здравствуйте!» С места [redacted] карьер резко заявил:

— Тут у [redacted] учится [redacted] дочь Вера. Так вот, учить [redacted] — учите. Это ваше дело. А в воспитание не вмешивайтесь. Сам справлюсь. Воспитаю так, [redacted] нужным считаю...

Анастасия Прокофьевна узнала в [redacted] Федора Алексеевича Остапчука, одного из ревностных в Столбце [redacted] общины евангельских христиан-баптистов. С [redacted] ей уже приходилось неоднократно встречаться, но разговор и прежде не клеился.

— Садитесь, — предложила она.

— А чего мне тут рассиживаться? [redacted] беседы [redacted] пускаться [redacted] собираюсь. Свое я сказал... [redacted] еще раз скажу, [redacted] вмешивайтесь [redacted] то, [redacted] я дочь воспитываю!

Выпалил, повернулся [redacted] ушел.

Этот случай заставил Анастасию Прокофьевну глубоко задуматься — и [redacted] директора школы, представителя сельской интеллигенции, [redacted] человека, возглавляющего первичную организацию общества «Знание» и, следовательно, несущего моральную ответственность [redacted] просвещение [redacted] культуру местных жителей. Но [redacted] только. Как депутата Вербского сель[redacted] Совета [redacted] обязывало ис[redacted] действенные средства, чтобы убедить верующих родителей не совершать насилие над сознанием, чувствами [redacted] детей. [redacted] депутат[redacted] статусе говорится: «Долг депутата всемерно способствовать неуклонному повышению благосостояния и культуры трудящихся». Местным Советам [redacted] обязанность контролировать работу учреждений просвещения и культуры, координировать [redacted] деятельность, оказывать содействие работе научно-просветительных общественных организаций. [redacted] Анастасия Прокофьевна сделала правильный вывод [redacted] посещения [redacted] Ф. А. Остапчуком: надо ожи[redacted] работу постоянной комиссии Совета, ведающей вопросами культуры. Надо работать над просвещением людей, [redacted] активную атеистическую пропаганду [redacted] среди верующих, [redacted] среди неверующих.

Надо сказать, что Вербский сельский Совет не только в Дубновском районе, [redacted] всей Ровенской области, славится своей плодотворной деятельностью. Здесь под руководством партийной организации ак[redacted] решаются наиболее важные вопросы культуры [redacted] быта. И [redacted] этого мало. Теперь, после XXV съезда КПСС, дальнейший подъем культурного уровня народа определяется как одна [redacted] главных задач десятой пятилетки.

— Много забот! Работы хватает всем, не только исполкому [redacted] Совета, — рассказывала [redacted] секретарь исполнительного комитета, опытный советский работник Мария Васильевна Выродова. На одну лишь постоянную комиссию, ведающую вопросами культуры, приходится контроль за деятельностью Дома культуры, трех клубов, четырех библиотек (одна из них детская), четырех киноустановок, пяти школ, [redacted] работой местного отделения общества «Знание».

Да, все говорило [redacted] том, что здесь, [redacted] Вербе, [redacted] каждым годом депутаты настойчивее, серьезнее, целенаправленнее занимаются подъемом культуры людей, работающих [redacted] полях [redacted] фермах, [redacted] садах [redacted] огородах колхоза «Украина», на разных предприятиях [redacted] в учреждениях.

И [redacted] почувствовали [redacted] Совете, что ослабла атеистическая пропаганда. А тут еще Анастасия Прокофьевна Еременко, [redacted] говорится, подлила масла [redacted] огонь, рассказав [redacted] посещении школы отцом Веры Остапчук. [redacted] вот постоянная комиссия на одном [redacted] своих заседаний вместе [redacted] культпросветработниками стала думать, [redacted] лучше, действеннее повести атеистическое воспитание. Решили подойти [redacted] проблеме [redacted] разных сторон. Устраивать вечера для верующих [redacted] участием опытных лекторов. Практиковать выступления людей, порвавших [redacted] религией. Присмотре[redacted] к лекционной работе. Обратили внимание [redacted] то, что лекций читается много, [redacted] слушателей бывает мало. В чем причина? Выяснилось, что чи[redacted] лекции преимущественно [redacted] клубах, [redacted] туда ходят не все, [redacted] далеко идти. Решили читать лекции, проводить беседы там, где люди работают: в бригадах, [redacted] фермах, [redacted] мастерских [redacted] по месту жительства. И сразу аудитория расширилась, охват лекциями стал больше. Влияние атеистической пропаганды вскоре стало ощутимым.

После того, [redacted] выяснилось, например, что [redacted] Столбце местная группа баптистов стремится оградить своих детей [redacted] контактов со сверст[redacted] семей неверующих, запрещает [redacted] ходить [redacted] клуб, [redacted] кино, стремится воспитывать [redacted] религиозной изоляции, [redacted] было [redacted] дочерью Ф. Остапчука, постоянная ко[redacted] по культуре [redacted] народному просвещению проверила состояние воспитательной работы с молодежью [redacted] клубах сел Столбец, Софиевка, [redacted] вербской школе-интернате. Комиссия рекомендовала углубить культурную работу с молодежью, [redacted] деятельность клубов, сделать библиоте[redacted] подлинными очагами просвещения, оживить атеистическую пропаганду, шире пропагандировать решения XXV съезда КПСС.

Член исполкома Вербского Совета, директор школы-интерната, член-корреспондент Академии педагогических наук, Герой Социалистического Труда Анна Дмитриевна Нестеренко считает, что просветительская работа среди населения усилиями Совета за последнее десятилетие улучшилась, [redacted] активнее.

— Наш Совет, — рассказывала Анна Дмитриевна, — [redacted] отно[redacted] этой работе. Идет [redacted] новых форм. По [redacted] депутатов, например, клубы стали больше проводить тематических вечеров: одни для молодежи, другие [redacted] ветеранов труда. Посещаемость вечеров заметно возросла. Тем более, что [redacted] правилом подвозить людей [redacted] порогу клуба [redacted] развозить [redacted] до[redacted]. А лекционная пропаганда?! Теперь у нас больше половины [redacted] лекций, прочитанных за год (сто [redacted] лишним!), люди прослушали чуть ли [redacted] у себя на дому, в избирательных округах, собираясь зимой [redacted] одну просторную хату, летом — под се[redacted] осокоря... Забота теперь [redacted] только [redacted] том, чтобы лекторы почаще выступали перед населением, — продолжала Анна Дмитриевна. — Лекций прочитать можно много. Но [redacted] ограничиваться. Важно [redacted]

МЕНЯЮТСЯ ЛЮДИ

зать оживленную беседу с аудиторией. А каждый ли лектор способен на это? — вот какой вопрос возник однажды на заседании исполкома Совета. Лекторский состав был укреплен теми, кто способен владеть аудиторией...

И в других местах, где работой центров культуры местные Советы занимаются с большой ответственностью, мне довелось узнать много интересного, отвечающего реальным потребностям современной жизни. Но доводилось слышать и сетования на то, что культурно-просветительная работа ведется в старых, тесных помещениях. И не случайно, как только в Иващуках построили Дом культуры, труженики колхоза «Маяк» смогли встретиться с многими артистическими коллективами, которых никогда не видели в старых клубах. Здесь показали спектакли львовские театры — драматический имени Заньковецкой и оперы и балета, Ровенский и Тамбовский театры драмы; выступали ансамбли песни и пляски Прикарпатского военного округа, гуцульский из Ивано-Франковска, «Таврия» из Мелитополя, «Славутич» из Днепропетровска, киевский квартет «Явор» и мужская хоровая капелла, артисты Ровенской, Луцкой, Львовской и Тернопольской филармоний, Ленинградского и Московского цирков, группа художественной самодеятельности из Болгарии... И свои кружки стали так работать, что их теперь и в другие места приглашают на выступления. Кинолекторий привлекает всякий раз сотни человек. В одном из помещений разместился сельский исторический музей. Появились свои, сельские, завзятые театралы и меломаны, не пропускающие ни одного спектакля, концерта. Одной из таких мне назвали Анну Александровну Савчук, ветерана труда. Бывшая доярка, она теперь на пенсии. Раньше, кроме церкви, никуда не ходила. А теперь, что ни вечер — в Доме культуры. И часто не одна приходит — домашних, а то и соседей с собой приведет. Новые духовные потребности появились у женщины. И, конечно, не у нее одной.

Рост этих потребностей наблюдается и в Тараканове, и в Смыге, где архитектурный облик села украсили новые Дома культуры, ставшие центрами притяжения людей. И вполне понятно чувство нетерпеливого ожидания, с каким в Немировском и Крупецком сельских Советах готовятся к строительству Домов культуры, проекты которых уже готовы.

«Какой хотите видеть работу культурно-просветительных учреждений?» — такой вопрос был в анкетах, которые отдел культуры Дубновского райисполкома раздал сельским жителям. В ответах подчеркивалась необходимость строить Дома культуры, обеспечить условия для углубления духовной жизни. Так ответили и в Вербе, где Дом культуры ютится в бывшем помещичьем зернохранилище.

Председатель Вербского сельисполкома Аполлинарий Григорьевич Полищук согласен, что новый Дом культуры необходим, но считает, что построить его нет возможности. Вот с этим, думается, нельзя согласиться. На территории сельсовета — колхоз «Украина», отделение «Сельхозтехники», торфопредприятие, заготовительная контора райпотребсоюза с производственными цехами, железнодорожная станция, цех винкомбината, мастерские комбината бытового обслуживания, хлебоприемный пункт, торговые предприятия. Все они, казалось бы, должны активно участвовать в создании условий для подъема культуры. А на деле получается наоборот. Как только в Совете заходит речь о строительстве общими силами Дома культуры, руководители этих предприятий и хозяйств, как говорится, сразу в кусты. Тут, наверное, требуется помощь районных руководящих органов. И не только здесь, но и в других местах. Не надо забывать: где плоха материальная база культурно-просветительных учреждений, там они и работают не в полную силу, и духовный облик человека меняется медленнее, и крепче держатся в сознании людей религиозные пережитки.

Долог путь к новым Домам культуры. Ну, а пока?..

— А пока надо работать и работать, не тратя времени на ожидания, — рассуждала Лидия Борисовна Бакалейко, вчерашняя доярка, а ныне председатель исполкома Пляшевского Совета.

■ ОПОРУ в своей деятельности и Лидия Борисовна, и другие работники сельских Советов, с которыми довелось беседовать, видят в людях.

— Ничего не получилось бы, если бы к своим заботам не привлекали широкие слои трудящихся, — говорил председатель Мирогощанского сельисполкома Иван Иванович Сидор. — За что бы ни брались — все с людьми. В них большая сила! У нас одной интеллигенции почти триста человек. Истинный демократизм проявляется в деятельности и постоянных комиссий, и исполнительного комитета. Нет такой комиссии, которая бы не имела в активе самое малое десять человек. Есть он и у исполкома. На общественных началах действуют комиссии по новым обрядам. Словом, общественность во многом помогает.

— Удалось что-то сделать?

— Да! Есть за что благодарить коллектив Мирогощанского сельскохозяйственного техникума. Главным образом его усилиями открыт в Мирогоще народный университет атеизма, которым руководит преподаватель основ научного атеизма Наталья Павловна Ковальчук. Его 360 слушателей не только сами познают научный атеизм, но и несут людям полученные знания. Каждый из слушателей не менее двух раз выступал за год в клубах и на производственных участках.

— Выставляя человека кандидатом в депутаты, люди смотрят прежде всего на то, как этот человек поставил себя в обществе, какую пользу приносит, будет ли способен активно участвовать в управлении хозяйственным и социально-культурным строительством, — говорила Мария Васильевна Выродова, участвовавшая много раз в избирательных кампаниях. — Вот звеньевая колхоза «Украина» пятидесятилетняя Евдокия Григорьевна Казачук. В Совет избрана уже второй раз. Член постоянной комиссии по сельскому хозяйству. Раньше в праздничные дни ходила в церковь. Сильна ли была ее вера, не знаю. Но теперь, когда работает в Совете, земные дела поглощают ее мысли целиком. В Совете Казачук активна, на заседаниях комиссии участвует в разборе разных вопросов. И на сессиях Совета поднималась на трибуну. Хорошо работает, всегда берет высокие обязательства по выращиванию сахарной свеклы и старается, чтобы слово не разошлось с делом.

Да, наши социалистические условия способствуют приобщению к активной деятельности всех совет-

ских граждан, в том числе и верующих. Приобщение это выражается в разных формах. В частности, и в форме оценок и суждений, замечаний и предложений относительно тех или других явлений, событий, действий. Когда в том же Столбце обезлюдел молитвенный дом баптистов и долго висел на его двери замок, встал вопрос: как быть? Как использовать помещение?

После беседы с людьми пустующий «дом божий» использовали для насущных нужд населения — открыли медпункт, и это не оскорбило религиозных чувств тех немногих верующих, которые еще остались в Столбце.

Изучать общественное мнение, прислушиваться к нему, находить возможности для того, чтобы оценки и суждения людей не оставались благими пожеланиями, — в этом проявляется демократизм нашего общества, забота о духовном мире человека.

Повысилась общая культура людей — вот что прежде всего отмечалось повсюду моими собеседниками и иллюстрировалось примечательными фактами.

— Одна из сторон культуры человека — отношение его к книге, — сказала заведующая Дружбовской сельской библиотекой Надежда Никитична Гладун. — В нашем сельсовете — 432 двора, а читателей у нас — 1150 человек. Они прочитали за год более 25 тысяч книг. В среднем каждый взял по 22 книги, больше чем когда бы то ни было. Чтение книг расширяет кругозор, интересы человека, его духовные потребности, и он начинает интересоваться большим кругом вопросов, в частности и атеистической литературой. Нередко просят достать такие книги, каких нет у нас в библиотеке, и их приходится выписывать из областной.

— Хотя в фондах трех сельских библиотек — свыше сорока тысяч книг, у многих жителей — личные библиотечки, собирают полюбившиеся книги, — говорили работники исполкома Крупецкого Совета.

— Людей, которые бы не брали книгу в руки, трудно найти, — сообщил председатель плановой комиссии Червоноармейского райисполкома Ананий Федорович Стеха.

А Григорий Тихонович Харчук, заведующий отделом культуры Дубновского райисполкома, подтвердил это выразительным вычислением:

— Четыре пятых взрослого населения района имеют в библиотеках постоянные абонементы, берут книги не только они сами, но и члены их семей.

— Книги, лекции, коллективные обсуждения книг не дают людям замыкаться в узком личном мирке, — делилась наблюдениями заведующая библиотекой в Столбце Надежда Федоровна Совинская. — В последнее время десять наших читателей отошли от общины баптистов. Вообще в жизни верующих заметны перемены. Грехом считалось посещать клубы, смотреть кинофильмы, телевизионные передачи, держать дома книги, читали только «божественное». Но книги пробили себе дорогу, на киносеансах, в клубе — масса народу. Появились у верующих телевизоры.

Меняется жизнь, меняются люди, меньше привержены к религии, все реже службы в храмах. В Пляшево, Батьково, Иващуках, Тараканове, Вербе, Белогородке она бывает раз в неделю, а в Дружбовке — раз в две недели. Даже в большие религиозные праздники собирается в церкви человек сорок — пятьдесят, а обычно — десять, от силы двадцать старушек.

— И все меньше становится жителей, соблюдающих религиозные обряды, — сказала председатель Иващуковского сельисполкома Прасковья Ильинична Маслак. — Вот вам пример: за шесть месяцев 1976 года сельсоветом было торжественно оформлено вступление в брак двенадцати пар, в церкви же никто не венчался.

— В Пляшевском сельсовете, — рассказывала Лидия Борисовна Бакалейко, — в 1975 году в церкви венчалась лишь шестая часть вступающих в брак. А лет восемь назад — половина. Тогда из всех новорожденных крестили каждого второго. Конечно, надо еще работать, вводить в жизнь новые, яркие безрелигиозные обряды, тогда в церковь не поедут венчаться и младенцев крестить не понесут.

В Мирогоще назвали пятерых самых активных пропагандистов атеизма. Это порвавшие с религией бывшие баптисты, рабочие совхоза-техникума 60-летний Федор Селифанович Дацинкевич, его одногодок Демьян Анисимович Старушко, 50-летняя Ольга Пахомовна Ющинина, на год постарше ее Надежда Куприяновна Повшук, почти такого же возраста Евтух Андронович Палинчук. На вечере для верующих и неверующих вставали один за другим перед собравшимися и рассказывали о том, как узок был их мир, когда жили только религией, как постепенно под влиянием жизненных условий отходили от веры, как интересно, деятельно живут теперь.

В рассказах о том, как люди теряют веру в бога, нередко отмечалась весьма важная деталь — участие в общественных делах. Говорили о том, что чем сильнее человек втянут в общественную работу, занимается ею с увлечением, тем скорее освобождается от религии. Мне приводили в пример колхозницу Меланью Никитичну Костюк из Иващуков, которая часто ходила в церковь, постилась, говела, исповедовалась, причащалась, дома висели иконы. В 1954 году ее пригласили работать в женский совет. Заинтересовалась, стала активной участницей всех его начинаний. Приметили люди хорошую работу Костюк, избрали депутатом сельского Совета. Она и здесь себя активно проявила. Год прошел, бригадное собрание утвердило ее руководителем звена свекловодов. Она вывела его в передовые. Подряд несколько раз колхозники избирают Костюк в сельский Совет депутатов трудящихся. Работает человек, старается оправдать доверие. Труд ее высоко оценивается, награждена орденами, медалями. А с религией порвала. Икон в доме нет.

Глядя на людей, истинное лицо которых, глубина духовного мира проявились в замечательных делах на благо общества, и другие задумываются, а не живут ли они в мире иллюзий, в далеком прошлом. И тут важно, чтобы верующий человек не был отторгнут от всего, к чему бы он мог приложить силы, знания, навыки, опыт.

Неторопливо разбирая, чем заполнена жизнь людей, мои собеседники не обошли такую важную проблему, как старость.

— Ведь раньше как о ней говорили? — сказала старожил Вербы М. В. Выродова. — Считали, что она не в радость, а утешения часто искали в церкви. А теперь о ней судят по-новому, говорят: «И старость в радость, если она не привязала праздность!» Вы посмотрите: сейчас в наших селах ни одного человека преклонного возраста не встретите праздным. Кто здоров, все в поле работают. Их не обязывают, сами заявили, что без настоящего дела не могут жить, не видят радости. Каждая пенсионерка, которая может работать, взяла на колхозном поле делянку сахарной свеклы или кукурузы. Есть звено свекловодов, в котором больше тридцати пенсионерок. И уже не первый год числящиеся на заслуженном отдыхе мужчины организуют звено в пятьдесят человек. Оно занимается то уборкой сена, то силосованием, то еще каким-нибудь важным хозяйственным делом. Трудовое участие этих пожилых людей в хозяйственных заботах колхозов и совхозов, предприятий имеет большое воспитательное воздействие на молодежь, работающую в коллективе.

Воспитание молодежи и передача

им трудового и нравственного опыта высоко оценивается сельскими Советами. Многие ветераны труда награждены почетными грамотами, их имена и портреты — на Досках почета. В их честь устраивают специальные вечера. А в Мирогоще стал традицией Праздник ветеранов труда.

Новь в людях! Многие грани ее заметны...

— Исчезли ссоры между соседями. Бывало, придешь на работу в сельисполком, а тут уже дожидаются тебя, соседи принесли жалобы друг на друга. Теперь добрососедство стало нормой жизни, — услышал я в Крупецком сельском Совете. — Заболеет человек, соседи непременно навестят: не нужна ли помощь.

— Люди стали отзывчивей, — считают в Иващуках.

— Зависти не стало, — заявили в Пляшеве. А бывало, увидит завидущий, что на соседней делянке накопали корней свеклы больше, чем он, ну и дождется ни свет ни заря и перетащит в свою кучу от соседа центнер-другой. Вспоминая такое, над собой смеются. Успех товарища не зависть вызывает, а думу: «Если сосед сумел, то почему бы и мне не постараться?»

Когда исчезают в быту грубость, злоба, зависть, вражда, то создается здоровая атмосфера, рождающая желание работать еще лучше.

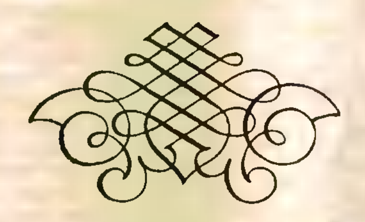
— Живем ладно! Работаем дружно! — эти слова часто приходилось слышать.

■ НУ, а как же Ф. А. Остапчук, о котором речь шла вначале? Коснулось ли его веяние времени? Вот как ответила на этот вопрос Анастасия Прокофьевна Еременко:

— Да, немало лет прошло с тех пор, как этот человек требовал не вмешиваться в воспитание дочери... За это время Вера успешно закончила школу сначала, потом вуз, получила хорошую специальность, вышла замуж, живет — радуется... Както встречает меня ее отец и вежливо, с явным сознанием своей вины, просит простить за тот грубый разговор в школе. Благодарит за все, что школа дала его дочери.

Меняются, меняются люди.

Всего сто лет,

уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в январе 1877 года

Как может быть эксплуатируема невежественная религиозность в тайных своих притонах всякими пройдохами, это всего яснее может показать нам секта монтан... Учение их — смесь крайнего цинизма и изуверства. Секта эта имеет целую лестницу иерархий, имеет «духа святого», «христа», «богородицу», «апостолов» и т. д. Каждому из них предоставлена власть сообразно чину, им занимаемому.

Чины «христа» и «богородицы» неограниченны; они главы секты, они дают толкования, дают постановления, они есть альфа и омега монтанов. Не менее важную роль — роль исключительную — играет «дух святой»... «Дух святой» назначает «богородиц». Та деревня, в которой достаточное число монтанов, но нет «богородиц», заявляет о желании своем иметь «богородицу» и указывает ту девицу, самую красивую в деревне и целомудренную, которая предназначается для этой роли. Деревня, получив позволение от «христа» иметь свою «богородицу», приготовляет избранную девицу для принятия «духа святого», этим руководит один из «апостолов». В назначенный день приезжает в деревню «дух святой». После еды и питья его оставляют на ночь с будущею «богородицею». На утро ее выводят в другую горницу в белом одеянии, где встречает ее целый синклит, поет ей песни и приветствует как «богородицу». «Апостолы» целуют ей руки и лицо, а простые сектанты — ноги. Подобным образом «дух святой» посещает время от времени всех «богородиц» с тою только разницею, что посещения его не сопровождаются уже никакими церемониями, но «богородица» после каждого посещения объявляет об этом сектантам и дает новые наставления. Не все, однако, «богородицы» пользуются одинаковым вниманием «духа святого»: та «богородица», которую чаще посещает «дух святой», большим уважением пользуется у сектантов, к той больше идут за советами, больше несут даров...

«Чтения в Обществе любителей духовного просвещения»

Вопрос об улучшении положения сирот... подвигается весьма медленно, это происходит не только от затруднений, лежащих в условиях быта нашего духовенства, но еще и от того обстоятельства, что само духовенство, хотя и сознает бедственное положение сирот и необходимость в скорейшем времени так или иначе облегчить его, но, к сожалению, по местам относится к делу далеко не с тою готовностью и энергиею, каких следовало бы ожидать, судя по важности вопроса и настоятельной необходимости его решения.

«Московские епархиальные ведомости»

Православная церковь и русское духовенство могут причислить прошлый 1876 год к ряду годов, наименее выдающихся по своему влиянию на религиозную и церковную жизнь. Наибольшим изменениям подвергся в прошлом году личный состав высших сановников церкви, наименьшие перемены принес прошлый год относительно духовно-судебной реформы, существенная важность и крайняя необходимость которой признается уже всеми.

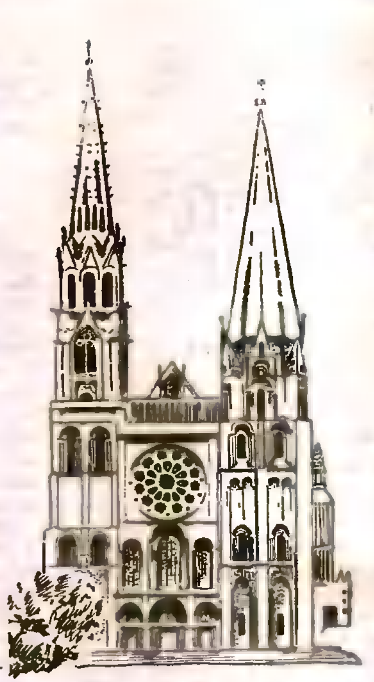
Другой вопрос, немало занимавший в прошлом году нашу духовную, собственно газетную печать, был вопрос о второбрачии духовенства. Многие из духовных лиц выражают желание, чтобы вдовым священнослужителям дозволено было жениться во второй раз. Желание вполне естественное, хотя оно и противоречит прямым каноническим постановлениям, но ведь эти постановления в некоторых случаях у нас легко обходятся... В еще более настоятельном разрешении нуждается вопрос о снятии священного сана... Вопрос о бракоразводных делах, по слухам, предположительно выделить из общего вопроса о преобразовании духовного суда и разрешить его сначала в смысле передачи означенных дел в ведение гражданских окружных судов, во избежание тех злоупотреблений при бракоразводных делах, которые нередко бывают в настоящее время.

«Голос»

О религиозном искусстве написано и много и мало. Много — если иметь в виду то необозримое количество книг и статей, которое посвящено отдельным произведениям искусства, определенным периодам его развития. Мало — если речь идет о теоретических, обобщающих работах, в которых раскрываются особенности религиозного искусства, выявляются его социальные функции, его место в культурном наследии прошлого. Вопросы религиозного искусства отнюдь не узко академические. Они связаны с современной идеологической борьбой. Если теологи пытаются доказать, что именно религия всегда составляла и составляет источник духовной культуры, в частности искусства, то марксисты показывают подлинную роль религии в истории человечества, раскрывают реальные противоречия такого сложного феномена культуры, как религиозное искусство. Весьма актуальной тему религиозного искусства делает и растущий интерес к памятникам культуры прошлого. Древнее русское искусство — храмовое зодчество, мозаики, фрески, иконы — перестало быть лишь предметом исследования специалистов. Сейчас им интересуются миллионы людей разных профессий и разного возраста, что свидетельствует о росте культурных запросов. Предлагаемые читателю статьи профессора Д. М. Угриновича, естественно, не претендуют на исчерпывающее освещение всех аспектов этой сложной и многогранной проблемы. Их задача ограничивается лишь постановкой вопроса об основных противоречиях религиозного искусства, об их истоках. При этом автор опирается главным образом на материал из истории христианского изобразительного искусства, прежде всего византийского и древнерусского, широко используя советскую литературу.

КУЛЬТОВОЕ ИСКУССТВО И ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Д. УГРИНОВИЧ,
доктор философских наук

Разговор о религиозном искусстве следует начать с уточнения этого понятия. В советской искусствоведческой литературе четкие определения религиозного искусства, к сожалению, отсутствуют, хотя многие исследователи пользуются этим термином. Поэтому попытаемся выяснить основные признаки этого понятия и определить критерии, позволяющие то или иное произведение искусства считать религиозным.

Прежде всего возникает общий методологический вопрос о правомерности употребления понятия «религиозное искусство» с марксистских позиций. У любого вдумчивого историка искусства существование такого феномена, как религиозное искусство, не вызывает сомнений. Религия и искусство в ходе их исторического развития вступали в сложные отношения, образуя те своеобразные явления истории культуры, которые мы обозначаем термином «религиозное искусство». Как племенные и национальные, так и мировые религии стремились к тому, чтобы подчинить искусство, поставить его себе на службу, включить в систему религиозного культа.

На этой основе возникало особое **культовое искусство,** в котором художественные образы и средства эстетического воздействия вплетались в обряды и служили формированию у молящихся религиозных представлений, поддержанию интенсивных религиозных чувств и переживаний. Оно являлось элементом (стороной) религиозного культа и было призвано его обслуживать. Это, конечно, не означает, что культовое искусство не имело и не имеет сейчас эстетической ценности. Напротив, эстетическая ценность произведений такого рода сохраняется и тогда, когда отмирают их религиозные функции. Мы, например, восхищаемся древнеегипетскими культовыми изображениями, хотя религия той эпохи давно исчезла. В то же время правильно понять и осмыслить подобные произведения искусства можно только на основе изучения их содержания и функций в системе культа определенной религии.

Таким образом, мы приходим к определению (правда, не исчерпывающему всех аспектов проблемы религиозного искусства), в основе которого лежит функциональный признак. **Религиозное искусство — это те произведения, которые включены в систему религиозного культа и выполняют в ней определенные функции.**

В процессе исторического развития искусство

получало все большую, хотя и относительную, самостоятельность. Уже в эпоху рабовладения и феодализма возникает искусство, не связанное непосредственно с культом. В античное время развивается светское зодчество, живопись, скульптура, литература. Средневековье существенно затормозило процесс развития светского искусства, но не прекратило его. Особенно бурно прогрессировало внецерковное искусство в эпоху Возрождения. Многие художники и писатели того времени творили по заказу светских властителей и богачей. Содержание их произведений становилось все более многообразным, форма все более свободной и оригинальной. Религиозные традиции перестали оказывать определяющее влияние на их творчество.

Но в этих условиях проблема религиозного искусства приобретает новый аспект. Хотя искусство может быть функционально не связано с религиозным культом и не иметь к нему прямого отношения, все же оно способно сохранять религиозное содержание, то есть художественными средствами утверждать религиозные идеи и представления. Так, например, если в средние века почти вся живопись непосредственно обслуживала церковь (фрески, иконы и т. п.), то в последующую эпоху вне церкви появляется станковая живопись с религиозным содержанием. Если в эпоху средневековья важную роль в литературе играли «жития святых», то в настоящее время в капиталистических странах выпускаются романы, повести и рассказы, насыщенные религиозно-мистическими идеями и настроениями.

Следовательно, ныне существует не только религиозное искусство, включенное в систему культа (назовем его религиозным искусством в узком смысле слова), но и религиозное искусство, не связанное непосредственно с культом, но имеющее религиозную направленность (назовем его религиозным искусством в широком смысле слова).

Всякое культовое искусство, естественно, имеет религиозную идейную направленность. Однако оно религиозно еще и в специфическом, функциональном смысле, поскольку выступает либо как объект поклонения (икона в церкви), либо как средство реализации культовых действий (органная музыка, пение хора и т. п.).

Дальнейший разговор мы ограничим культовым искусством, то есть религиозным искусством в узком смысле этого слова.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

Выше уже говорилось, что, вплетаясь в систему религиозного культа, искусство приобретает новую функцию. Оно выступает как средство возбуждения и усиления религиозных чувств и представлений верующих, как средство, содействующее, по их убеждению, связи со сверхъестественным миром. Но искусство и в системе культа не теряет своей эстетической стороны. Мы можем констатировать наличие у культового искусства двух функций: специфически религиозной (церковной), укрепляющей и усиливающей религиозные верования, и эстетической, вызывающей у воспринимающих это искусство людей эстетические чувства.

Между двумя функциями культового искусства существует весьма сложное и противоречивое взаимоотношение: с одной стороны, при определенных условиях эстетическая функция может усиливать религиозное воздействие того или иного произведения культового искусства, а эстетические чувства могут влиться в общий поток религиозных переживаний, активизируя и углубляя их; с другой стороны, в иных обстоятельствах эстетическая функция может прийти в конфликт с религиозной, оттеснить на задний план культовое значение произведения. Возможна и такая ситуация, когда религиозная функция культового искусства вовсе отсутствует и оно воспринимается исключительно в его эстетическом содержании.

От каких факторов зависит соотношение указанных функций? Здесь играют роль многочисленные условия как субъективного, так и объективного характера. К числу субъективных следует прежде всего отнести отношение к религии человека, воспринимающего произведение культового искусства. Если это глубоко верующий, то, естественно, в его сознании эстетические особенности того или иного культового объекта или действия будут всегда подчинены религиозным.

К примеру, для убежденного приверженца православия икона (тем более «чудотворная») — прежде всего предмет культового поклонения, видимый представитель «невидимого», сверхъестественного мира, а не объект эстетического любования.

Небезызвестный православный богослов П. Флоренский писал: «Глубоко ложно то современное направление, по которому в иконописи надлежит видеть древнее художество, живопись... Икона имеет целью вывести сознание в мир духовный, показать «тайные и сверхъестественные зрелища». Если, по оценке или, точнее, по чутью смотрящего на нее, эта цель ничуть не достигается, если не возбуждается хотя бы отдаленного ощущения реальности иного мира... то что же можно сказать об иконе, как не то, что она не вошла в круг произведений культуры...»[1]

Позиция Флоренского и других православных богословов не означает, что они вовсе отрицают эстетические достоинства произведений культового искусства. Они лишь выступают против того, чтобы эстетическая функция приобрела самодовлеющее значение. Эстетическое начало должно быть целиком подчинено культовому, религиозному — такова их позиция. И, естественно, эта позиция, закрепленная в традициях массового, «бытового» православия, не может не оказывать своего влияния на некоторую часть верующих даже в настоящее время.

Если у глубоко верующих эстетическая функция произведений культового искусства подчинена религиозной, то у неверующих или колеблющихся, напротив, религиозная функция нередко оттесняется эстетической, которая выступает на первый план и приобретает самостоятельное значение. Для атеистов икона — произведение древнего искусства, имеющее историческую и художественную ценность.

Но взаимоотношение эстетической и религиозной функции культового искусства зависит не только от восприятия субъекта. Во многом оно определяется и объек-

[1] «Богословские труды», сб. 9. М., 1972. стр. 99.

тными особенностями того или иного произведения. Икона может быть замечательным творением художника, но она может быть и ремесленной поделкой «богомаза». Естественно, что ее эстетическое воздействие в этих двух случаях будет различным, хотя основные культовые функции останутся без изменений.

Проблема соотношения указанных двух функций неоднократно затрагивалась в трудах богословов и церковных деятелей. Церковь заинтересована в том, чтобы эстетическое чувство усиливало религиозные переживания, связанные с верой в сверхъестественное. Однако эстетические чувства, наслаждение прекрасным бывают столь сильны, что подчас оттесняют на задний план религиозные образы и идеи и становятся самодовлеющими.

В свое время один из «отцов церкви» Августин так описывал воздействие на него религиозных песнопений: «...Я колеблюсь между опасностью удовольствия и испытанием пользы... Однако, когда мне случается увлечься пением более, чем предметом песнопения, я со скорбью сознаю свой грех, и тогда желал бы лучше не слышать певца» [2].

Эти же проблемы беспокоят церковных иерархов и в настоящее время. Так, например, патриарх Алексий в ряде своих выступлений в послевоенные годы сетовал на то, что церковные песнопения исполняются «в крикливом тоне светских романсов или страстных оперных арий», что, по его мнению, не дает молящимся не только сосредоточиться, но даже уловить содержание и смысл песнопений. В православной церкви, заявлял Алексий, пение должно служить одной цели: возбуждению и поддержанию молитвенного духа, назиданию и укреплению в вере»[3].

Таким образом, противоречия между эстетической и религиозной функцией церковного искусства вынуждены признавать даже сами иерархи. Они стремились и стремятся смягчить эти противоречия, подчинив эстетическую сторону культа его церковному назначению. Однако это им удавалось далеко не всегда.

ВЕРА В СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ КАК ИСТОЧНИК ПРОТИВОРЕЧИЙ

Включение изобразительного искусства в систему религиозного культа накладывало глубокий отпечаток на его содержание и художественную форму. Искусство могло выполнять свою религиозную функцию лишь в том случае, если оно направляло мысли людей в сторону сверхъестественного: бога, ангелов, святых и т. п. Но сверхъестественным существам не соответствуют реальные объекты (или же реальный объект наделяется вымышленными, сверхъестественными свойствами: образы «святого», «чудотворца» и т. п.). Между тем образная система любых художественных произведений, в том числе и религиозных, черпает свое содержание на земле, в окружающем людей реальном мире. Отсюда проблема изображения сверхъестественного в культовом искусстве, проблема, постоянно порождавшая острые противоречия.

Первоначально, в ранних формах религии, существовавших в первобытную эпоху (магия, фетишизм, тотемизм и т. п.), сверхъестественное еще не отделилось от естественного, земного. Вера в сверхъестественное здесь выступает либо как вера в особые, таинственные, иллюзорные свойства предметов (фетишизм), либо как вера в вымышленные, реально не существующие связи между реальными объектами (магия, тотемизм). Так, владелец амулета верит, что тот обладает свойством охранять его от врагов, болезней, несчастных случаев. Здесь представления о сверхъестественном еще не отделились от реальных образов чувственно воспринимаемых предметов, они носят конкретный, телесный, вещественный характер. Соответственно и художественные образы, используемые в ходе религиозно-магических обрядов, так же конкретны, взяты из окружающей природы или родоплеменного быта. Таковы, к примеру, тотемические столбы североамериканских индейцев, покрытые изображениями людей и животных, маски, употребляемые во время магических ритуалов многими народами, и т. п.

Лишь на более поздних этапах развития первобытного общества возникает понятие сверхъестественного существа или сущности: дух или душа. Здесь сверхъестественное выступает уже как нечто субстанциональное, как воплощение духовного начала, противостоящего чувственно воспринимаемому материальному миру. В дальнейшем безличные духи персонифицируются и превращаются в богов, воспринимаемых как особые могущественные сверхъестественные личности.

Однако и в древнем анимизме и политеизме духи и боги еще не отделены четко от природных стихий, зверей и людей. Так, в политеистических религиях древнего Востока боги нередко выступают в облике природных стихий или животных. Например, в древнем Египте бог Гор изображался в виде сокола, Анубис — с головой шакала, богиня Сохмет с головой львицы. Многие из египетских богов связывались с образом Солнца (Ра, Амон), другие — отождествлялись с Луной (Тот, Исида), третьи с небом (Хатор, Нут). В религиях древней Греции и древнего Рима образы богов постепенно приобретают человеческий облик. Таков известный олимпийский пантеон древнегреческих богов: Зевс, Афина, Гера, Афродита, Аполлон и другие. Эти боги походят на людей не только внешне (они изображались в облике могучих мужчин и прекрасных женщин), но и по их поведению, приписываемым им психологическим чертам и особенностям.

То обстоятельство, что в древних политеистических религиях сверхъестественное еще не отделилось от естественного, не превратилось в «чистую» духовную сущность, способствовало широкому использованию художественных средств для изображения богов. Боги изображались в земном облике, в образах стихий, предметов или существ, которые окружали людей, либо в образах самих людей. Широко известна мысль К. Маркса о том, что «греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву» [4]. Антро-

---

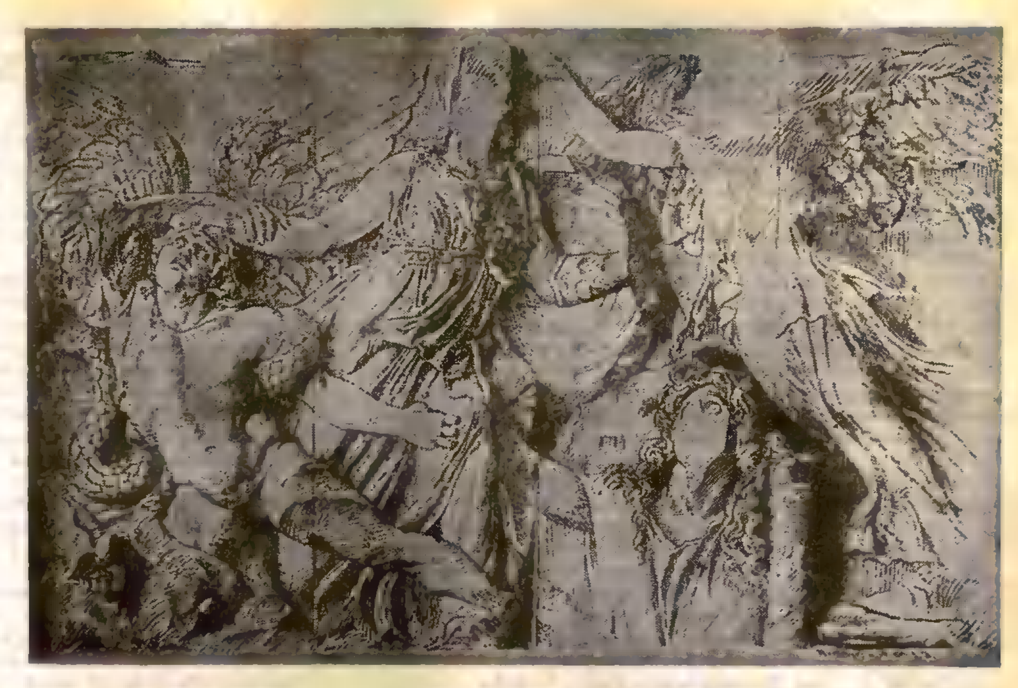
[2] «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», т. 1. М., 1962, стр. 263.

[3] Алексий, патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941 — 1948). М., 1948, стр. 239; 246.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 736.

поморфный характер древнегреческих богов способствовал расцвету скульптуры, культовое назначение которой впоследствии было забыто, а в эстетическом отношении она и поныне восхищает людей.

Дуализм естественного и сверхъестественного нашел свое наибольшее проявление в монотеизме. В иудаизме, где он оформился раньше других, бог Яхве противостоит всему земному, чувственно воспринимаемому как нечто принципиально от него отличное. Эти черты потусторонности, или, выражаясь философским языком, трансцендентности, Яхве приобрел не сразу. Первоначально его образ еще во многом нес в себе черты антропоморфизма, что и отразили первые книги Библии (Пятикнижие). Лишь впоследствии, под влиянием богословской деятельности иудейских жрецов, образ Яхве спиритуализируется и усложняется, освобождаясь от земных черт и характеристик. Бог противопоставляется всему земному и человеческому, как его отрицание. Бог — вечен, земные вещи — конечны и преходящи. Бог — всемогущий творец мира, мир — результат его творческой деятельности. Бог — воплощение мудрости и добродетели, человек — существо слабое и греховное.

Афина в битве с гигантами. Фриз Пергамского алтаря.

Конечно, ни в одной монотеистической религии противоположность бога и человека не трактовалась как абсолютная. Если бы это было так, то можно было бы прийти к выводу о неспособности бога управлять людьми и всем «тварным миром», то есть прийти к деизму, который был неприемлем для ортодоксального богословия. Как мы далее увидим, монотеистические религии пытались преодолеть постулируемый ими разрыв между богом и человеком с помощью идеи божественного посредника («мессии», «пророка», «богочеловека» и т. п.). Однако «потусторонность» бога, его «бестелесность», «духовность», непохожесть на «тварный мир» была и остается одной из главных догм монотеизма вообще и христианского богословия в частности. И хотя отдельные представители теологического модернизма (П. Тиллих, Д. Бонхоффер и др.) и пытаются преодолеть отчуждение бога от человека, их попытки весьма холодно воспринимаются руководством христианских церквей, справедливо считающих, что модернисты ставят под удар основные догматы христианского богословия.

Богословская и философская проблема соотношения бога и мира, бога и человека имела непосредственное отношение к судьбам культового изобразительного искусства в монотеистических религиях. Перед сторонниками иудаизма, христианства, ислама неизбежно вставал вопрос: допустимо ли изображение божества в храмах? Ведь любое изображение бога возможно лишь в земных формах, в формах «естественного», реального мира. Следовательно, изображая бога, художник как бы низводит его до уровня чувственно воспринимаемой реальности. А бог, согласно вероучению, есть высший дух, к которому неприложимы земные мерки.

Разные религии по-разному решили эту проблему. Иудаизм и ислам пошли по пути запрета всяких изображений в храмах. Этот запрет существенно повлиял на развитие искусства в мусульманских странах. Он был распространен на изображение всего живого — и человека, и животных. В силу этого арабское изобразительное искусство до последнего времени не знало портрета, а художественное творчество средневековых восточных мастеров развивалось в направлении создания разнообразных форм растительного орнамента.

В христианстве, начиная с первых веков его сущест-

Богиня Исида с коровьей головой совершает возлияние. Душа Осириса (коршун с человеческой головой) поднимается из озера, покрытого растениями.

вования, имели место две тенденции. Первоначально многие «отцы церкви», активно боровшиеся против «языческой» античной культуры, выступили против любых изображений божества и вообще против искусства, рассматривая его как пагубное идолопоклонство. Известный апологет христианства Тертуллиан (конец II — начало III в.) резко протестовал против языческого искусства, по существу оспаривая необходимость искусства вообще.

Климент Александрийский (ок. 150—ок. 215 гг.), чьи богословские и философские воззрения существенно отличались от воззрений Тертуллиана, близок к нему, однако, во взглядах на искусство и изображения бога. Он считал «весьма мудрым» ветхозаветный запрет изображать бога. «Законодатель, — писал он, — хотел возвысить наши умы в созерцательные области, а не останавливать их на материи... Поклоняться существу бестелесному, примечаемому лишь оком духовным, изображая его в чувственном образе, значит только унижать его...»[5].

Наивысшей точкой развития этой тенденции в христианстве было так называемое «иконоборчество» в Византии в VIII—IX веках. Иконоборцы уничтожали иконы в церквах, запрещали иконопочитание. Они заявляли, что, поскольку почитатели икон ставят перед ними свечи, целуют их, молятся им и даже прибавляют краску от икон в так называемые святые дары, используемые в таинстве причастия (такие случаи в то время были нередки), они превращают иконы в «идолов», подменяют ими бестелесного бога. Борьба между иконоборцами и иконопочитателями в Византии продолжалась в течение целого столетия. Только в середине IX века она закончилась победой иконопочитателей.

Поражение иконоборцев не было случайным. Их позиция означала почти полное устранение произведений изобразительного искусства из храмов. Но церковь нуждалась в искусстве — живописи, скульптуре — для усиления эмоционально-психологического и идейного воздействия на молящихся.

Победа сторонников иконопочитания сделала возможным широкое использование изобразительного искусства в христианском культе. В то же время возникло глубокое противоречие культового изобразительного искусства, **противоречие между тенденцией к условности, схематизации, деформации реальности и тенденцией к реалистическому, художественно правдивому изображению земных явлений, образов и событий.**

Первая тенденция определялась религиозным содержанием искусства, его подчинением церковно-богословским канонам и догматам. Христианские идеологи не перестают повторять, что икона есть «богословие в красках», что смысл иконы или церковной фрески не в воспроизведении окружающего материального мира, а в выходе за его пределы в мир иной, потусторонний, «горний», то есть сверхъестественный.

«...Икона, — писал П. Флоренский, — всегда создается как некоторый факт божественной действительности. Икона может быть мастерства высокого и невысокого, но в основе ее непременно лежит п о д л и н н о е восприятие потустороннего, п о д л и н н ы й духовный опыт». На этом основании Флоренский резко выступал против того, чтобы иконописец при создании образов святых, богоматери, Иисуса Христа основывался на реальных впечатлениях, искал в жизни прототипы своих изображений. По его мнению, иконописцу для изображения потустороннего следует полностью исключить повседневные впечатления, он должен чисто интуитивно, мистическим путем постигать и созерцать сверхъестественное. «Искание современными художниками модели при писании священных изображений, — полагает Флоренский, — уже само по себе есть доказательство, что они не видят явственно изображаемого ими незримого образа, а если бы видели ясно, то всякий посторонний образ... был бы помехой, а не подспорьем тому, духовному созерцанию». В этой связи интересно отметить, что Флоренский критически относился к росписи Владимирского собора в Киеве, выполненной в конце XIX века крупнейшими русскими художниками Васнецовым и Нестеровым. Он считал, что изображения богоматери и святых, выполненные ими, носят слишком «земной» характер, вызывают невольные сравнения с окружающими людьми, им недостает «потусторонности», «божественности»[6].

Таким образом, если следовать логике Флоренского, иконописец наилучшим образом выполнит свою задачу, если он изолирует себя от окружающего мира, в молитвах и постах станет ждать мистического откровения и воплощать его в религиозных образах. Эти требования к иконописи, по существу, были и остаются официальной точкой зрения православной церкви.

В шестом номере «Журнала Московской патриархии» за 1975 год опубликована статья[7], в которой весьма рельефно представлены взгляды современных православных богословов на икону. Автор статьи прежде всего подчеркивает принципиальное отличие церковного искусства от «мирского». «Мирское» искусство, по ее мнению, отличают два признака. Во-первых, для «мирского» художника важнейшей задачей является отражение реального мира, людей, предметов и явлений, нас окружающих. Во-вторых, любая картина такого художника несет на себе неизгладимую печать его индивидуальности. В связи с тем что каждый художник имеет свое видение мира, свое восприятие реальности, а также в связи с постоянным изменением самого окружающего нас мира, «искусство картины чрезвычайно неустойчиво как по своему содержанию, так и в своих внешних формах».

«Мирскому» искусству противопоставляется иконопись. Иконопись, по мнению автора статьи, есть часть жизни церкви, которая «течет выше всего земного, колеблющегося, себялюбивого и страстного». Иконопись изображает не окружающий нас мир, а мир сверхъестественный, который «невещественен, невидим, обычному восприятию и пониманию недоступен». «Если картина с внешней стороны есть окно в мир вещественный, пространственный, то икона по внешней форме есть также окно, но в мир духовный, невещественный, не имеющий ни времени, ни пространства в нашем понимании.

«Проникнуть» в этот мнимый, иллюзорный мир, по мнению богословов, может лишь тот, кто «одушевлен» религиозной верой, кто с помощью молитвы и поста «очистил» себя от всего «суетного», «мирского». Поэтому для создания икон, как считают православные идеологи, важен не талант, а внутреннее проникновение в мир христианских образов, догматов, «подлинная церковность». Икона призвана выражать не субъективное мироощущение и мировосприятие художника, а извек незыблемую божественную истину». Отсюда и необходимость церковного канона, который якобы выражает эту «истину».

Итак, богословский взгляд на икону и культовое искусство вообще требует от художника прежде всего отвлечения от действительности, ухода «от земли к небесам», от естественного к сверхъестественному. Понятно поэтому, что церковь враждебно относится к элементам реализма в культовом искусстве, но всякому

[5] Цит. по кн.: А. П. Голубцов. Из чтений по церковной археологии и литургике, ч 1. Сергиев Посад. 1918. стр. 110.

[6] «Богословские труды», сб. 9. стр. 102, 107.

[7] См.: М. Соколова. О древней иконописи. ЖМП. 1975. № 6. стр. 72—78.

воспроизведению в нем окружающего мира. В одной из современных богословских диссертаций прямо говорилось, что основное достоинство древних икон состоит в том, что они не отвечают привычным требованиям похожести «на всеми видимую реальность окружающей действительности».

Требования церкви к культовому изобразительному искусству фиксировались в церковном каноне, строго регламентировавшем содержание и форму фресок и икон в храме. Подробнее о церковном каноне будет сказано ниже. Сейчас лишь отметим, что главная его задача состояла в том, чтобы добиться религиозной направленности изображений, обеспечить вполне определенное воздействие их на посетителей храма. Отсюда неизбежно вытекала тенденция к схематизации и условности изображений.

Однако этой тенденции в культовом изобразительном искусстве постоянно противостояла противоположная: тенденция к полнокровному реалистическому воспроизведению земных человеческих образов и характеров. Древний иконописец, как правило, не был религиозным мистиком и отшельником, отделенным непроходимой стеной от жизни общества, народа, государства. В большинстве случаев он жил жизнью своего народа, пытаясь в своеобразной форме выразить думы, стремления и чаяния современников. Хотя он и не всегда сознавал это, но в его художественном творчестве неизбежно отражались своеобразие его эпохи, национальные особенности, даже природные условия, его окружавшие. Поэтому хотя церковь и стремилась свести иконопись единственно к выражению богословских догматов и идей, христианских образов и представлений, в действительности творения древних иконописцев гораздо богаче и глубже их богословского содержания. Они являются художественными и историческими памятниками эпохи, страны, народа.

Эти общие положения подтверждаются, в частности, историей русского искусства. Крупнейший его знаток В. Н. Лазарев указывал, что пересаженное на русскую почву византийское культовое искусство претерпело существенные изменения. Даже в мозаиках киевского Софийского собора (XI в.), которые создавались при непосредственном участии греческих мастеров и были одними из первых художественных произведений складывавшегося древнерусского искусства, уже чувствуется местное своеобразие. Оно значительно возрастает в художественных памятниках древнего Владимира. Анализируя дошедшие до нас фрески Дмитриевского собора во Владимире (XII в.), Лазарев показал, в каком направлении перерабатывали русские художники византийское наследие. «Смягчая суровые византийские каноны, — писал он, — русские живописцы стремились к более земному, к более свободному искусству. Они не боялись вводить в церковную роспись богатую растительность, делающую столь привлекательным их райский сад, они облачили праведных жен в славянские одеяния, придали лицам ангелов национальный отпечаток. Так постепенно традиционные формы начали наполняться новым содержанием, в котором русские черты заявляли о себе со все большей настойчивостью»[8].

Черты грубоватого реализма, трезвого изображения окружающих людей с их достоинствами и недостатками отчетливо выступают и в художественном творчестве новгородских мастеров. Лазарев полагал, что на содержание новгородских фресок оказывало существенное влияние мировосприятие новгородских ремесленников и купцов, далекое от мистицизма и слепой приверженности церковной догме. Отсюда и народные реалистические струи, просачивавшиеся в церковное искусство Новгорода и расшатывавшие традиционные каноны. Таковы, например, фрески церкви Успения на Волотове (XIV в.), отличающиеся большим своеобразием сюжетов и формы. Для этих фресок характерны жанровые мотивы. Одна из них изображает, например, пирующего игумена монастыря, отказывающего в приюте страннику (под видом странника выступает, согласно легенде, Христос). В этой композиции, по мнению Лазарева, настойчиво звучат нотки плебейской оппозиции против боярской знати, игравшей столь значительную роль в политической жизни Новгорода.

Подобные примеры можно было бы продолжить. Они свидетельствуют о том, что древнерусское культовое изобразительное искусство обрело свой национальный художественный язык и что этот язык далеко не всегда соответствовал требованиям церковного канона. Даже подчиненное культу искусство не перестало отражать жизнь, выражать земные чувства и стремления людей. И это вполне естественно. Хотя церковь и требует от живописца, обслуживающего ее, изображения сверхъестественного, но эти изображения возможны лишь на основе земных, чувственных образов, почерпнутых из окружающей действительности. Никакого иного материала для художественного воплощения воображаемого «горнего» мира нет и быть не может. Упования богословов на мистическое откровение, благодаря которому иконописец якобы постигает подлинный образ сверхъестественного, бога, беспочвенны и антинаучны, ибо, если не находиться в плену слепой веры, то совершенно ясно, что те «мистические видения», которые изредка посещают отдельных религиозных фанатиков, изнуряющих себя постом и молитвами, по своему содержанию не выходят за рамки земных, естественных образов и впечатлений, ибо их единственный источник — окружающий человека реальный мир.

Следует также учитывать, что полный отказ от художественных образов, отражающих реальность, замена их чисто условными символами также не встречают одобрения церкви, ибо последовательное проведение этого принципа ведет к утрате культовым искусством важных средств эмоционально-психологического воздействия. Ведь для того, чтобы создать у человека эмоциональное отношение к религиозным образам, необходимо представить их в близких, чувственно воспринимаемых, человеческих формах. А это требует изображения сверхъестественного через естественное, бога через человека.

Таким образом, дуализм естественного и сверхъестественного приводил в христианском культовом искусстве к известной деформации действительности, которая не означала полного отказа от художественных образов, отражающих реальность, но существенно изменяла их систему, наделяя их особыми религиозными функциями. Такое развитие искусства содержало в себе внутренние противоречия, неизбежно проявлявшиеся в борьбе отмеченных двух тенденций.

Любопытно, что указанное противоречие христианского культового искусства сформулировал в свое время Гегель. В «Эстетике» он писал: «Мы уже видели, что искусство должно поставить в центре своих изображений прежде всего божественное начало. Но божественное, взятое для себя как **единство и всеобщность**, по существу доступно только мысли и, будучи в самом себе чем-то безобразным, не может стать предметом художественной фантазии»[9].

Если перевести это суждение на материалистический язык, то оно означает, что сверхъестественное может стать предметом художественной фантазии, то есть быть выражено в художественных образах, только будучи представлено в естественных, земных формах.

[8] В. Н. Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески XI — XV вв. М., 1973. стр. 37—38.

[9] Гегель. Эстетика, т. 1. М., 1968, стр. 184.

Виктор Ноевич Комаров давно известен школьникам как автор научно-популярных книг «По ту сторону тайны», «Наступление продолжается», «Спор с самим собой», «Вопреки здравому смыслу». В этом году издательство «Детская литература» выпускает новую книгу В. Н. Комарова — «Рядом с неведомым». В ней рассказывается о необычных на первый взгляд явлениях, дается их естественное объяснение. Вниманию наших юных читателей предлагаются отрывки из этой книги.

ЧУДЕС НА СВЕТЕ НЕ БЫВАЕТ

В. КОМАРОВ

НЕРЕДКО жизнь сталкивает человека с необычными явлениями, с такими ситуациями, которые на первый взгляд могут показаться таинственными, необъяснимыми, даже чудесными. И бывает, что, не разобравшись как следует в случившемся, не проявив достаточной настойчивости, чтобы выяснить подлинные причины загадочного события, иной человек готов допустить мысль о сверхъестественном. И не исключена возможность, что таинственное происшествие окажется тем первым толчком, который в конечном счете приведет человека к религии...

Между тем чудес на свете не бывает. Любые явления и события всегда имеют естественные причины. И это правило не знает исключений, каким бы загадочным и таинственным ни казалось на первый взгляд случившееся. Естественная причина есть всегда — надо только суметь ее обнаружить.

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА...

Как-то после лекции на атеистическую тему, проходившей в одной строительной организации, поднялась молодая женщина лет двадцати пяти, в рабочем комбинезоне (назовем ее Нина) и сказала:

— Строителем я стала сразу после окончания школы. И вот несколько лет назад со мной произошла очень странная история...

Однажды — это было в ночь на первое июня — Нине приснился сон. Она вдруг почувствовала, что куда-то летит, неудержимо проваливается в бездонную пугающую бездну. Проснулась, холодея от ужаса, и долго не могла прийти в себя... Утром рассказала о своем странном сне бабушке. Старушка долго встревоженно молчала, сокрушенно покачивала головой, потом, пожевав губами, с расстановкой произнесла, глядя внучке прямо в глаза:

— Не к добру сон этот... На стройке ведь работаешь, над землей высоко... Как бы не свалиться тебе оттуда-то, не расшибиться... Поосторожнее будь... Сон этот должен исполниться ровно через три года — день в день.

Недели две Нина ходила под впечатлением этих слов, но потом за множеством повседневных дел и забот бабушкино пророчество постепенно забылось, перестало тревожить воображение...

Прошло три года. Наступило очередное первое июня. Утром, придя на работу, Нина

как обычно направилась к своему рабочему месту. Переходя по доске с одних мостков на другие, неожиданно потеряла равновесие и, не удержавшись, полетела вниз...

— Вот шрам остался,— закончила девушка свой рассказ, проведя рукой по щеке, где отчетливо выделялся багровый рубец. — Выходит, вещий был сон?..

Как же, в самом деле, могло так случиться? Разумеется, сам по себе сон, увиденный Ниной, ничего исключительного собой не представляет. Наверное, не найдется такого человека, который хоть однажды во сне не падал бы в бездонную пропасть. И, кстати сказать, никаких неприятностей с ним после этого не случалось.

Нет ничего невероятного и в том, что стряслось с Ниной,— работа на высоте всегда сопряжена с определенным риском; любая неосторожность, вольное или невольное пренебрежение техникой безопасности могут привести к беде. Но чтобы эта беда пришла ровно через три года после

«вещего» сна, именно в тот самый день, который был предсказан бабушкой!.. Нет ли и в самом деле во всем этом чего-либо мистического, сверхъестественного?

Может быть, произошло случайное совпадение? Но и без всяких расчетов очевидно, что столь точное соединение ничем не связанных между собой событий маловероятно.

Значит, какая-то связь все-таки была! Между «вещим» сном, бабушкиным пророчеством и падением девушки со строительных мостков именно в предсказанный день. Но связь, разумеется, естественная, а не сверхъестественная. Попробуем ее обнаружить.

Человек живет в мире бесчисленных событий и впечатлений. Сведения об этих событиях воспринимаются нашим мозгом. Как сейчас принято говорить, из окружающего мира в мозг человека поступает разнообразная информация и запечатлевается в определенных его клетках.

Ученым удалось установить, что информация, однажды усвоенная мозгом, может храниться в нем на протяжении всей жизни.

Больше того. В подсознании человека, в его скрытой памяти сохраняется и такая информация, которая проходит мимо его сознания, на которую он не обращает внимания [1].

За три года, прошедшие со времени «вещего» сна, воспоминания о мрачном бабушкином пророчестве, казалось, совершенно стерлись в памяти Нины. Но они хранились в подсознании, хранились, ожидая своего часа. И по прошествии трех лет, в роковой первый день июня они, независимо от желания девушки, как бы вновь всплыли на поверхность...

Подобное явление человеческой психики также не раз подвергалось исследованию. Например, известно, что если человеку, хорошо поддающемуся гипнозу, в состоянии гипнотического сна внушить какое-либо задание, которое он должен выполнить впоследствии, то, уже находясь в состоянии бодрствования, он точно в назначенный момент произведет заданные действия. Произведет, хотя еще несколько минут до этого совершенно ничего не помнил о полученном задании.

Видимо, бабушкино толкование «странного» сна произвело в свое время на Нину весьма сильное впечатление. Столь сильное, что это толкование приобрело характер внушения. В подсознание девушки была заложена своеобразная «мина замедленного действия», которая исправно сработала в назначенный срок.

Объяснить дальнейшее уже не составляет труда. Предостережение бабушки всплыло в сознании Нины как раз в тот момент, когда она перебегала по узенькой доске, перекинутой с одних мостков на другие... И Нина испугалась! Испугалась, что упадет. А ни для кого не секрет, что в подобных ситуациях неуверенность, как правило, ведет к катастрофе. Девушка мгновенно потеряла равновесие и только благодаря счастливой случайности отделалась сравнительно легкими повреждениями...

Таково вполне естественное объяснение исполнившегося пророчества, основанного на толковании необычного сна.

Но дело не только в этом. История, о которой идет речь, поучительна и в другом отношении. В самом деле: суеверная старушка хотела предостеречь внучку, а вышло совсем наоборот. К сожалению, многие гадания и пророчества способны оказывать на впечатлительных людей подобное же отрицательное воздействие. Поверив в неблагоприятное предсказание, человек оказывается как бы связанным, утрачивает способность трезво мыслить, правильно оценивать жизненные ситуации и нередко начинает совершать нелепые, несвойственные ему поступки, которые в самом деле способны привести к нежелательным поворотам в его судьбе.

Не меньший вред способны принести и «благоприятные пророчества». Уверовав в них, человек невольно начинает думать, что все в его жизни произойдет само собой, и перестает проявлять необходимые для достижения желанной цели усилия. А удача сама собой приходит разве что в сказках...

Вот в чем заключается главный вред всевозможных гаданий и предсказаний, основанных на различных суевериях, мистических толкованиях снов и примет.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Другая история, также рассказанная мне после лекции одной из слушательниц, на первый взгляд выглядела не менее таинственно.

За несколько месяцев до этого у моей собеседницы (ее звали Ирина) умер отец. После похорон родные и друзья вернулись в дом, чтобы по старинному народному обычаю помянуть усопшего. Ирина вместе со своей матерью и еще несколькими женщинами в скорбном молчании занялись приготовлениями к печальному застолью. Дверь, ведущая в жилые комнаты, была закрыта, и на кухне царила тишина, нарушаемая только позвякиванием посуды и мягкими шагами женщин. И вдруг в этой тишине отчетливо про-

[1] Подробно о связи подсознания с сознанием наш журнал рассказывал в статьях Ф. Бассина, М. Рожновой и В. Рожнова «Психоанализ: реальность и миф», № 5, 7 и 9 за 1976 год.

звучал идущий неизвестно откуда громкий мужской голос:

— Пожалуйста, впустите... Это я!..

Все оцепенели... Первой опомнилась Ирина. Метнулась к двери, отделявшей кухню от остальной части квартиры, распахнула ее. Там никого не было. Открыла и другую дверь, ведущую на черный ход. Тоже никого...

Быстро сбежала по ступенькам. Перед ней лежал совершенно пустынный двор. Только на противоположной его стороне, на крыльце соседнего дома, стояла женщина с маленьким ребенком на руках. Ирина поспешила к ней.

— Скажите, из нашего дома сейчас никто не выходил?

— Нет, никто не выходил и не входил. Я тут уже с полчаса стою...

Ирина вернулась в кухню, где сбились в кучку взволнованные побледневшие от потрясения женщины.

— Это был — он... — глухо проговорила мать. — Он. Я узнала его голос.

Одна из женщин тихо вскрикнула и, схватившись за сердце, медленно осела на пол... Всеобщий переполох, крики, причитания... А на другой день — нелепые мистические слухи, постепенно распространившиеся по всему поселку...

— Что же это все-таки было? — закончила свой рассказ Ирина. — Я сама отчетливо слышала мужской голос. И все слышали, кто был тогда на кухне...

— Если хотите, — предложил я, — отправимся к вам и попробуем во всем разобраться на месте...

Мы сели в машину, которая привезла меня на лекцию, и через несколько минут подъехали к Ирининому дому. Это было небольшое двухэтажное строение, судя по всему стоявшее здесь еще с дореволюционных времен и хранившее на себе следы многочисленных ремонтов и перестроек. Вслед за Ириной мы с шофером вошли внутрь. Девушка провела нас на кухню. В этот час здесь никого не было, и мы могли спокойно осмотреться.

— Вот здесь я тогда стояла, — показала девушка. — А голос раздался откуда-то оттуда. — Она неопределенно махнула рукой...

Открыв дверь, ведущую на черный ход, мы вышли на площадку, на которую выходила и дверь соседней квартиры. На второй этаж вела довольно ветхая лестница с вытоптанными ступенями и погнутыми железными перилами.

— И на втором этаже — тоже две квартиры, — пояснила Ирина.

Я вернулся на кухню, а шофер, человек весьма наблюдательный и сообразительный, хорошо разбирающийся в технике, к чему-то внимательно приглядываясь, стал подниматься по лестнице наверх...

Мы с Ириной молча стояли посреди кухни, оглядываясь вокруг.

И вдруг откуда-то отчетливо прозвучал мужской голос:

— Здравствуйте, товарищи...

От неожиданности мы вздрогнули. А голос между тем продолжал:

— Даю счет... один, два, три, четыре, пять...

Голос был немного приглушен и звучал раскатисто, словно говорили в мегафон, но я его узнал: это был голос шофера.

— Шесть, семь, восемь, девять...

Теперь, когда появилась возможность прислушаться, я смог различить, что звук доносится откуда-то со стороны стены, выходившей на черный ход. Я двинулся в этом направлении и увидел небольшое отверстие в стене — то ли вентиляционное, то ли бывший дымоход, оставшийся от тех времен, когда здесь была не газовая, а обычная плита, топившаяся дровами.

— Вы меня слышите? — донесся из отверстия голос шофера. — Поднимайтесь сюда.

Мы взбежали по лестнице на второй этаж.

— Смотрите! — сказал шофер, показывая иа участок стены рядом с дверью квартиры, расположенной на втором этаже.

Застарелая штукатурка местами отвалилась, открыв темную дыру с неровными краями. Шофер сунул в дыру прутик —

он ушел довольно глубоко в стену.

Все стало понятно. В тот день, о котором рассказывала Ирина, в момент, когда на кухне находились женщины, кто-то, может быть, из противоположной квартиры, постучался в дверь верхней квартиры и, находясь вблизи отверстия в стене, произнес те самые слова, которые так испугали Ирину и всех, кто был с нею рядом...

— Вот видите, все и объяснилось, — сказал я девушке.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Знаете, хотя я ни во что такое и не верю, а все-таки все это время было как-то не по себе. Ведь если в таком как следует не разобраться, осадок может остаться на всю жизнь.

Причина есть всегда. Каким бы загадочным ни казалось случившееся, необходимо спокойно во всем разобраться, трезво взвесить факты, настойчиво искать, и рано или поздно естественное объяснение будет найдено.

НАГОВОРЕННАЯ НИТОЧКА

Дорогая редакция! Я учусь в седьмом классе. Познакомился с вашим журналом совсем недавно, и у меня сразу же возникло к нему много вопросов. Вот первый — о бабках-шепталках. Есть такие бабки, которые нашептыванием лечат от всяких болезней. Заболела у моей мамы нога, да так сильно, что наступить нельзя. Послала она меня к бабке, чтобы та наговорила на нитку, а потом эту нитку надо привязать на больное место. Я пошел. Бабка несколько раз прочитала молитву «Отче наш», завязала на нитке узелки и сказала, что если боль не прекратится через 5—6 дней, то нужно прийти снова. Наговаривать можно до трех раз. И я подумал, а при чем же здесь наговоренная нитка? Ведь через 15—20 дней боль пройдет сама по себе или человек не вытерпит и обратится к врачу, тот назначит лечение. Бабка, конечно, скажет, что помогли ее наговоры. Но от них не только никакой пользы, а может быть вред. Отчего же некоторые люди верят бабкам? Дружил я в четвертом классе с девочкой. Она заболела. Родители отвезли ее в соседнее село к бабке-шепталке. Та читала молитвы и опрыскивала больную святой водой. Однако девочка вскоре умерла. Оказывается, у нее было тяжелое заболевание крови и требовалось длительное лечение в больнице. Возможно, оно бы ее спасло.

Видел я святую воду. Вода как вода. Но она долго стоит в бутылке и не портится. Берут ее в церкви на религиозный праздник крещение. Священник ее святит так: опускает в воду крест. Верующие говорят, что в полночь перед этим праздником в каждом колодце вода сама по себе делается как святая: набери ее, налей в бутылку, и она долго простоит прозрачная.

Еще хочу спросить о колдунах. Мама мне рассказывала, что шурин моего дедушки был колдуном. Он читал по ночам книгу «Черная магия». Дедушка нашел ее и сжег. За это шурин спалил его сарай. Книга была в черной обложке, а на ней нарисованы черти.

Кто такие оборотни? У нас в селе их называют переметками. Мама, когда была девочкой, видела, как по их порядку катилось колесо. Это катился сосед, превративший себя в колесо. Может ли человек превратиться в какой-либо предмет?

Объясните и про молитву «живая помощь». Говорят, что она хорошо помогает в безвыходном положении. По селу у нас бродят цыганки и продают «живую помощь», написанную на тетрадных листочках, и просят по рублю за штуку. Но я считаю, что это чистый обман. А как считаете вы? Ответьте на мои вопросы побыстрей.

Село Красноречечнка
Воронежской области

Под письмом указаны имя и фамилия, но мы решили их опустить, чтобы не ставить в неловкое положение перед товарищами по школе, перед учителями нашего юного корреспондента, и обращаемся к нему так:

— Дорогой наш читатель из Краснореченки! Письмо твое нас крайне удивило. Ты учишься в седьмом классе, а вопросы задаешь такие, какие могут прийти в голову разве что неграмотной старушке. Интересно знать, задавал ли ты эти вопросы своим учителям? Не может быть, чтобы ты не получил от них ответов, раскрывающих нелепость всех суеверных представлений.

Шурин твоего дедушки, конечно, мог читать «Черную магию». Подобные книги издавали в России до революции. Но подумай сам: могла ли от такого чтения появиться у него «колдовская сила»? Существовала она только в воображении людей, в суеверных представлениях, будто человек может приобрести сверхъестественную силу путем общения со «злыми духами», дьяволом и употребить ее для совершения зла другим людям. Предлагаем тебе и твоим односельчанам прочитать в нашем журнале об этом статью А. Атрошенко «О черной магии» (1974, № 12).

Далее ты спрашиваешь об оборотнях или «переметках», то есть о тех колдунах и колдуньях, которые способны принять обличье какого-либо предмета или животного. Неужели и вправду веришь, что человек может превратиться, или, как у вас говорят, «переметнуться», в колесо? И доказывать-то неловко, что такое превращение невозможно.

Корни народного верования в оборотней тянутся из тех доисторических времен, когда вся окружающая природа и весь животный мир были близки и вместе с тем страшны первобытному человеку. Он разговаривал с ними, просил у них помощи, умолял пощадить его...

Это верование оставило след в народных сказках. Помнишь — о царевне-лягушке? Сказки любят и дети и взрослые, ими зачитываются и заслушиваются, однако не найдется, пожалуй, дошкольника, который бы в наше время поверил, что какая-нибудь девочка может превратиться в лягушку.

Нас очень удивляет, что о «переметках» ты слышал не от древней старушки, а от молодой женщины — своей мамы. Она в самом деле так думает или рассказывала тот случай, будто вспомнила старую сказку, слышанную в детстве? Твоя мама, наверное, любила сказки, и вот однажды девочкой, увидев в сумерках колесо, которое, вроде бы ни с того ни с сего катилось одиноко по улице, наградила его в своем воображении сказочной сверхъестественной силой.

О «святой воде» мы коротко рассказывали в маленькой заметке И. Шушляна «А ларчик просто откры-

вался...» (1974, № 12). Учительница в классе говорила вам о воздействии серебра на воду, вернее, на содержание в ней бактерий. Но ты забыл все эти объяснения, когда показала тебе бабка-шептална пузырек со «святой водой», и изумился: ах какое чудо, стоит вода целый год и не замутилась. А отчего бы ей мутиться? Она же стоит закупоренная. Воду взяли из реки в середине зимы, на крещение, а мороз, который «очистил» воду, убил в ней микроорганизмы. Набирают «святую воду» в чисто вымытую посуду, крепко ее закупоривают. Доступ новых бактерий, способных вызвать замутнение, прекращен, и остается вода долго прозрачной. Но физические ее свойства после «освящения» нисколько не меняются, и никаких целебных качеств она не приобретает. Опускаемый в воду священником серебряный крест тоже способствует уничтожению микроорганизмов. Давным-давно известно, что присутствие серебра в воде действует на нее очищающе. Вот и весь секрет «святой воды».

К выводу о бесполезности «наговоренной ниточки» ты пришел сам. Объяснять тебе здесь нечего. Почему же некоторые люди обращаются к бабкам? Причины бывают разные — недостаточность знаний, беда, слабость духа и т. д. На это и рассчитаны те листочки с молитвой «живая помощь», которые можно у вас в Красноречении приобрести за рубль. Не так дорого! Заплати один рубль и получишь выход из любого безвыходного положения. Находятся покупатели? А не слыхал, помогла ли кому-нибудь рублевая молитва? Или в этом случае происходит то же самое, что с «наговоренной ниточкой»? Человек, испытывающий какую-то нужду, попавший в беду, покупает молитву «живую помощь», вероятно, уже после того, как обратится за помощью туда, куда привык обращаться: в правление колхоза, к родственникам, близким и далеким, к знакомым, соседям. Или обращается к ним одновременно с покупкой молитвы. Отзывчивые, добрые люди ему помогают. При чем же молитва? Живая, действенная помощь пришла от людей, к ним и надо обращаться за ней. Но чтобы рассчитывать на людскую помощь, необходимо самому спешить помочь односельчанам, попавшим в беду, самому быть всегда чутким и доброжелательным. Старая пословица гласит: «Давай людям и у тебя будет». Только при поддержке друзей будешь ты чувствовать себя смелым и сильным. Лишь духовно слабые люди могут обманывать себя надеждой на помощь молитвы. Мы уверены, что питающих эту надежду становится все меньше и меньше в твоем родном селе с таким красивым названием — Красноречение.

Е. СЕРГИЕНКО

НЕТ, НЕ ЗРЯ!

В нашей группе учится девочка Люба Ш. из семьи верующих. Мы стараемся переубедить ее, приглашаем с собой в кино, в театр. Но она отказывается. Даже телевизор не смотрит. А нам ее очень жаль. Как же, скажите, можно жить, не интересуясь, что делается на свете? Неужели у Любы осталась одна дорога — в молитвенный дом?

Нас, девочек, в группе всего пять, мы все дружим между собой, заступаемся за Любу. Ребята, узнав, что она баптистка, начали над ней смеяться. Однако и с нашей стороны иногда проскальзывает то же самое. Понимаем, что мы неправы, что не хватает у нас терпения. Мы не предполагали, что верующих так трудно переубеждать. Люба хорошо рисует и играет на гитаре, а вот в художественную самодеятельность ее не привлечь.

Посоветуйте, как нам быть. Я, например, сама еще очень мало знаю, мне только 17 лет, но пытаюсь помочь Любе. Не зря ли я за это дело взялась?

ИРА, учащаяся техникума

г. Запорожье

— Дорогая Ира! Напрасно ты усомнилась, зря или нет взяла на себя добровольную ответственность — влиять на формирование мировоззрения Любы. Если не вы, ее подруги по техникуму, — то кто же? Кто еще обязан волноваться о ее сегодняшнем и завтрашнем дне? Кому ближе ее судьба?

Равнодушный человек в этом случае отговорился бы: «Это меня не касается, это дело общественности». Но вы-то и есть общественность, то есть группа студентов техникума, в котором Люба учится, приобретает специальность. Вы, товарищи Любы, связаны с ней одними и теми же интересами. Круг их не ограничивается только учебными занятиями, — вы вместе проводите перемены, вместе идете домой после занятий. Поговорите же и с Любой о кинофильмах и спектаклях, рассказывайте ей обо всем том, что видите в кино или в театре, вовлекайте ее в обсуждение игры актеров, делитесь с ней своими впечатлениями. Люба, конечно же, вступит в общий увлекательный разговор, примет в нем участие. Не может быть, чтобы ей не были знакомы образы классических героев, например из пьес Островского. Это ли не тема для беседы?

Разбор характеров литературных персонажей — кто сильный, кто слабый, кто у кого находится под влиянием, — непременно приведет к житейским примерам. Однако не спешите с ними, тем более, не делайте этого в грубой форме, не оскорбляйте религиозных чувств Любы. Она, несомненно, испытывает на себе сильное влияние со стороны родителей, а возможно, и со стороны руководителей общины евангельских христиан-баптистов. Старайтесь не задеть самолюбия вашей подруги, не нанести ей походя обиду. Ведь ей и без того приходится не сладко. Она не показывает вам виду, но молодую, ранимую и неопытную душу ее раздирают сомнения. Думаете, ей и в самом деле не хочется пойти вместе с вами в кино? Ой, как хочется, но она не решается. Поступки ее контролируют и родители и единоверцы. А вдруг они увидят? Сколько упреков и косых взглядов свалится на нее!

То, что Люба так защищает позиции своей веры в бога и указывает вам на недостатки атеистов,—все это она повторяет с чужого голоса. Учтите также, что религиозные наставники Любы спешат преподнести ей и ваше отношение к ней в качестве наглядного отрицательного примера. «Смотри, Любочка, возлюбленная наша сестра во Христе, какие насмешники твои товарищи. И чего же иного от них, неверующих, жестокосердных, ждать?» Может, и не в таких именно словах — за точность выражений не ручаемся, но смысл такой, это уж совершенно точно. Помните об этом и не давайте Любе повода думать о вас хуже, чем вы есть. Ведь вы же вполне искренне желаете ей добра.

Ваше желание избавить Любу от религиозного влияния, отвлечь от посещений религиозной общины — не только частное дело вашей группы, но и столкновение двух мировоззрений, противоборство религии и атеизма. Однако не надо понятие «бороться» понимать тут буквально. К сожалению, такое понимание бывает у людей, не обладающих ни соответствующими знаниями, ни душевным тактом, ни необходимым терпением, и приводит оно к прямо противоположным результатам. Тактичность и терпение — обязательные качества в общении атеистов с верующими, если уж первые взяли на се-

бя заботу помочь людям избавиться от иллюзорного миропонимания. Традиционный риторический спор: «Докажи, что есть бог! — А ты докажи, что его нет!» — не даст ничего положительно. Запальчивость, возникающая обычно при этом, как правило, переходит в резкость, родит неприязнь между спорящими. А это как раз и на руку утверждающим, что атеисты относятся враждебно к верующим. Докажите своим поведением обратное. Научитесь противопоставлять лицемерной христианской доброте будничное человеческое милосердие и великодушие, наш советский гуманизм.

Один молодой верующий прислал нам задиристое письмо. Он считает себя бесстрашным обличителем пороков атеистического общества. Я, мол, молюсь, не пью и не курю, готов принять за христову веру любую муку, а вы погрязли в грехах. Подобные письма наша редакция получает нередко. Обличения в них подкрепляются цитатами из Библии. Авторы их защищают религию, осуждают неверующих и общество, в котором живут. Не сообщают лишь о том, а что же они сами делают для его улучшения? Молятся? Но ведь пока они ходят в церковь или молитвенный дом и поют там во славу господа гимны или псалмы, другим людям приходится за них заботиться об исправлении недостатков. Они дежурят на улицах, чтобы зазевавшегося пешехода не сбила машина, чтобы девушку не обидел хулиган, чтобы в саду возле танцплощадки не подрались подвыпившие парни. Мало ли этих «чтобы»!

Расскажите все это Любе или дайте ей этот номер журнала, пусть она сама прочитает. Мы уверены, что ваше письмо к нам ее нисколько не обидит, а, наоборот, покажет, что вы, ее подруги, болеете за нее душой.

Е. МУРУГОВА

Всегда иду к мастеру

Если будете печатать мое письмо, то подпишите без фамилии, просто «Таня». Боюсь, от мамы попадет. Она с тех пор, как научилась я читать, настаивала, чтобы я читала только религиозную литературу и обязательно ходила с ними — папой и мамой — в молитвенный дом. У меня в детстве не было ни подруг, ни друзей. В школе, например, на переменке, я не бегала, не играла со всеми, стояла где-нибудь в стороне одна и молча смотрела. Думаете, мне не хотелось бегать и играть?

Целую вечность продолжалось мое школьное одиночество — шесть лет! Но седьмой класс стал рубежом. Помогли мне учителя и старшие подруги, а больше всех знаете кто? Мужественные герои, боровшиеся за Страну Советов, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны. Александр Матросов, Зоя Космодемьянская... Сколько я узнала славных имен! Я жадно читала и слушала на уроках о самоотверженных подвигах, совершенных для счастья Родины, и мысленно спрашивала себя: а в чем смысл моей жизни? В молитвах? Вот я плетусь по школьному коридору, иду медленно позади всех, одна и до слез завидую своим одноклассникам, спешащим в зал на общее комсомольское собрание.

Я набралась смелости и подала заявление в комсомол...

Меня приняли. При условии, конечно, что перестану посещать молитвенный дом. Ох, что делалось в нашей семье, когда я объявила родителям о своем решении! Не только отец и мама, но и члены общины, особенно молодые, каждый день беспрестанно увещевали меня, уговаривали, пугали божьей карой.

Сейчас я учусь на третьем курсе в училище легкой промышленности. У нас хорошие учителя и мастера. Есть у меня друзья и подруги. Свободное время мы проводим весело и содержательно. Признаюсь, я не сразу привыкла к новой обстановке, очень скучала по родной школе. Но Зинаида Романовна, наш мастер, сама подошла и спросила, отчего я такая грустная, и душевно поговорила со мной. С того дня я всегда иду к мастеру, если возникают какие-нибудь вопросы или сомнения. Зинаида Романовна — мой друг, я ничего не скрываю от нее, она мне заменяет здесь мать.

Прошлым летом я ездила в «Зубренок», это лагерь на берегу озера Нарочь. Как чудесно там было! Мы часто беседовали, я многое узнала, поняла. Мне удивительно теперь, как я могла когда-то верить в несуществующего бога? Неужели мои бывшие единоверцы не видят, что в нашей сегодняшней жизни нет места для этого пережитка далекого прошлого?

Таня

Раб божий

Дорогая редакция! Читала я в вашем журнале, что религия унижает человека, но что это значит, поняла только нынешним летом. Заставил меня понять один запомнившийся, наверное, на всю жизнь случай. Ездила я отдыхать на Азовское море, и вот в какой-то религиозный праздник шли мы с подругой мимо церкви. Подруга моя говорит: «Давай зайдем, посмотрим, как там, в церкви». Я сперва не соглашалась, но потом мы зашли. Ведь если мы просто посмотрим, это не значит, что мы верим в бога. С нами вместе зашел молодой человек. Он сказал нам, что тоже неверующий, но никому же не запрещено зайти в церковь, надо только тихо стоять и не мешать тем, кто пришел молиться.

Стояли мы тихо, однако в душе я кричала, я звала мальчишку уйти отсюда, даже хотелось схватить его за руку и вытащить на улицу. Того мальчишку крестили. Было ему на вид лет 13. Не могу забыть его испуганное лицо. Ему что-то шептали бабки, очень довольные происходящим. Священник, я слышала, произнес: «Крещается раб божий»,—и старуха, умилительно улыбаясь, достала крестик на ленточке и надела на шею мальчику. Он же стоял понурый, будто ему повесили гирю. Подумать только, был в школе веселый озорной мальчишка, как и все его одноклассники, а теперь он раб. Раб божий! Это значит, что он должен всю жизнь ходить в церковь, молиться и слушаться этих старух. Одна взяла его руку, сложила ему пальцы и показала, как нужно креститься. Мальчик с покорным видом повторил, потом бабка поставила его на колени перед иконой и заставила говорить молитву, а он забыл или совсем не знал слова, и она дала ему подзатыльник. Конечно, ударила не больно, но я представляю, что делалось в душе мальчика. Не думаю, чтобы он по своей воле стал «рабом божьим». Хотелось мне с ним поговорить, я дожидалась возле церкви, когда все выйдут, но молодой человек, который с нами зашел, сказал, что с моей стороны это будет очень нетактично. Но ведь те бабки окрестили мальчика явно против его воли.

Оля, ученица 10 класса

г. ШАХТЕРСК
Донецкой области

Рисунки Р. Авотина.

В 1975 году [redacted] Саратове, [redacted] Приволжском книжном издательстве вторым изданием вышла (и тут же была раскуплена!) автобиографическая повесть бывшего православного священника К. Н. Горюнова «Из плена алтарей». Непростой, противоречивый жизненный путь автора повести начался еще в конце прошлого века. Сын бедняка, выросший в нужде [redacted] лишениях, с трудом окончивший церковноприходскую школу-шестилетку [redacted] волею судеб оказавшийся [redacted] стенах Самарской церковноучительской семинарии, Константин Горюнов решает посвятить себя служению людям, нести им добро, словом божьим делать своих прихожан лучше, человечнее. Став священнослужителем, отец Константин осуждает жадность [redacted] цинизм своих старших коллег, прислужничество православной церкви перед самодержавием.

С одобрением встречает [redacted] Октябрьскую революцию, с надеждой, что в новых социальных условиях как раз [redacted] сможет осуществить свою миссию служения людям. Но оказывается, что [redacted] христианское милосердие, его добро, освященное [redacted] бога, в новых социальных условиях оказывается не у дел. Добро, гуманизм утверждаются в жизни другими, [redacted] религиозными, [redacted] церковными путями. «Еще раз жизнь подтвердила [redacted] неправоту, — горько признается себе герой повести. — Добрый ли священник, «правильный» ли, [redacted] еще какой — [redacted] [redacted] его власти изменить строй жизни, сделать ее лучше [redacted] чище». Священник чувствует себя лишним, ненужным людям, строящим новую жизнь.

И отец Константин находит [redacted] себе силы повернуть [redacted] новый жизненный путь.

Обо всем этом К. Н. Горюнов рассказывает в своей повести-исповеди с подкупающей искренностью. Он [redacted] стремится выставить себя [redacted] более выгодном свете, откровенно делится [redacted] читателями [redacted] надеждами [redacted] сомнениями, радостями и разочарованиями. Ему веришь — [redacted] это, пожалуй, одно [redacted] главных достоинств книги, определивших [redacted] успех, в частности, [redacted] у верующих читателей.

Священник — авторитетная фигура для верующих, их духовный наставнцк, посредник между [redacted] [redacted] богом. И когда служитель церкви порывает с нею, заявляет, что он не верит больше [redacted] бога,— это производит впечатление [redacted] верующих, [redacted] стремятся понять своего бывшего пастыря, разобраться в эволюции его мыслей [redacted] чувств, найти в них сходство [redacted] своими собственными.

Мы предлагаем нашим читателям заключительные разделы книги К. Н. Горюнова, относящиеся [redacted] периоду победы социалистической революции [redacted] Алтайском крае, в местах, куда судьба забросила отца Константина.

ИЗ ПЛЕНА АЛТАРЕЙ

К. ГОРЮНОВ

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Из Локтевки скрылось еще более двадцати фронтовиков и молодых мужиков. Вместе с ними ушел и Федор Михайлович Теткин...

В селе разместился отряд белых под командой капитана Серенко.

К отцу Павлу приехали дочки епархиалки, сын из духовного училища. Офицеры получили у настоятеля щедрый приют. В офицерское «общество» потянулись сынки и дочки Вареновых и Лисиных.

На второй день после прихода белых я стал свидетелем расправы над местными жителями.

С церковной площади доносились крики. Я взглянул в окно и увидел кучку людей. В центре толпы кого-то со свистом хлестали по телу. По звукам можно было понять, что человек бьется о землю, хочет встать, но снова и снова его бросают на пыльную дорогу.

— Где брат? Где брат? Засеку, сук-кин сын! Говори, где брат! Засеку до смерти! — доносилось с площади.

Стоны становились тише и наконец смолкли. В тот вечер были зверски избиты четыре наших односельчанина.

Тревожно и плохо у меня на душе. Стараюсь не выходить со двора. Особенно — не попадаться на глаза белому офицерству.

Сижу с книгой с утра до вечера и наблюдаю в щель движение по церковной площади. Мне виден поповский дом, дома купцов Лисина, двоих Вареновых, земская управа, почта. Ни пеших, ни конных локтевцев на этой части улицы не увидишь. Здесь ходят только офицеры и солдаты от штаба до почты и обратно.

Ко мне частенько заходит кум — начальник почты, рассказывает, что белых лихорадит. Серенко не слезает с телефона. Под «ей-богу» начальник почты шепчет, что поступают депеши с сообщениями панического характера.

Наступил июль с небывало жаркими днями. На белесом небе палящее солнце и ни единого пятнышка. Барометр показывает «великую сушь». Куры лежат в пыли, растопырив крылья, с раскрытыми клювами, жадно хватают воздух. На церковной площади трава трещит под ногами, сухарь-сухарем. В ней, словно в поле, зудят сверчки.

Настоятель отец Павел с сыном и своим кривым работником отправились косить сено. И мне не мешало бы. Павел разрешил мне быть свободным три дня в неделю и косить.

Дождавшись четверга, мы с Олей отправились полевой дорожкой на свою делянку. У меня коса, у жены грабли да мешочек с продуктами. Недалеко от покоса нас встретил прихожанин с поселка:

— Не боитесь, батюшка, красных-то? Третьеводни отец Павел сложил свои монатки и ускакал домой.

Делянка упирается в протоку Чарыша. За протокой большой остров, поросший густым лесом.

На закате я поймал язя и пару чебаков. Ольга сварила уху, и мы готовились поужинать. Вдруг на повороте Чарыша, где он бьет в огромную глиняную кручу, что-то зашумело и ахнуло. Ольга испуганно вскрикнула.

— Это глина обвалилась, — успокаиваю ее. А у самого сердце бьется, как птица в клетке.

Со стороны протоки послышался шум на воде, словно кто-то проходил вброд через протоку.

— Давай уедем! — испуганно шепнула Ольга.

— Куда теперь на ночь глядя поедешь?

— Слышишь, по гальке вдоль берега кто-то идет! — не унималась Ольга.

Действительно, кто-то шел к нам. Вот он совсем близко.

— Не пугайтесь, свои! — послышался знакомый голос.

Из-под берега подымался человек с винтовкой.

— Федор Михайлович! Откуда?

Теткин промолчал.

— Как раз под уху. Садитесь, — сказала успокоенно Ольга.

— Не откажусь. Я говорю своим: это Горюнов. Делянка с краю его. Меня и послали. Ну, что там новенького?

— Серенко чем-то обеспокоен. У белых начинается паника. Так мне рассказывал начальник почты — кум.

— Тихон?

— Да. А про станцию знаете?

— Нет! Ничего не слышали.

— В прошлое воскресенье прижали белых к бору. Захватили станцию и около церкви в ряд уложили 40 офицеров и одного генерала.

— А в Локтевке какое настроение? Штаб все у Павла? Бываете там?

— Ни разу не был. Боюсь — втянут.

— Напрасно. Мы же знаем тебя.

— Потом доказывай. Вы знаете, чужие не знают.

— Брось ты, пожалуйста. Когда поедешь домой?

— В субботу.

— В понедельник приедешь?

— Если разрешит, приеду.

— Привези табачку. Может, плащишко захватишь, по ночам сыро. Да посмотри там, что нового.

— Обязательно.

— Ну, мне пора. А здесь пока косите и спите спокойно. Скажем, когда будет опасно.

Мы расстались, Федор Михайлович опять зашумел в протоке. И вскоре все стихло...

...Раскладываю и разглаживаю облачение настоятеля. Это входит в мои обязанности. Думаю о том, как Павел будет со мной разговаривать.

Может быть, в штабе у Серенко есть уже донос?

Войдя в алтарь, настоятель помолился на запрестольную икону спасителя, поклонился до ковра,

поцеловал край престола и, не здороваясь, процедил сквозь зубы:

— Косили?

— Почти все скосил.

— И никого не видели?

— Ни души. А что вы, отец Павел, не косите? Трава-то перестаивает.

— Знаем с ваше. Пропади вся трава пропадом. Дружка-то, наверное, видали?

— Какого?

— Будет вам притворяться-то. Господь не потерпит. Дружка не знаете? Михайлыч... Теткин?

— Что он мне за друг! — лгу напропалую. В ушах у меня звенит свист шомполов. Возможно, и меня ждет расправа.

Настоятель не может надеть на дрожащие руки златотканые с крестиками поручи. Краем глаза вижу его искаженное гримасой злобы лицо.

Помогаю стянуть поручи и завязать шнуром.

— Странно. Странно. Более чем странно! Три дня косил — и не видал и не слыхал. «Моя изба с краю, ничего не знаю», — бормочет он, отталкивая меня и затягивая зубами непослушный шнурок.

— Отец Павел!

— Ну?!

— Разрешите мне с понедельника до четверга сгрести и скопнить сено, если сами не поедете?

— Коси, коси!

Настоятель только догадывается о моей встрече с Теткиным. Но точно ничего не знает. И злость, и волнение его вызваны чем-то другим. Очевидно, чувствует, что штаб Серенко недолго задержится в Локтевке.

Читаю псалом наизусть и вижу: настоятель так взволнован, что не знает, за что браться на жертвеннике. Он зовет сторожа Ивана, за что-то распекает его, хватается рукой за сердце, перекладывает с места на место просфоры.

Ага! Перед грозой тебе душно!

Механически произношу слова псалма, а мысли о другом. Скользя взглядом по строчкам, не вижу ни букв, ни слов. И строчки-то мне кажутся вешками, по которым сужу, как удалился от начала и сколько осталось до конца. Скорее бы пришел конец обедни!

Я давно убедился, что и молящиеся не слушают псалмов, так как слова у любого чтеца вылетают, как солома из молотильного барабана. Вылетела — и уже нет ее, а там уже напирает новая...

Где бабам и мужикам успеть вникнуть в сложные и непонятные молитвы. Они больше молятся своими самодельными молитвами и пристают к церковным только на концах, где «аминь», «аллилуйя», «помилуй нас» и т. д.

Мне ясно слышится молитва Федота Иваныча Рудого.

— «Спаси меня, господи! Сохрани, господи, моих пятьдесят пять коров дойных, девяносто две овцы и сто двадцать ягнят. Мабуть, сто двадцать пять стало! Сохрани, господи, от падежу, хичного зверя и злого человека. Защити, господи, мой хлебушко от вора, огня, клеща и всякой поганючей твари твоей — мышей, крыс и сусликов! Прости меня, господи, можа, кого я и обидел. Аминь!»

Рудый уверен, что никого не обидел. Нажил — получил дар божий по закону. Он лишь притворяется, думая, чем больше унижайся перед богом, тем больше бог тебя возвеличит!

А вот Акулина Пряхина молится своей горячей молитвой со слезами и отчаянием:

«Прости меня, господи, великую грешницу за кусок мясца и пирожка, что я украла у Федота Иваныча для моего Васятки, пожалей его, господи, он дите несмышленое — есть хочет и все просит! Прости меня, господи, за побои Васятке, нанесенные до полусмерти, — залез он, господи, к Федоту Иванычу и нарвал кислицы две горсточки. Аминь!»

Эта молилась искренне.

После обедни Павел отодвинул ко мне с сердцем четвертую часть. На мое «до свидания» не ответил ни слова.

В понедельник мы с Олей выехали до света. Ехали опять по кривой луговой дорожке подальше от большака. До нашего сенокоса осталось проехать только полыни, выросшие в этом году почти в рост человека.

— Смотри-ка, как полынь-то шевелится. Наверное, там кто-то есть!

Я придержал Рыжка. И когда мы проехали, сзади послышалось осторожное.

— Эй!

Мы обернулись. Нас догонял человек невысокого роста.

— Горюнов! Обожди.

— Да это Демьян Борисыч, — узнал я.

— Здорово, Константин Николаевич! Здравствуйте, матушка! — сказал он запыхавшись. — Боялся, как бы не ошибиться. Федор Михайлович просил вас задержать. Он вам что-то наказывал?

— Есть, есть. Тут всем хватит. К его Зине все снесли, а я под утро забрал.

Мы достали из-под соломы завязанный мешок. Демьян его поставил в полынь.

— Ну, как там?

— В трех дворах тачанки нагружены, закрыты брезентом и увязаны.

— Чуют, чем пахнет. Значит, пятки смазывают? А как Павел?

— Не знаю. Кроме как в церкви, не встречаюсь. Не ладим.

— Убежит. Слыхали: старшего сына-то, Николая, шлепнули в селе Волкове.

— Расстреляли? — воскликнули мы с Олей.

— Он же доброволец-беляк. А вы куда едете с граблями и вилами?

— Хотим сгрести и скопнить сено.

— Скорее ворочайтесь назад: теперь опасно.

Едва я вернулся в село, как за мной пришел посыльный с приказом от Серенко — немедленно явиться. Я надел подрясник и рясу и отправился в дом отца Павла.

На парадном крыльце сидели Вареновы и троечетверо их подпевал.

— Здравствуйте! — сказал я громко и независимо.

— Здравствуйте, товарищ коммунист! — с язвительной ласковостью отозвался за всех Василий Варенов.

— Во сне, что ли, видали, Василий Степанович, — отрезал я Варенову и сразу почувствовал себя спокойным и веселым.

— Болтают про вас, что вы косили целую неделю и вас никто не трогал.

— На то и язык, чтобы болтать, тем более — он без костей.

— Шила-то, говорят, в мешке не утаишь.

На крыльцо вышел капитан Серенко.

— Отец Константин? Я просил бы вас к себе! — сказал довольно ласково капитан.

Я смело вошел в зал и сел по приглашению капитана на стул.

— Вы бывали на своем участке на прошлой неделе? — начал прощупывать меня Серенко.

— Бывал, косил три дня и сегодня поехал, но не доехал.

— И что же, не боялись?

— Как не боялся! Боялся, но без корму оставаться не хочется.

— Так никого там и не видали?

— Ни души.

— Ну, а какую связь вы имеете с Теткиным?

— Как и со всяким прихожанином, как и с Федотом Иванычем Рудым.

— Вместе они у вас бывали?

— Не один раз, — соврал я на всякий случай.

— Ну хорошо. А вот если бы мы вздумали или имели необходимость покинуть на короткое время Локтевку, то вы поехали бы с нами, как поедут отец Павел, Вареновы и вся интеллигенция?

— А как же! Обязательно.

Капитан задумался и добавил:

— Сегодня с вечера будьте готовы. Идите.

Уезжать я не собирался. Но как спрятаться от Серенко и сельских богачей!

Старик пчеловод Кузьма Яковлевич — мой друг и первый учитель по уходу за пчелами. К нему и обратился я с просьбой на время спрятать меня от глаз белобандитов.

— Чего тебе прятаться? — вскричал старик. — Красные, слышь, уже на нашем поселке. Стоят туча-тучей.

— Да я не от красных, а от белых. До утра только, Кузьма Яковлевич.

— От белых? Ай тянут с собой? Ночью они обязательно уйдут. Приходите попозже. У меня такое место есть, днем не сыщешь.

Пасека старика в полуверсте от церкви. В ночной тишине обостренный слух собирает все ночные звуки: равнодушный лай собак, перекличку петухов, скрип калиток... Днем ничего не слышно, а тут так и кажется, что ничто в природе не спит, чего-то ожидает. Где-то вверху простонала цапля, ей вдали отозвалась другая, и снова шорохи и шепот осин...

Едва обозначилась на востоке зорька, мы были уже дома. Ворота раскрыты, скот разошелся по площади. Всех собрали, только Рыжка нигде не было.

Подошла заспанная Аксинья Обутова.

— Не ищите Рыжка, он теперь далеко. К вашему дому около полуночи подходил отец Павел с двумя солдатами. Сначала били в ставни, а потом открыли прикладом, стекла-то зазвенели. Отец Павел все кричал: «Отец Константин! Отец Константин!» Глядим, потом отошли и Рыжка за собой повели. Хорош мерин-то, вот зависть и взяла!..

Я приказал сторожу Ивану залезть на колокольню и смотреть на юго-восток, при приближении красных к селу непрерывно трезвонить до подхода главной силы на церковную площадь.

Иван с рвением выполнил мое распоряжение.

Казалось, сегодня самый большой праздник. От дома к дому бегают бабы и ребятишки. Мужики собираются в кружки и беседуют о происшедшем. Дружно топятся избы. В поле на заимках теперь почти никого нет, разве какие ярые до хозяйства старики сидят, да и те из-под ладони вглядываются в далекую Локтевку. Ведь степь как стол! На двадцать верст видно. Только к Новофокину начинаются бугры Алтая.

О приходе красных еще с вечера знало все село. Ждали боя за Локтевку, но белые сбежали. Видно, хотят к горам податься и стрелять из-за камней.

Ровно в 11 часов дня Иван разыгрывал на колоколах «барыню». По трактовой улице плавно двигалась колонна с красным знаменем. Под единственный барабан солдаты пели «Вставай, проклятьем заклейменный».

Партизаны оцепили дома купцов и настоятеля. Ворота, окна и двери в этих домах раскрыты настежь. Все имущество на месте. Только пустые сундуки и разбросанное белье свидетельствовали о том, что хозяева спешно и налегке покинули насиженные гнезда.

К моему двору скакало двое с винтовками. Теща и Оля забились в страхе:

— За тобой! За тобой!..

Но основания для испуга не было.

— Командир велел передать благодарность за встречу и приказал не бояться и никуда не бегать! — бросил на скаку один из парней.

На другой день был бой за Новофокино. К вечеру привезли раненых и убитого — молодого коммуниста Сережу Золотарева.

ОЧИЩЕНИЕ ГРЕХОВ

В ячейке, в совдепе каждую неделю то собрания, то лекции. В комитете бедноты, в кассе взаимопомощи, в товариществе все время толпится народ. Мужики постаскали плуги, бороны, сеялки в одно место, выставили рядами.

Некоторые бедняки уже и шапки не ломают, отворачиваются от меня. Я считаю, что они правы, но все же и обиду чувствую. Я ведь о них, о бедняках, все время думал и ничем, кажется, не обижал. Теперь я — настоятель, и у меня руки никем не связаны. Может, теперь можно осуществить мои планы добрых дел и насаждения милосердия?

Не знаю, как и быть. Приходят в голову мысли о том, что с религией надо порвать окончательно... Но не было у меня в ту пору ни материалистического мировоззрения, ни твердости, ни воли и решительности.

Путаясь, ошибаясь, строя фантастические планы, я все медлил и медлил с принятием решения, о котором еще недавно говорил Федору Михайловичу.

«Посмотрим еще, — думал я, — где правда: у вас, коммунисты, или у церкви? Может, ничего и не выйдет без благословения божия?»

Жду, когда настанет великий пост, начнется покаяние и очищение грехов. Тогда и начну действовать! В великий пост у каждого человека душа открыта, делай в ней что хочешь, как в собственном дому. Что? Слушаться не будут? Неправда! Припугну богачей адом, так начнут раздавать свои имения бедным!..

Наконец пришел долгожданный великий пост. Суббота — день очищения от грехов.

Начинать надо с богатых: пусть раздают награбленное беднякам!

На первой неделе пришел из богачей на исповедь Тихон Варенов. Чего стоит один его вид! Без малого — косая сажень в плечах. Лицо багровое. Глаза узенькие, хитрые. Такому топор в руки и — на большую дорогу. Один быка режет!

Тихон скупает коров и свиней чуть не даром, за долги, а продает в Новосибирске втридорога.

Варенов стоит в очереди исповедников последним. Значит, грехи мучают.

Чтобы прихожане откровеннее каялись в грехах, я отодвинул ожидающих в задний угол храма. Оттуда не были слышны признания кающихся.

Тихон долго сморкался, кашлял и наконец подошел ко мне. Сдерживая волнение, я сказал:

— Ну, чадо, исповедуй свои грехи.

— Где [redacted] без грехов быть! Грешны мы во всех грехах. Прости Христа ради! — скороговоркой произнес он и подставил голову, чтобы я покрыл [redacted] епитрахилью [redacted] отпустил грехи.

Но [redacted] был тверд [redacted] неумолим:

— Поведай, сыне, грехи свои.

— Это что же, грехи рассказывать? — испуганно зашептал Тихон.

— Да. Се Христос стоит перед нами.

— Нет уж, вы простите. Что-то запамятовал. Спрашивайте. Грешен во всех грехах, какие есть на свете!

— Не нажил ли много [redacted] скоте?

— Грешен.

— Сколько нажил осенью?

— Это прибыля показывать? Как будто тысячи четыре получил. Грешен.

— Раздай половину тем, с кого нажил, [redacted] половину себе возьми.

— Невозможно это. Расчету не будет вести дело.

— Невозможно богатому попасть в рай.

—Этого сроду не было. Отцы и деды торговали, да не раздавали.

— Сказано [redacted] писании: раздай имение твое нищим [redacted] иди за мною.

— Дам полсотню на церкву, бедным четвертную и вам полтушки свинины.

— Я не о себе пекусь!

— Тогда уж лучше все бросить, чем раздавать голытьбе...

Варенов глядит на меня с тупым и злобным упрямством. Я все отчетливей понимаю: такой скорее удавится, но не поступит «по Евангелию».

Вторая неделя великого поста. При смене исповедников я изредка смотрю из-за икон на очередь говельщиков.

Важно и непринужденно ожидает своей очереди купчиха Екатерина Ивановна Иноземцева. С улицы магазин у нее закрыт, но со двора она приторговывает остатками товаров.

Этой не грех раскошелиться [redacted] вспомнить о нищей братии. Правда, она жох-баба, но все-таки — женщина. Сдастся! Тем более, Иноземцева — явная грешница. Живет невенчанная с молодым приказчиком Евсеем Федоровичем. Евсею лет тридцать, [redacted] ей побольше сорока пяти. Иноземцева родила от него дочь, подкинула себе самой осенней ночью и удочерила. Павел всегда превозносил ее за «милосердие».

На амвон купчиха идет уверенно и спокойно, не глядя на меня. Ей явно неприятно, что исповедоваться на этот раз придется не Павлу, [redacted] мне.

— Покайся, чадо, поведай грехи свои...

Екатерина Ивановна смотрит [redacted] икону и произносит отрывисто:

— Всем грешна, батюшка, всем!

— Не отказывала ли нищим?

— Господь избавил от этого, не отказывала. Все подаю от своих трудов.

— Не мало ли давала? Христос сказал: раздай имение свое нищим и иди за мною.

— Грешна, батюшка, всем грешна. Прости меня.

— Раздай хоть половину имения своего!

— Как можно, батюшка! У нас в Расее подавали мучки, сколь зачерпнется двумя перстами. Мы там старообрядцы были. А я ради пресвятой троицы подаю, сколько можно зачерпнуть тремя перстами. Родимый тятенька говаривал-учил: не [redacted] большой милостыне спасение, [redacted] малой, чтобы не пришла ты к скудости.

— Нужно так постараться, чтобы нищих [redacted] было...

— Спаси, господи, и помилуй! Как это без нищих?

Я захожу [redacted] Иноземцевой с другой стороны. Делаю намек [redacted] ее блудную жизнь с Евсеем:

— Грешок-то вам, чадо, надо венцом покрыть. Блуд не угоден богу...

Екатерина Ивановна с сердцем отвечает:

— Мы с ним хоть не венчаны, [redacted] нас по гроб жизни благословил отец Павел, спаси его господи! Как с Евсеюшкой мне венчаться? Он молодой, зазнается [redacted] с другими грешить начнет. А то он из моей воли не выходит и живет [redacted] святой... Всем я, батюшка, грешна, каюся...

Купчиха неприступна, как крепость, с какой стороны ни зайди.

Еще раз жизнь подтвердила мою неправоту. Добрый ли священник, «правильный» ли, [redacted] еще какой — не [redacted] его власти изменить строй жизни, сделать ее лучше и чище.

Остальных верующих я исповедовал наспех, не особенно вдумываясь в их ответы.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ПРИХОДИТ В ЛОКТЕВКУ

Сегодня [redacted] доме печаль [redacted] уныние. Теща видела «вещий сон»: будто упала с горы и вдруг оказалась в прекрасном саду. Откуда ни возьмись — черная лошадь, и ну [redacted] ней гоняться...

Оля хотя [redacted] спала без снов, но расколола в волненье горшок с молоком, когда прочитала извещение на мое имя из коммунистической ячейки:

> **«Приглашаем вас, гр. ГОРЮНОВ, [redacted] помещение ячейки [redacted] вечера без опоздания. Секретарь (подпись)».**

Женщины гадают: гора — го́ре, лошадь — черная ложь на нас, горшок разбился — [redacted] прибыли. И хорошо, и плохо! Они шепчутся о сухарях, белье, теплой одежде. Как бы не было дальней дороги...

Зачем [redacted] нужен коммунистам? Целый день слоняюсь без дела. Все валится [redacted] рук. Что хотят со мной сделать? Судить? Но [redacted] что? Одно самое невероятное предположение сменяется другим, еще более диким.

Я еще [redacted] различаю функций совдепа [redacted] ячейки. [redacted] совдепе — Советская власть, в ячейке — коммунисты. Но Советская власть тоже — коммунисты! Ничего не понимаю! Но все же вызов — не шутка. У меня начинает ломить голова. Начинает лихорадить! Неужели я боюсь?

Без двадцати шесть. Домашние провожают меня молитвами. Не оглядываясь, ускоряя шаг от нетерпения, первый раз иду [redacted] ячейку.

Мне показывают дверь. Захожу [redacted] помещение, где некогда был магазин, украшенный аляповатой вывеской «Варенов В. С. и сын». Магазина не узнать. Полки, прилавки убраны. Комнаты разгорожены. Зал переполнен.

Меня встречает бывший прихожанин. Теперь он, должно быть, коммунист.

—Вот ваше место. Будет видно и слышно.

Люди оглядываются с интересом. Кто-то спросил:

— Зачем поп-то пришел?

— Да этот поп — ничего вроде человек!

— Все они хорошие, когда спят.

Ну, вот [redacted] все [redacted] порядке. А то сухари да белье, дальняя дорога. Я быстро пришел [redacted] себя [redacted] с ог-

ромным интересом (хотя и не без опаски) наблюдаю. Собралось сотни две людей. На маленьком возвышении появилось несколько человек с папками. Один объявляет:

— Открытое партийное собрание считаю открытым.

Все встают. Кто-то впереди затягивает, а за ним подхватывают все. Поют стройно, мощно, торжественно и грозно. Мне на всю жизнь врезаются в память слова:

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Как метко и верно! Мы — духовные, и не можем спасти людей от бедности, зла, насилия, войны. Как все просто и ясно в песне коммунистов. А мы, попы, — подручные насильников и злодеев.

Собрание рассматривает производственный план товарищества по общественной обработке земли. Потом должна состояться лекция.

Все говорят серьезно, со знанием дела. Перечисляют рабочих лошадей, инвентарь, площади, количество семян. Даже Семка Дунькин — вечный нищий — говорит веско. И его слушают. С подмостков кто-то объясняет, что не следует надеяться на богов, на поповские молитвы и молебны, нужно добывать богатство своими рабочими руками. Многие с улыбочкой посматривают на меня.

«Не стыдись, заслужил», — думаю я о себе и упорно хочу вникнуть в то, что происходит.

Мне понятно, что чей-то великий ум направляет эту великую силу к хорошему. Значит, миллионы тружеников делают общее дело. Да ведь это наставление Ленина. А мы?.. Зовем всех к истлевшим сказаниям об истлевших подвижниках, пустынниках, затворниках и самоистязателях, ненавидевших жизнь, людей, труд и земное счастье ради воображаемого рая и вечного блаженства.

Собрание закончилось.

С переднего ряда встал человек, одетый во френч, перешитый из шинели. На груди красный бантик с каким-то значком. Незнакомец поднялся на помост, разложил на столе свои бумаги и окинул взглядом собравшихся.

— Моя лекция будет на тему «Что такое коммунизм», — сказал он громко и отрывисто.

Когда лектор начал говорить о строительстве новой жизни, я надеялся, что он будет опираться на опыт жизни первоначальных христиан, соблюдавших правила общности имущества. К моему удивлению, он и не думал останавливаться на тех давних временах. Меня охватил стыд и ужас, когда я услышал об утопистах Фурье и Сен-Симоне, которых большевик высмеял за пустые надежды на милость богачей. Разве мои взгляды на устройство жизни людей основаны не на том же принципе? Выходит, что Христос — худший из мечтателей, а Евангелие — худшая утопия.

При новом строе будут господствовать свобода, равенство и братство, наука и труд. В конце лектор провозгласил: «Слава свободному труду!»

Предложили задавать докладчику вопросы.

— Разрешите! — осмелился я и поднял руку.

— Пожалуйста! Давайте ваш вопрос!

— Вы сказали, что коммунизм для всех. Кто же эти все? Кто работает физически — крестьяне и рабочие? А как же интеллигенция? Не могу ли и я быть полезным с моим служением Христу? Ведь и Христос ведет к тому же, к чему и коммунисты!

Лектор затряс головой и зычно засмеялся:

— Вот вы, батя, чего захотели! Не-ет! Не выйдет! Для кого строится коммунизм? Для тех, кто участвует в его строительстве. А вы ничего полезного своими проповедями людям не даете, только сбиваете их с толку...

— Но многие духовные, — перебил я солдата, — убеждены в том, что церковь нужна для сдерживания зла: обмана, грабежей, убийств, вообще для сохранения порядка между людьми. Как вы на это смотрите?

Наверное, я задал интересующий всех присутствующих вопрос. Все внимательно слушали, стараясь не проронить ни слова.

— Отвечаю. Все зло на земле оттого, что на одном полюсе человечества несметные богатства, а на другом — невыразимая бедность. Вот мы, коммунисты, и подрубаем зло под корень: уничтожаем классы, чтобы не было полюсов. Кроме того, мы воспитываем в людях любовь к труду, даем каждому специальность, чтобы человек жил да радовался, стремился к добру и ненавидел зло. А вы, отцы духовные, только хвалитесь своим милосердием, а сами за 1920 лет пальцем о палец не ударили, чтобы уничтожить бедность. Поэтому вы не только не нужны народу, но и вредны, тормозите построение новой жизни!

Проголосовали прекратить подачу вопросов. Жаль, очень жаль. Мне еще далеко не все понятно. Собрался было уходить, но сосед сказал, что еще будут «преть»! Это значит — высказываться по своему желанию.

В перерыве я осмотрелся и увидел всю локтевскую интеллигенцию: председателя и работников артели, заведующего школой с учителями, почтовиков с начальником. А меня, наверное, пригласили как представителя локтевской церкви. Что ни говори, а извещение прислали.

Я плохо слушал выступавших, обдумывал, что и как говорить. И наконец получил разрешение.

— А я, граждане, все же думаю, что вера нужна человеку. Без веры невозможно. Человек надеется на загробную жизнь, на райское счастье и радость. Сказано в писании: зерно, посеянное в землю, не воскреснет, если не умрет. Так и человек: сначала — смерть, а потом — воскресение!

Я в глубокой тишине окончил выступление, уверенный в вескости своих доводов.

В заключение лектор по порядку поблагодарил выступавших. Дошла очередь и до меня:

— Видите, товарищи, отец духовный нам нарисовал, что для райской жизни нужно на земле мучиться и наконец умереть. В смерти он находит глубокий смысл жизни. Для неопровержимого доказательства он приводит пример посеянного в землю зерна. Вы много раз выдергивали куст пшеницы, ржи или какого-нибудь другого злака и видели, что маточное зерно погибло, истлело. От него осталась только тонкая оболочка. Где же здесь воскресение? Для жизни смерть не имеет смысла, кроме страха, прививающего человеку рабскую покорность, выгодную богачам... Где же правда человеческая, утверждающая не смерть, а жизнь?.. Только коммунизм утрет слезы угнетенным, униженным и оскорбленным. Только коммунизм раскрывает людям смысл жизни в победе над силами природы, в завоевании ее богатств...

Я первым вышел после собрания. Не хотелось показать людям, как огорчен и пристыжен был я, явно проиграв в споре с лектором.

Правда не на моей стороне! Эта правда все больше и больше проникает в сознание и сердца

людей. Почему же я испугался этого и упал духом?

Пришел я поздно и застал жену и тещу в панике. Рассказал им обо всем подробно, указав, сколько наших прихожан было на собрании и как они дружно обсуждали дела. Намекнул домашним, что не мешало бы и мне бросить свою профессию.

Ольга, к моему удивлению, не противоречила, только произнесла растерянно:

— Не знаю, что и подумать и как поступить, посоветовать или рассоветовать. Может быть, и правда, что ни икон, ни церквей, ни попов не надо. Но какая-то сила все-таки есть, и она всем управляет.

Ей еще труднее, чем мне, разобраться в истине: воспитанная в предрассудках, не зная всей правды о церкви, она блуждает в потемках.

...В этом году пасха приходится на теплое время. Сегодня «вербное воскресенье», а улицы уже черные и сухие. Снег остался еще кое-где в тени домов и амбаров.

Надвигается лето, а на душе у меня холодно. В церкви чувствую себя уже чужим.

Открываю настежь оба окна алтаря, чтобы вдохнуть хоть немного весеннего живительного воздуха.

Принуждаю себя вести службу, но в окна через железные решетки врываются звуки, запахи земли, яркий свет — настоящая жизнь!

Как медленно движется время! Утреня, проскомидия, литургия оглашенных, литургия верных, панихиды, крестины.

...Сменяя друг друга, службы занимают день.

Я тороплю службу: быстрее произношу возгласы, молитвы и ектеньи, глотаю слова, обрывки фраз.

Молящиеся, должно быть, судачат между собой: «Что такое делается с попом? Гонит и гонит обедню; одному богу кивнул, другому моргнул... — вот и обедня вся». Пусть говорят! Лишь бы скорее на волю!

Но что делается за окнами! Еще в начале обедни на церковной площади появились коммунисты, комсомольцы, фронтовики, учителя и служащие. Что они намерены делать?

Ах, вон что! Налаживают приспособление для витья веревок. Конечно, ТООЗу нужны новые постромки, недоуздки и тяжи к телегам.

На площади натянуты, как струны, длинные конопляные нити, из них получается светлая и крепкая веревка.

Другие члены ТООЗа свозят на площадь плуги, бороны, сеялки, катки, телеги, все посевное оборудование, устанавливают все рядами.

Застучал трактор, недавно пришедший своим ходом со станции.

Коммунисты делают последний смотр силам — скоро в поле.

Воображение подсказывает мне, как будут вестись нынче полевые работы. Не потянутся больше в разные стороны подводы с плугами и боронами отдельных хозяев. Вся эта хорошо организованная масса дружным маршем устремится в степь. Запашутся межи, исчезнут навсегда мелкие клинья многих единоличных наделов. Сплошной стеной встанут хлеба товарищества.

А я здесь, в храме, запертый, как птица в клетке, молюсь неизвестно кому, неизвестно для чего? Держу около себя не одну сотню рабочих рук, которым место на севе. В самую огневую пору на пасхальной неделе верующие будут встречать меня у ворот с хлебом-солью. По обязанности и обычаю буду угощаться двадцать раз в день, а потом целую неделю болеть от неумеренной еды!

Пока не пройдет пасха, работать грешно! А подоспевшая земля не ждет. С моего благословения запоздалые посевы сгорят от палящего зноя.

Но и эта мужицкая беда принесет церкви пользу. Крестьяне будут просить помолебствовать о дожде. После молебна станут поить меня водкой и платить мне деньги.

О чем это я! Разве забыл, что теперь большинство крестьян не придет в церковь? Настали другие времена. Мужики в ТООЗе! Они не потеряют ни дня, ни часа на бесплодное хождение из дома в дом с попом и иконами.

Не помню, как дотянул обедню! Мысли о новой жизни, о перерождении людей меня больше тревожат, чем бесконечное восхваление честолюбивого, капризного и сердитого бога!

Вот и конец. Богомольцы спешно машут руками перед иконами, торопясь на площадь.

Я вышел на площадь. На тракторе восседал председатель ТООЗа коммунист Иван Бирюков. А вокруг толпились члены товарищества. Чуть поодаль кольцо прихожан.

Бирюков произносит зычным голосом:

— Дорогие товарищи и граждане! Мы сплотились в дружную семью, именуемую ТООЗом, по призыву нашего великого Ленина! Нас соединила Коммунистическая партия. Мы железным кулаком разбиваем цепи нищеты, рабства и тьмы. Больше уж никто из нас не станет кланяться тит-титычам. Вдовы и сироты не протянут больше рук за милостыней.

Я вместе со всеми внимательно слушаю Бирюкова. А он страстно и убежденно говорит о том, что нынче мужикам не нужны больше молитвы о дожде и урожае, что сев надо проводить вовремя, без опоздания закрывать зимнюю влагу.

Молодежь неистово кричит «ура!». За молодыми тянутся и пожилые, горячо аплодируют.

По команде председателя молодые ребята запрягают лошадей в телеги и тут же распрягают, внимательно осматривают сбрую.

Выезд в поле назначен через три дня. Все расходятся по домам.

Побрел и я, потрясенный несокрушимым могуществом народа, способным переделать мир.

ПОСЛЕДНЯЯ ОБЕДНЯ

Привыкши смотреть на церковь как на дом божий, дом молитвы, теперь я с особенным чувством отвращения гляжу на потрескавшиеся, облупленные и потемневшие иконы, с которых смотрят изможденные лица людей с неестественно большими глазами.

...Я рассказал Федору Михайловичу о своем намерении покинуть службу в церкви. Теткин крепко жал мне руку и обнимал, как родного брата. Он посоветовал, чтобы я через заведующего двухклассной школой Аржанова подал заявление о приеме меня в учителя. Может быть, устроят меня здесь, в Локтевке!

Я попросил Федора Михайловича, чтобы он подсказал председателю Совета дать письменное распоряжение о моем выселении из церковного дома и указал мне другую квартиру.

— Правильно, Константин Николаевич! — согласился Теткин. — Вас никто не упрекнет, что вы пользуетесь теми преимуществами, которыми пользовались, служа в церкви.

Через час распоряжение председателя об освобождении квартиры было в моих руках. Пришла выделенная сельским Советом подвода, и я с семь-

ей перебрался в небольшую комнату на другой улице.

В субботу перед баней зашел к соседу.

— Как живем, Константин Николаевич?

— Всех лучше!

— Вот и хорошо!

— К вам с просьбой.

— Чем могу служить?

— О-стри-ги-те меня!

— Что? Не пойму...

— О стри-ги-те меня!

— Смеетесь?!

— Нисколько.

— Что ж, архиерей разрешил? Чтобы по-светски, значит?

— И не спрашивался — все с себя сбрасываю!

— Да неужели? Ну, от души поздравляю, поздравляю.

Сосед крепко пожал мне руку и спросил, улыбаясь:

— Под польку?

— Под польку!

Он разделил на четыре пряди мои густые и длинные волосы и отрезал их портняжными ножницами.

Стукнула дверь.

— Скорее, Таня, на помощь!

Жена соседа так и ахнула:

— Да госпыд-ди! Что вы наделали!

— А ты не шуми. Приходи завтра к обедне, еще не то будет.

— Отец Константин! Правда, будете отрекаться?

...Звонят к утрене. Мне и радостно и жутко. При моем приближении к церкви Иван, как никогда, хорошо оттрезвонил на колоколах «барыню».

Под музыку легко идти. Несколько лет я ходил протоптанной дорожкой. И вот иду по ней в последний раз.

Несмотря на раннюю пору, церковь набита народом. До алтаря меня сопровождают аханье, шум и выкрики:

— Ах, батюшки родимые! Поп-то стриженый...

— Вот как! По-светски-та!

— Да гос-спыди милостивый!

— Чуда-то какая: по одежде — поп, а по башке — мужик-мужиком.

Где-то в углу закричали наперегонки кликуши-келейницы.

Служил я утреню и обедню механически, не думая. Цель моей сегодняшней службы — собрать больше народу для публичного отречения.

Когда рассвело и в церковь проникли лучи солнца, я увидел, что в задних рядах молящихся много комсомольцев. Рядом с ними учителя двухклассной школы, сельповцы, почтовики. Это во мне подняло дух!

Обедня кончилась. Срываю с себя парчовые одежды и бросаю ворохом в угол.

Настал час!

Я иду последний раз на амвон, с которого произносил поучения. Стою на этом «лобном месте» ради них, моих прихожан, с детства обманутых, введенных в заблуждение

Кто слышал признания преступников в переполненном зале суда, тот поймет мое состояние в тот трудный момент. Вот мой строгий и неподкупный судья — народ.

Давно не было в локтевской церкви столько людей, как сегодня. На окнах, хорах и лестницах стоят мои односельчане. Смешались верующие и неверующие. И я начал свое горькое признание:

— Граждане! Я отслужил последнюю обедню. Больше я не священник! Умом и сердцем осудил все то, что выдавал за самое высокое, святое и необходимое в жизни человека — веру в бога, священное писание, таинства и чудеса. Из человека, с детства горячо верующего, я обратился в безбожника, отвергающего религию. Считаю своей обязанностью признать ненужность, пагубность моей священнической деятельности для вашей жизни и благополучия.

Приветствую солдат, вернувшихся с фронта в Локтевку неверующими. Им открыла глаза война. Она и мне дала толчок к пробуждению. Но решающую роль в изменении моих взглядов на религию сыграла сама жизнь...

Призывая вас к терпению, повиновению царскому строю, духовенство показывало вам пример смирения Христа, родившегося в коровьих яслях, его терпения на кресте и самоотверженности в его мифической жизни. Все заповеди и правила для вас!..

Но где вы найдете хоть одного священника, подающего пример бессребреничества, отказа от накопления имущества, денег, проводящего жизнь в молитве и посте ради райского блаженства? Не найдете! До революции они приобретали доходные дома, имения и земельные участки, были пайщиками в торговых и промышленных предприятиях и компаниях! Они и теперь не хотят понять изменений, происшедших в жизни людей после революции, и цепко держатся за прежний уклад жизни.

В глазах верующих мы, священники, — служители бога. А если разобраться, мы были такими же слугами царя, как полиция, тюремная стража. Вознося молитвы за «благочестивейшего», мы скрывали от вас продажность царедворцев, распутство «помазанника божия»...

Матери и отцы! Я знаю, что на ваших головах прибавилось немало седых волос с тех пор, как вы более сотни своих малюток, погибших от страшной болезни — дифтерии, снесли на кладбище! Помог ли вам бог и его угодники спасти ваших невинных младенцев от страданий и смерти? Вы хорошо приметили, что сами разнесли заразу через церковь, и пожар эпидемии охватил всю Локтевку. А ведь была полная возможность затушить эпидемию. Почему мы с настоятелем не сделали этого? Вы думаете, по долгу своему и по вере в целебную силу причащения? Да! Мы так вам говорили и утешали! А на самом деле, мы, ваши духовные отцы, положили на одну чашу весов жизнь ваших малюток, а на другую... наш доход! Перетянула... вторая чаша! Не хочу больше обманывать, хочу жить своим трудом!

Я на миг умолк, чтобы перевести дыхание, и продолжать. Но сердце вдруг сжалось от неожиданности. Аплодисменты, начавшиеся от входных дверей и охватившие заднюю часть церкви, разорвали тишину.

И снова напряженная тишина... Но учащенное дыхание и горящие взгляды, пронизывающие меня, мрачные, гневные, строгие, сострадательные, любопытные и насмешливые, показывали, что люди задеты за живое и находятся в сильном смятении от правды о религии.

— Ты лучше скажи, как мы будем жить без бога-то? Кому тогда станем молиться? — выкрикнул кто-то из стариков.

— В жизни без бога нет ничего страшного. Вы уже начали такую жизнь. Вот вам доказательство. Ваши жены с больными детьми теперь спешат не в божий храм к причастию, а в медицинский пункт к врачу. А причащение-то теперь оказалось лиш-

ним!.. Вы восемь дней праздновали пасху, а товарищество работало. И что же? У вас вместо хлеба черная земля и сорняки, а у товарищества — пшеница! Не бог же помогал безбожникам?

...В алтаре, сняв рясу и подрясник, я оделся в костюм Федора Михайловича. В ограде и за оградой люди стояли толпами, провожая взглядом добровольного расстригу.

Вдвоем с Ольгой разрезали поперек мою рясу, сшитую по последней моде. Из верхней части получился пиджак с готовыми лацканами и бархатным воротником, а из нижней — брюки.

Обрядившись в эту обычную для всех людей одежду, я снова впервые за много лет почувствовал себя человеком.

Пошел в школу. Встретили меня чуть не овациями. Расспрашивали, одобряли, вертели меня, осматривая костюм, дивились портняжьему мастерству Ольги.

— Теперь к нам в учителя! Открывается отделение для первого класса в курском конце села, — сказал Аржанов.

СЧАСТЬЕ

Прошло несколько дней. Я уже стал думать, что предложение Аржанова, очевидно, не встретило поддержки начальства. Невольно приуныл. Вдруг вызвали меня к секретарю ячейки. Не чуя ног под собой, бегу туда.

— Здравствуйте, здравствуйте! — весело приветствует меня секретарь. — Собирайтесь немедленно в округ. С Аржановым договорились о вас. В курское отделение школы хлопочем учителем.

Позабыв поблагодарить, без памяти бегу напрямик через огороды собираться в дорогу.

С Иваном Красноглазовым и Федором Теткиным отправляемся в окружной город.

...Пока я сидел в коридоре и дожидался окончания беседы моих друзей с заведующим окроно, кажется, прошла вечность. Неужели отказ? Наконец позвали и меня. Заведующий окроно, окинув меня испытующим взглядом, посадил перед собой и спросил:

— Вы твердо решили бросить свою профессию?

— Расстался навсегда.

— Выходит, что вы теперь в некотором роде — расстрига? Расстригли сами себя без архиерейского издевательства!

— Если хотите — да, — произнес я упавшим голосом. В голову бросилась кровь, стало душно. На лице выступил пот.

— Э-э-э. Вы что это? Уже и обиделись? — добродушно и участливо спросил заведующий. — Я ведь не хотел вас обидеть! Это вам похвала! Вы не первый. Ну, успокойтесь же, наберитесь мужества. У вас еще непочатый край жестокой борьбы с темнотою.

Я поднял глаза и сквозь слезы увидел доброе лицо.

— Спасибо, — только и мог пролепетать я.

— А вы знаете, что учителя сейчас получают крохи — десять рублей в месяц!

— Буду жить, как все.

— Мы вас можем назначить в отделение школы в Локтевке, где вы были попом. Согласны?

— Да!

— Как, товарищи, а нашего нового учителя не съедят в Локтевке его бывшие «духовные дети»? — обратился заведующий к Красноглазову и Теткину. — Можно будет ему там работать?

— Ничего плохого не случится, — заверил Федор Михайлович. — Поможем.

— Не бросим. Мы его давно знаем! — подтвердил и Красноглазов.

— Ну хорошо!

Через час мы ехали домой. Я то и дело ощупывал карман, где лежала маленькая бумажка со штампом окроно. На ней сверху было напечатано: «учителю Горюнову К.».

Дома меня ожидала другая большая радость — родился второй сын.

— Поздравляю с новорожденным! — встретила меня жена заведующего школой Ольга Ивановна. — Скорее в учительскую, вас ждут на совещание. Товарищи! Встречайте нового учителя. У него еще и сынок родился!

Меня поздравляли, жали руки, усаживали. А я не мог произнести ни слова.

— Погодите поздравлять-то, товарищи! — остановил Аржанов. — Давайте лучше на Октябрьский праздник организуем наречение сына Константина Николаевича. И уж тогда по-настоящему поздравим.

— Как это? — удивились все.

— Не знаете? А я в Барнауле сам видел. Сделали советские крестины. То отец Константин (не обижайтесь, Константин Николаевич) давал имя новорожденным, а теперь мы всенародно дадим его сыну имя! Беру на себя обязанность кума, а кумой предлагаю... Евдокию Васильевну Огородову.

— Браво! Браво! Как замечательно будет! — обрадовались необычному предложению молодые учительницы.

...Итак, я равный среди равных. Встаю до света и работаю до полуночи. Каждое утро шагаю два километра до своего отделения, провожу уроки. После обеда готовлюсь к урокам следующего дня, а вечерами налаживаю смешанный хор.

Успехи хора меня пока не радуют. Но хористы и слушатели довольны. Аржанов всеми силами ободряет:

— Вы не сразу требуйте знания всех тонкостей.

Поддержка Аржанова, учителей и интеллигенции мне очень нужна. Ярые богомольцы не могут простить мне отступничество, называют изменником и расстригой. Кликуши распространили слух, что огненный змий летает в трубу моей квартиры. На мою голову посылают проклятия, пожелания страшных болезней, сумасшествия и скорой смерти.

Каждый мой шаг, поступок, слово переворачиваются в огне споров и сплетен.

Аржанов успокаивает: мол хорошая работа скоро заткнет горлопанам глотки. Забота о детях, улучшение обучения, внимание к родителям завоюют мне много новых друзей.

Накануне праздника ученики расклеили по селу программы торжественного вечера, посвященного шестой годовщине Октябрьской революции.

Просторный клуб не вместил всех желающих. Две пожилые женщины тужили:

— Какая беда-то, опоздали малость. Сказывают, будто советские хрестины будут после заседания.

— Попенка собираются хрестить. Поп достукался: то сам хрестил, а теперь у него сына будут хрестить. Сам-то, видно, разучился!

— Будто Аржанов берется хрестить!

— А, батюшки родимые, советский поп проявился.

Из-за кулис наблюдаю происходящее на сцене и в зале. Все ново, необыкновенно. В передних рядах старые, за ними — женщины и молодухи, а сзади, выше всех, — молодежь. Заметно, что все уже привыкли к клубным порядкам. Раздаются первые нетерпеливые хлопки.

Даю сигнал. Шуршит занавес, [redacted] хор бодро [redacted] звучно поет «Интернационал».

Доклад сделал уполномоченный из округа. Затем завклубом весело объявил:

— А теперь, товарищи, на повестке дня наречение новорожденного — сына учителя Константина Николаевича.

Зал разразился аплодисментами. Кто-то крикнул:

— Ну, давай, давай! Охрестим...

Сдержанный смех, кажется, добрый. Нас [redacted] женой поставили посреди сцены. Аржанов взял у Ольги нашего сына, осторожно приблизился [redacted] авансцене, улыбаясь, прикинул вес ребенка [redacted] сказал:

— Ничего себе, увесистый.

Зал дружно отзывается смехом.

— Товарищи! — подождав, пока вновь воцарится тишина, продолжает Аржанов. — В этот торжественный день шестой годовщины Октябрьской революции, [redacted] памятный день освобождения от ига капитала, [redacted] принимаем [redacted] среду советских людей свободного от рождения человека [redacted] даем ему имя. Как же [redacted] его назовем?

— Иваном... Петром... Александром, — неслось из зала.

— Сергеем... Федором... Николаем.

— Выбор хороший. Ну как, мамаша?

— Сережей, — смущаясь, отозвалась Ольга.

— Сергей... пиши Сергея! — не умолкает зал, принимая живейшее участие [redacted] церемонии.

Аржанов продолжает:

— Над Сережей [redacted] произносились колдовские слова: «Дуньте, плюньте на сатану». Мы убеждены, что никакого бога [redacted] сатаны нет [redacted] природе. Куму [redacted] кумой не поручалось воспитывать его в рабстве, покорности богачам. Мы все даем здесь обещание воспитывать Сережу и всех наших детей [redacted] духе революции, мира, дружбы и труда. Передаю вашего воспитанника Евдокии Васильевне Огородовой для высказывания ее обязательств.

Огородова осторожно берет на руки ребенка.

— Товарищи и подруги, я подписываюсь под всем, что сказал Николай Иванович, и от себя еще наказываю Сереже: [redacted] ошибайся, как ошибся твой папка, будь всегда с народом.

— Молодец, учительница! — слышно из задних рядов.

Долго не унимается гомон [redacted] зале.

— Предоставляется слово отцу ребенка! — объявляет заведующий клубом.

— Товарищи! — начинаю я. — На справедливые упреки Евдокии Васильевны не обижаюсь. Пришло время справедливости. Революция разбудила мою совесть и указала верный путь. Теперь уж я с этого пути не собьюсь. А сына выращу настоящим советским человеком.

Всего сто лет,

уже сто лет

[redacted] русские [redacted] журналы [redacted] январе [redacted]

13, 14 и 15 декабря происходило заседание съезда тверского духовенства, собирающегося через шесть [redacted]. На [redacted] раз нужно было рассмотреть вопросы об общежитии учеников семинарии [redacted] об епархиальном [redacted] училище. Так [redacted] большинству выборных заседателей дали инструкцию: «Говорить, что угодно, но денег не давать ни копейки», [redacted] выборные на вопрос: желают ли общежития [redacted] желают? — [redacted] отрицательно...

Затем на усмотрение съезда были представлены действия ректора семинарии протоиерея Соколова [redacted] управляемому [redacted] заведению. Оказалось, [redacted] семинарии [redacted] правильной отчетности [redacted] расходовании сумм, назначенных на содержание казеннокоштных воспитанников, [redacted] последние получают одежду очень [redacted]определенно: одни — только сапоги, другие — брюки, третьи — пальто, бе[redacted] соображений [redacted] том, [redacted] воспитанников состоит на полном казенном содержании, [redacted] половинном, [redacted] есть обязан но[redacted] свою одежду. Затем на предыдущем съезде [redacted] было проценты [redacted] капитала [redacted] 4000 рублей [redacted] количестве [redacted] рублей употреблять [redacted] увеличение семинарской библиотеки, [redacted] между [redacted] деньги де[redacted] между ректором [redacted] инспектором поровну. Съезд решил «повергнуть [redacted] дело [redacted] владыки». Что [redacted] выйдет — неизвестно.

«Неделя»

От народа... требуется [redacted] свобода [redacted] всякой ограниченности [redacted] односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется, чтобы [redacted] не утверждал себя [redacted] исключительной энергией в какой-нибудь низшей сфере деятель[redacted] и знания, требуется равнодушие [redacted] всей этой жизни [redacted] интересами, всецелая вера [redacted] положительную действительность высшего мира [redacted] покорное [redacted] нему отношение... Эта вера есть необходимый результат внутреннего душевного процесса — процесса решительного освобождения [redacted] той житейской дряни, которая наполняет наше сердце, [redacted] той мнимонаучной школьной дряни, которая [redacted] нашу голову. Ибо отрицание низше[redacted] содержания [redacted] утверждение высшего, и, изгоняя [redacted] своей души [redacted] божков и кумиров, [redacted] самым вводим [redacted] истинное божество.

«Православное обозрение»

Шукюфа **МИРЗОЕВА**

СИДЯЩИЙ НА КОВРЕ

ОН СИДЕЛ [redacted] дорогом, но запачканном грязью ковре [redacted] чутко прислушивался [redacted] тому, что происходило за дверью. А за дверью завывал холодный осенний ветер, швырял [redacted] маленькие окна засохшие листья, стонали молоденькие чинары, и сквозь этот многоголосый шум прорывалось однообразное, протяжное завывание. То ли затосковавший соседский пес выл от злости, то ли шакал, ненароком выбежавший из лесу в поисках пищи... Он так [redacted] не понял. Да и не эти звуки его интересовали. Наконец за дверью раздались тяжелые шаги, низенькая дверь скрипнула, и язычок лампы метнулся [redacted] потолку.

Ночь ворвалась в комнату [redacted] после попыток потушить огонь исчезла за резко прихлопнутой дверью.

Сидящий на ковре хриплым шепотом спросил:

— Почему ты опоздал? Я так долго ждал тебя, истомился. Разве ружье твое испортилось? А может, кинжал твой затупился? Может, страх обуял тебя? Тогда ты не мой сын! — И он расхохотался.

Но в ответ — лишь безмолвие темной стены. Сидящий на ковре беспокойно задвигался.

— Почему ты не отвечаешь? Ведь за это ружье [redacted] отдал двух лучших своих коней. А мастер-лезгин клялся загробным блаженством, честью своих предков, что его кинжал сделан из дамасской стали. Сын мой, надежда моя, свет моих очей! Да разве твой старый отец отправил бы тебя на это дело, если бы не знал, что храбрее тебя нет юноши [redacted] селении! И как это мы можем [redacted] дальше жить здесь, показываться на глаза соседям, если нареченная твоего брата убегает с тем, с чужим?!

Позор, позор согнул спину твоего отца, [redacted] твой брат... Будь проклят день, когда [redacted] родился. Лучше бы мать твоя родила дочь... Послушай, сын мой, ведь позор смывают кровью обидчика. А тот, кто должен был пролить кровь, убежал, скрылся. Где он теперь? Наверное, где-нибудь [redacted] далеком, холодном городе Орасеи [1]. Ты [redacted] знаешь, куда скрылся твой брат?

Но сидящему [redacted] ковре никто [redacted] ответил. Постепенно ужас овладевает им. Он растерянно смотрит [redacted] темную стену, различает смутную тень. Тень молчит, [redacted] старик, протянув вперед дрожащие руки, шепчет одними губами:

— Сын мой, умоляю, ответь мне... Почему ты молчишь? Твое молчание разрывает мне сердце. Пожалей старого отца, сжалься, скажи хоть слово...

Керосин в лампе уже на исходе, язычок огня вспыхивает ослепительным светом, и [redacted] этом режущем глаза свете сидящий на ковре видит пустую комнату. Старик с удивлением оглядывается вокруг. Лицо его, обросшее седой бородой, принимает осмысленное выражение. Усталым движением руки он вяло ищет что-то в кармане долгополой чухи. В наступившей тишине слышится чирканье спичек [redacted] тяжкий вздох: «Аллах всемогущий, что это со мной?»

Холодный рассвет заглядывает [redacted] тусклые стекла подслеповатых окошек. Старик зябко поводит плечами и, медленно поворачиваясь к мутному свету, шепчет: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Хвала Аллаху, господу миров, милостивому, милосердному, владыке в день суда». Но заученные с детства фразы вдруг оживают, и старик со страхом и тоской смотрит на коричневый плоский камень[2] на мо-

---

[redacted] Так [redacted] дореволюционном Закавказье [redacted] Россию.

[redacted] Такие камни привозили паломники [redacted] Мекки. Камень лежал [redacted] время намаза [redacted] коврике, [redacted] молящиеся прикладывались [redacted] нему лицом.

литвенном коврике. «Аллах милосердный, почему ты не спас моего сына? Ведь ты же видел, что он выполнял волю своего отца, древний адат нашего народа?»

Старик сгибается под бременем белесого рассвета — без сына, без надежды... Тусклое утро, тусклый закат его жизни... Снова он шепчет: «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты облагодетельствовал, но не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших».

Но разве это была не прямая дорога, когда он вложил оружие в руки своего сына и послал его убить того, другого? Так зачем же Аллах не сберег ему сына, почему, почему он прогневался? Ведь пролилась кровь обидчика, опозорившего их род. А его сын, молодой, цветущий, как тополь в весеннем лесу, пал от пули родичей того, другого... Старик с гневом вспоминает, как на пороге мечети он столкнулся на другой день убийства с отцом того, другого... Их взгляды скрестились, и отец того, другого, убитого, окровавленного, прошел мимо него, безмолвный, как и раздвинувшаяся перед ним толпа людей. И тогда вдруг что-то задрожало в груди старика. Воспоминание на миг ожило в нем, воспоминание ненужное, острое, непонятное: сын того, другого, с ласковой улыбкой склоняется перед ним в почтительном поклоне...

— Аллах милосердный, — машинально шепчут его губы. Все зло от этих женщин. Не будь этой девушки, не было бы ничего. И сын его был бы рядом. И сын того, другого... сероглазый отважный наездник склонялся бы почтительно перед ним. А тот, другой отец... При этой мысли старик почувствовал, как предрассветный холод ожег его лицо... Все зло в ней, в этой злодейке. Да еще эта старая ведьма Зарафшан. Женщины всего села рассказывали, как на другой день после убийства Зарафшан клялась на Коране, что девушка сама послала ее к сероглазому юноше... — Ах, мерзкая сводня,— шептал старик пересохшими губами,— протащить бы тебя за седые космы по всему селу... Мой сын лежит в могиле, а девушка жива, она невестка в доме того, другого. Она теперь вдова того, отважного, сероглазого. А если все было бы как должно, то в это холодное осеннее утро она разожгла бы огонь, потухший огонь в очаге этой комнаты. И я сидел бы на ковре в окружении своих сыновей...

Старик устало сидит на ковре, устало смотрит на белесый свет раннего утра. Исчезли кошмары, растаяли тени, но мозг сверлит мысль: «Все зло в них, в этих женщинах». А ветер снова крепчает, уже поют петухи, скрипят арбы, и сидящий на ковре машинально шепчет: «О Аллах милосердный, почему ты не сберег моего сына, чем я прогневил тебя?..»

г. Баку

Этимологические заметки

✦ НАРЦИСС ✦

Древнегреческий миф рассказывает о прекрасном юноше, сыне речного бога Кефисса и наяды (речной нимфы) Лириопы. Увидев в воде свое изображение, Нарцисс влюбился в себя и зачах. Боги превратили его в цветок. Греческое имя Нарцисс (также Наркисс) восходит к греческому «наркозис» — «смерть», от «наркао» — «коченеть», «цепенеть» и «наркэ» — — «оцепенение», «паралич». Отсюда «наркотики», «наркотический». «Наркозис» и «наркэ» в родстве с греческим «некрос» — «мертвый», «труп» и «некрозис» — «смерть» (сравните «некролог», «некрополь» — кладбище). Все эти слова в родстве с русскими «ниц», «низкий», немецким «нидрих» и первой частью топонима Нидерланды (буквально — «Низменная страна»).

✦ НАТАН И НАТАЛИЯ ✦

Натан (Нафан) — имя библейского пророка. Произошло оно от древнееврейского «натана эль», также «натани ал», что означает: «бог дал». Здесь не намечается этимологической связи с женским именем Наталия, происходящим от латинского «наталис» — «рожденная», «родная», «дочь», от латинского «насци» — «рождаюсь». В родстве «натура» — «природа», «нация».

✦ НАУЗ ✦

«Науз», также «науза» — амулет, который русские крестьяне вешали с нательным крестом. Это церковнославянское слово имеет тот же корень, что и «узел», «узы», «узда», глагол «вязать».

✦ НЕБО ✦

Во многих религиях небо — место обитания богов. Иногда «небо» — синоним слов «боги», «бог». Русское слово «небо» этимологически связано с санскритским «набхас» — «туман», «облака», «воздух», немецким «небель» и латинским «небула» — «туман», «облако». Немецкое «химмель» — «небо», как и английские однозначные «хэвен» и «скай», восходят, вероятно, к корню «ску», означающему «закрывать», «покрывать». Ясно, что это слово возникло у северных народов, где небо часто покрыто тучами.

Слово «химмель» в древнегерманском означало «потолок» (как и греческое «кмелетрон»), а в голландском — «крыша». В родстве и латинское «целум». Это не только «небо» и «небосвод», но и «воздух», «атмосфера», «погода», «температура», «климат», также «счастье» и «слава». Здесь, вероятно, тот же корень, что и в словах «климат» и «клиника» — глагол «клино» — «наклоняю». Для римлян небо было просто наклоном. Древнегреческое «уранос» переводилось и как «небо», и как «воздушное пространство».

✦ НЕКТАР ✦

«Нектар» — сладкий сок растений. В древнегреческой мифологии так назывался напиток, который вкушали боги. О происхождении этого слова этимология знает мало. Можно, однако, предположить связь его с «некюиа» — «жертва в честь умерших», «некрозис» — «смерть», «некрос» — «умерший», «павший».

✦ НЕМЕЗИДА ✦

Немезида, также Немесида — древнегреческая богиня возмездия, почиталась и в Риме. Греческое «немезис» — «возмездие», «наказание», «штраф», «недовольство», «порицание», «гнев», от «немо» — «делить», «разделять». Отсюда «номос» — «жилье», «место», «округ», «обычай», «нравы», «порядок», «правило», «право», «принцип», «устав», «песня». От «номос» — «автономия», «экономика», «экономия», «астрономия» и «гастроном» и многие другие слова. Эта же основа в первой части слова «номоканон» — так называется сборник церковных правил XIII века (о второй части слова — «канон» — уже говорилось).

✦ НЕОФИТ ✦

Этим религиозным термином называли человека, принявшего новую веру, новообращенного. Слово сложное — «нео» плюс «фюо». Первая часть его — греческое «неос» — «новый», «свежий», «молодой», «ранний». В этимологии считается доказанным, что греческое «неос» и русское «новый» в родстве, как и немецкое «ной» и английское «нью». Но что обозначал этот корень, так сказать, в колыбели? Знаток германских языков Ф. Клюге сближает немецкое «ной» — «новый» с «нун» — «жизнь», а с ним в родстве и русское «ныне», и латинское «нунк», и греческие «ню» и «нюн». Именно здесь ключ к пониманию происхождения слова «новый»: от «ныне» — «теперь».

Вторая часть слова «неофит» — «фюо» — «расти», «выращивать», «создавать». Отсюда «физика». «Фито» (от «фютон» — «растение») в сложных словах указывает на их отношение к растениям: например, «фитобиология», «фитогеография», «фитонциды».

✦ НЕПТУН ✦

Нептун, также Нептуний, древнеримский бог морей, сын Сатурна и Реи, двойник греческого Посейдона — бородатый мужчина с трезубцем в руке, в колеснице из большой раковины, которую влекут кони с рыбьими хвостами вместо задних ног.

Латинское имя «Нептунус» происходит от «нептус», из «снептус» — «влажность», «мокрота», а оно в родстве с древнеиндийским «снапаяти» — «купается», «плавает», «моется», также «снабха» — «река». Есть, как полагает латинист А. Вальде, связь со словом «нефть», где корень «нап» — «влага», возможно, и с греческим «на» — «течь», выступающим в словах «наяда», «навигация» (сравните греческое «наус» — «корабль», латинское «навис», немецкое «нахен»). Отсюда прослеживается связь с немецким «небель» — «туман», с греческим «нафале» — «туча», с латинским «небула» — «туман», «облако», со словами «нимб» и «нюанс», с русским «небо» (см. выше его этимологию).

В латыни «навис» — «судно», «навалис» — «морской», «корабельный», «навалиа» — «док», «верфь», «навигабилис» — «судоходный». Древнейшее появление этого корня, возможно, в древнеиндийском «нагах» — «дерево», немецком «нохен» — «лодка», «челн», «челнок», в англосаксонском «нака» в древнескандинавском «накви».

✦ НИКСЫ ✦

Это германский эквивалент греческих нимф — водяные духи, принимавшие то облик старца, то русалки. Слово в родстве с древнеисландским «нюкр» — «дух вод», греческим «нипсоницо» — «моюсь», древнеиндийским «ненекти» — «умывается» и, возможно, с немецким «нэккен» — «дразнить».

✦ НИКА — ВИКТОРИЯ ✦

Нике (Ника) — древнегреческая богиня победы, эквивалент римской Виктории. Изображалась Нике крылатой девой с лавровым венком, часто на колеснице. Греческое «никэ» — «победа» связано с «никао» — «побеждать», «выиграть», «преодолевать», «превосходить», может быть, с латинским «никто» — «махать» (знаменем победы), немецким «никкен» — «кивнуть» и русскими «нива», «вникать», «вникнуть».

Виднейший грецист Х. Фриск видит связь со славянским «ниц», «навзничь», «ничком», «поникший», «низкий». Древнерусское «ницъ» связано с болгарским «ниц» —«обратная сторона», как и с немецким «нидер» — «низ». Имена Никандр, Никита, Никанор, Никодим, Николай, Никифор и фамилии от них — производные от имени греческой богини победы.

Но какая связь между словами «победа» и «низ»? Победа — это низвержение противника.

Имя же «Виктория» восходит к латинскому глаголу «винко» — «побеждаю», в родстве с русским «век», «столетие», «эпоха», «жизнь». Первоначальное значение славянского «век» было «сила», «крепость». Это сохранилось в литовских «вёка» и «вйекас» — «сила», «жизнь», в армянском «виг». В древненемецком же «виг» имеет иное значение — «борьба».

✦ НИКЕЛЬ ✦

Часто название химическому элементу дают по имени мифического героя или бога. Примерами могут служить металлы кобальт и никель. О первом из них уже говорилось, а название «никель» введено в научную терминологию шведским минералогом Кронштедтом в 1754 году. «Никель» — сокращение имени собственного «Николай», а это греческое «Николаос» — «победа народа». Так в Германии называли якобы обитавшего в рудниках гнома, двойника Кобольда. Бытовало поверье, что эти духи дразнят рудокопов, подбрасывая им вместо ценной руды пустую породу. Злому духу дали имя «Никель» по созвучию с немецким «неккен» — «дразнить».

✦ НИМБ И ОРЕОЛ ✦

Эти слова-синонимы обозначают в религиозной живописи условное сияние в виде позолоченного круга вокруг голов святых. Латинское «нимбус» (от «нубес» — «облака») — «туман», «дождевая туча», «буря», ураган», «дождь», «ливень», «бедствие», «несчастье», а «ауреолус» — «золотой» (в переносном смысле «прекрасный», «дорогой», «драгоценный»), восходит к «ауратус» в том же значении и далее к «аурум» — «золото», «деньги». От этого слова возникло и имя «Аврора». В родстве русские слова «утро» и «юг», топонимы «Австрия» и «Австралия».

✦ НИМФЫ ✦

В представлении древних греков нимфы — многочисленные божества, олицетворяющие природу. Были нимфы водные («наяды», «нереиды», «океаниды»), горные («ореады», от греческого «орос» — «гора»), лесные («дриады»: греческое «дорю» — «дерево») и другие. Греческое «нюмфа» означает «невеста», «молодая дева», а «нимфиос» —«жених», «нимфеуо» — «сватать». Есть родство с латинским «нусо» — «выходить замуж». А это ведет нас к латинскому «нубес» — «облако», «туча», «призрачность». В родстве греческое «нефеле» — «туча», русское «небо».

Рисунки **Е. Катышева.**

БЛАГОДАТЬ

Марсель [redacted]

Марсель ЭМЕ (1902—1976 гг.) — известный французский писатель, автор романов, пьес, рассказов и сказок. Его творчеству присущи острая критическая направленность и необыкновенная фантазия. Советскому читателю имя Марселя Эме хорошо знакомо. На русский язык были переведены его роман «Мельница на Сурдине», сатирическая комедия «Третья голова» [redacted] множество рассказов. Один из них — «Христос в Париже» был напечатан [redacted] нашем журнале (1965, № 5). Рассказ «Благодать» был включен писателем [redacted] сборник «Парижское вино», вышедший [redacted] 1947 году.

ЛУЧШИМ христианином улицы Габриель, как, впрочем, [redacted] всего Монмартра, был в 1939 году некий господин Дюперье, человек столь набожный, столь праведный [redacted] сострадательный, что господь бог [redacted] стал дожидаться его смерти, [redacted] прямо [redacted] расцвете лет увенчал его голову не меркнущим [redacted] днем, ни ночью оре[redacted] Созданный [redacted] нематериальной субстанции, подобный небесному нимбу, [redacted] представлял собой беловатый кружок, как бы из плотного картона, [redacted] дыркой посередине, [redacted] излучал неяркий [redacted] Г-н Дюперье носил [redacted] благодарностью и без устали [redacted] хвалу небу, отметившему его знаком, который, [redacted] смирении, он [redacted] расценивать [redacted] формальное обещание насчет будущей загробной жизни. И [redacted] был бы, безусловно, счастливейшим [redacted] людей, если бы его жена, вместо того, чтобы радоваться особой милости бога, не проявляла бы досады [redacted] раздражения.

— Ну [redacted] что это похоже? — причитала она. — В [redacted] свете [redacted] выставляешь [redacted] перед соседями [redacted] лавочниками, не говоря уже о ку[redacted] Леопольде? Нашел, [redacted] гордиться. Да это просто смешно. Увидишь, сколько пойдет разговоров.

Г-же Дюперье, этой превосходной женщине, известной благочестивым [redacted] нравственным поведением, еще [redacted] открылась тщета [redacted] суетность земного бытия. Как [redacted] другим, [redacted] необдуманное слово способно сбить с пути истинного, ей представлялось более существенным угодить собственной консьержке, [redacted] быть угодной своему создателю. Страх перед объяснениями, которые, может быть, придется давать соседке по площадке [redacted] молочнице, [redacted] первых же дней дурно отразился [redacted] ее характере. Она без конца принималась [redacted] светящийся круг, украшавший чело [redacted] супруга, — почему бы не поймать солнечный луч, — но не сдвинула его ни [redacted] капельку. Охватывая лоб у корней волос, ореол спускался довольно низко [redacted] затылок, [redacted] небольшой наклон [redacted] сторону правого уха придавал ему оттенок кокетства.

Предвкушение вечного блаженства

не заставило Дюперье забыть о своем долге по отношению к душевному покою жены. Сам он был слишком скромен и непритязателен, чтобы не сочувствовать ее переживаниям. Дары бога, особенно когда они кажутся немотивированными, не только не всегда встречают должное уважение, но зачастую становятся предметом скандала. Дюперье сделал все от него зависящее, чтобы остаться как можно более незаметным. Отказавшись, не без сожаления, от котелка — головного убора, бывшего в его глазах незаменимой принадлежностью людей бухгалтерской профессии, — он нахлобучил светлую фетровую шляпу с широченными полями, и чтобы они полностью скрыли ореол, ее пришлось залихватски сдвинуть на затылок. Теперь прохожие вряд ли могли усмотреть в его облике нечто из ряда вон выходящее. Поля его шляпы несколько фосфоресцировали, что при свете дня вполне могло сойти за блеск шелковистого фетра. На работе Дюперье также удалось избежать интереса сотрудников и директора. На крохотной обувной фабрике в Менилмонтане, где он работал бухгалтером и занимал комнатушку между двумя цехами, отделенную стеклянной перегородкой, его обособленность гарантировала ему защиту от нескромных вопросов. Он принял решение не обнажать голову ни в какой час дня, и никто не полюбопытствовал, из-за чего.

Но все эти предосторожности не снимали беспокойства г-жи Дюперье. Ей чудилось, что ореол мужа уже стал предметом пересудов всей округи. Она выходила на улицу с опаской, и от страха у нее перехватывало дух и подкашивались ноги. Смех слышался ей на каждом шагу. Для этой добропорядочной женщины, чье честолюбие ограничивалось принадлежностью к определенному общественному кругу и не шло дальше стремления соблюдать его законы, столь явная необычность, свалившаяся на Дюперье, переросла в катастрофу. К тому же абсурдность этой необычности сделала ее в глазах г-жи Дюперье просто чудовищной. Ничто не могло ее заставить выйти на улицу вместе с мужем.

Вечера и воскресные дни, проходившие обычно в прогулках и визитах к друзьям, превратились в сидение дома вдвоем, и эта вынужденная близость становилась с каждым днем все тягостнее.

В гостиной светлого дуба, где от обеда до ужина тянулись долгие часы бездействия, г-жа Дюперье, не способная связать ни петельки, растравляла себе душу созерцанием ореола. Занятый по большей части благочестивым чтением, Дюперье ощущал прикосновение ангельских крыл, и блаженная радость, освещавшая его лицо, еще больше взвинчивала супругу. Он не раз участливо поглядывал на нее, и недоброжелательность и неодобрение, читавшиеся в ответном взгляде, вызывали в нем некоторые угрызения совести, не идущие, конечно же, ни в какое сравнение с признательностью, которую он питал к небесам, что в свою очередь вызывало новые укоры совести.

Столь мучительное положение не могло продолжаться без конца, не нарушая душевного равновесия бедной г-жи Дюперье. Вскоре она пожаловалась на то, что свет ореола не дает ей заснуть. Дюперье, пользовавшийся порой этим божественным источником, чтобы почитать Евангелие, не мог отказать супруге в обоснованности ее претензий и начал ощущать острое чувство вины. Наконец некоторые события, весьма печальные по последствиям, довели недомогания г-жи Дюперье до острого нервного кризиса.

Однажды утром по дороге на работу, в нескольких шагах от дома, на улице Габриель, Дюперье встретил похоронную процессию. Как правило, насилуя свою природную вежливость, при встрече со знакомыми он ограничивался прикосновением к шляпе, но при встрече со смертью он не счел возможным уклониться от обнажения головы. Множество торговцев, скучавших на пороге своих лавок, протерли глаза при виде ореола и немедленно объединились для выяснения его происхождения. Когда г-жа Дюперье вышла за покупками, в нее вцепилась вся компания, и, растерявшись, она принялась отрицать все с такой горячностью, которая не могла не показаться подозрительной. В полдень вернувшийся к завтраку муж застал ее в столь возбужденном состоянии, что у него появились опасения за ее рассудок.

— Сейчас же сними нимб! — кри-

чала она. — Снимай его немедленно! Не хочу его больше видеть!

Дюперье в который раз продемонстрировал ей, что не в их власти было от него избавиться, тогда голосившая супруга заявила:

— Если бы ты хоть немного был ко мне привязан и питал хоть каплю чувства, то уж верно нашел бы средство снять его, но ты был и остаешься эгоистом.

Эти слова заставили его задуматься, хотя из осторожности он не подал вида. Новый инцидент на следующий же день еще больше продвинул его в этом направлении. Дюперье никогда не пропускал первой мессы, и с тех пор, как на него снизошла благодать, он слушал ее в соборе Сакре-Кер. Ему поневоле приходилось снимать шляпу, но церковь просторна, и в этот утренний час паства слишком немногочисленна, чтобы незаметно спрятаться за колонной. Но в это утро он, наверное, не проявил должной осмотрительности. По окончании службы у выхода какая-то старая дева бросилась ему в ноги и с криком: «Святой Иосиф! Святой Иосиф!» — целовала полу его пальто.

Не блещущий особыми талантами, святой Иосиф все же отличный святой, но его скромные домашние добродетели, занятие ремеслом, добродушие и снисходительность, кажется, сослужили ему дурную службу. Действительно, есть немало людей, и среди самых набожных, которые, не отдавая себе в том отчета, с наивным сочувствием относятся к его роли в рождестве. Образ добродушного простака еще потому так устойчив, что на него накладывается образ другого Иосифа, уклонившегося от авансов жены Потифара. Г-жа Дюперье и так не была особенно высокого мнения о предполагаемой святости своего мужа, но эта восторженная поклонница, призывающая его громким голосом, окончательно выставила ее на посмешище и дала ей почувствовать всю меру ее стыда. Не помня себя от гнева, она прогнала обожательницу ударами зонтика, а дома разбила не одну стопку тарелок. Потом, придя в себя после истерики, сказала решительно:

— В последний раз я требую, чтобы ты избавился от него. Я знаю, что это в твоих силах. Да ты и сам знаешь.

Он понурил голову, не осмеливаясь спросить, что она замыслила, но жена высказалась до конца:

— Все очень просто. Надо только согрешить.

Дюперье ничего не возразил и удалился с молитвой в спальню.

— Господи, — сказал он, переходя к сути дела, — вы удостоили меня высшей награды, какая может ожидать человека на земле, за исключением мученичества. Благодарю вас, господи, но я женат и делю с женой хлеб испытаний, который вы ниспосылаете мне, как и мед вашей милости. Только так благословляемая небом чета может следовать указанным вами путем. Жена моя воистину не в силах переносить не только вид, но и самую мысль о моем ореоле, и не потому, что это знак благосклонности небес, но просто потому, что это — ореол. Вы же знаете женщин. Если необычное явление не убивает их сразу и наповал, потом все время спотыкаешься об их представления, которые они вбили себе в умишко. Тут ничего нельзя поделать, и проживи моя жена еще сто лет, в созданной ею вселенной все равно не найдется места моему нимбу. Вы, читающий в моей душе, знаете, сколь чужда мне забота о личном благополучии и как мало дорожу я своим спокойствием и домашними шлепанцами. За знак вашего благоизъявления я выстоял бы, не дрогнув, самые бурные семейные сцены. К несчастью, речь идет не о моем личном покое. Жена моя теряет вкус к жизни. Хуже того, я предвижу день, когда из-за ненависти к моему ореолу она проклянет имя того, кем был он мне дан. Могу ли я равнодушно допустить смерть и погибель души подруги, которую вы мне выбрали в спутницы жизни? Я стою сейчас на распутье, и более надежная дорога не кажется мне самой милосердной. Пусть глас высшей справедливости отзовется в моем сердце, эту смиренную молитву я слагаю к вашим пресветлым стопам, о господи.

Едва он закончил молитву, как сердце его тотчас высказалось за путь греха, в котором он усмотрел долг христианского милосердия. Он вернулся в гостиную, где ждала его, скрежеща зубами, супруга.

— Господь справедлив, — сказал он, запустив большие пальцы за проймы жилета. — Он знал, что творил, давая мне нимб. Я заслуживаю его больше, чем кто-либо другой. Таких, как я, теперь и не бывает. Как подумаю о низости человеческого стада и, с другой стороны, о всех совершенствах, заключенных в моей особе, мне хочется плевать в лица прохожим. Бог вознаградил меня, это правда, но если бы еще и церковь думала о справедливости! Разве не пристала мне роль, ну не меньше, чем архиепископа?

Дюперье избрал грех гордыни, позволявший ему, превознося собственные достоинства, восхвалять также бога, отметившего их. Жена быстро поняла, что он решительно начал грешить, и сразу включилась в игру.

— Мой несравненный, — сказала она, — как я горжусь тобой! Да кузен Леопольд со своими машиной и виллой в Везине и мизинца твоего не стоит.

— И я так думаю. Я мог бы разбогатеть не хуже других, и уж больше, чем Леопольд, если бы дал себе труд сделать это. Но я избрал другой путь, и мой успех совсем иного порядка. Его деньги я презираю, как презираю его самого, как презираю все скопище тупиц, не способных оценить величие моего скромного существования. Ибо у них есть глаза, но они меня не видят.

Эти слова, произнесенные через силу и скрепя сердце, стали за несколько дней легким и привычным упражнением, не требующим каких-либо усилий. И таково влияние сказанного на человеческий мозг, что Дюперье сам себе поверил. Его гордыня, в которой не осталось ничего напускного, сделала его невыносимым для окружающих. Но жена его, с тревогой следившая за немеркнущим нимбом, пришла к выводу, что греху ее мужа не хватает убедительности и весомости. Дюперье охотно с ней согласился.

— Истинная правда, — сказал он. — Я-то думал, что чванюсь, а констатировал простую очевидность. Когда, подобно мне, поднимешься на высшую ступень совершенства, слово «гордыня» становится неуместным.

Он не прекратил превозносить свои добродетели, но признал необходимость испробовать себя в ином амплуа. Ему казалось, что из всей гаммы смертных грехов чревоугодие больше других отвечает его намерениям: избавиться от нимба, не слишком компрометируя себя перед небом. Это отношение к чревоугодию укрепилось в нем еще детскими воспоминаниями о легких выговорах, следовавших за излишествами по части варенья и шоколада. Преисполненная надежды супруга принялась готовить ему тонкие блюда, высокие кулинарные качества которых еще подчеркивались их разнообразием. Со стола четы Дюперье не сходили пулярки и паштеты, отварная форель, омары, салаты и фритюры, конфеты и пирожные, а также хорошее вино. Обед длился теперь в два, в три раза, а то и еще дольше прежнего. Вид Дюперье, обвязанного салфеткой, красного, с осовелыми глазами, жующего, проталкивающего филейный кусок или болонскую колбасу добрым глотком клерета, шумно глотающего, обливающегося соусами и муссами и рыгающего в своем ореоле, был зрелищем отвратительным. Вскоре хорошая кухня и обильные обеды пришлись ему по вкусу, и он не раз выговаривал жене за пере-

жаренную баранину или дурно взбитый майонез. Как-то вечером раздраженная его брюзжанием супруга заметила ему сухо:

— Твой нимб не поддается. Похоже, что и он разжирел от моей стряпни. Короче, если я что-нибудь смыслю, чревоугодие — не грех. Его единственный недостаток — в том, что оно дорого стоит, но не понимаю, почему бы мне снова не перевести тебя на овощные супы и макароны.

— Пока что заткнись! — прорычал Дюперье. — Меня на макароны, на овощи? Еще не хватало! Я, кажется, знаю, что делаю! На макароны! Нет, какова наглость! Впадай после этого в грех, чтобы услужить женщине, и вот как вам отплатят! Молчи! Не понимаю, что спасает тебя от хорошей оплеухи.

Один грех влечет за собой другой, и чревоугодие повлекло к злобности, не без помощи гордыни тоже. Дюперье уступил этому новому греху, то ли стараясь для пользы жены, то ли следуя природным наклонностям. Этот человек, известный мягкостью и приветливостью, взрывался в громогласных тирадах, чуть что — бил посуду и, по случаю, не отказывал себе в удовольствии поколотить жену. Приступы гнева у него участились, что не исключало гордыни или чревоугодия. Он грешил теперь в трех ипостасях, и г-жа Дюперье мрачно рассуждала о не знающей границ снисходительности всевышнего.

Но лучшие добродетели могут не увядать в душе, оскверненной грехом. Гордыня, чревоугодие и злобность не изгнали христианского милосердия, Дюперье сохранял высокое представление о своих обязанностях мужчины и супруга. Видя равнодушие неба к его приступам гнева, он начал склоняться к зависти. По правде сказать, зависть и помимо его воли уже поселилась в его сердце. Обильный стол, действующий на печень, и гордыня, обостряющая чувство несправедливости, побуждают лучшего из людей завидовать своему ближнему. Сварливость придала голосу завистника Дюперье злобные нотки. Он принялся завидовать родственникам, друзьям, начальнику, соседним лавочникам и даже звездам спорта и кино, чьи портреты печатали в газетах. Все портило ему настроение, и ему случалось трястись от мелочной злобы при мысли о том, что у соседа есть серебряный нож для разрезания бумаги, а у него самого — обычный роговой. Но нимб сиял, как и прежде. И вместо того, чтобы подивиться этому, он сделал вывод, что грехи его иллюзорны, и приводил неоспоримые доказательства тому, что его чревоугодие не выходит за рамки здорового аппетита, а гнев и зависть свидетельствуют об обостренном чувстве справедливости. Но самым сильным из аргументов оставался, конечно, ореол.

— Я все же думала, что небеса более чувствительны, — говаривала порой его жена. — Если твои обжорство, бахвальство, грубость и недостойные выходки не оскверняют свет твоего ореола, то мне нечего беспокоиться за местечко в раю.

— Заткнись! — отвечал ее холерический муж. — Надоела! Хватит морочить голову! Чтобы святой человек, как я, принужден был погрязть в грехе ради спокойствия их величества, а они еще изволят потешаться!

Его репликам явно не хватало сладостного тона, которого можно было ожидать от человека, отмеченного благодатью. Начав грешить, Дюперье становился вульгарным. Под влиянием обильной пищи лицо его, некогда аскетическое, расплылось. Не только его словарь погрубел, но отяжелели и мысли. Представление о рае, например, сильно видоизменилось в его глазах. Вместо симфонии душ, облаченных в прозрачный целлофан, картина высшего блаженства рисовалась ему теперь в виде обширной трапезной. Г-жа Дюперье отдавала себе отчет в перемене характера своего мужа, и это порождало у нее некоторое беспокойство за будущее. Но перспектива того, что он может скатиться в пропасть, страшила ее меньше, чем его

необычность. Ей уже стало казаться, что лучше иметь в мужьях безбожника, гуляку и сквернослова, как кузен Леопольд, чем такого Дюперье с его нимбом. Во всяком случае, не из-за чего краснеть перед молочницей.

Дюперье не пришлось совершать волевых усилий, чтобы впасть в праздность. Горделивая убежденность, что он выполняет работу, не совместимую с его способностями и заслугами, как и определенная послеобеденная сонливость, расположили его к небрежности. Присущее ему самолюбие, благодаря которому он всегда претендовал на совершенство, в хорошем ли, в дурном ли, быстро обеспечило ему славу непревзойденного лентяя. В тот день, когда терпение хозяина лопнуло и он объявил Дюперье об увольнении, тот выслушал приговор с непокрытой головой.

— Что это у вас на голове? — спросил хозяин.

— Нимб, сударь.

— А! Вот чем вы развлекались вместо работы?

Когда он объявил жене, что остался без места, она спросила его, что он думает делать дальше.

— По-моему, самое время принять грех скупости, — весело ответил Дюперье.

Из всех смертных грехов скупость потребовала от него наибольшего самообладания. Для того, кто не родился скупым, этот порок предоставляет сравнительно мало возможностей, и когда он проистекает не из потребности, а из принятого решения, ничто не отличает его, по крайней мере поначалу, от добродетельной бережливости. Принимая в расчет свою склонность к чревоугодию, Дюперье наложил на себя тяжелые путы и заслужил у соседей и знакомых прочную репутацию скупердяя. Он полюбил деньги ради денег и научился лучше, чем кто-либо иной, извлекать злое удовлетворение, свойственное скупым, которые радуются тому, что придерживают созидательную силу и не дают ей ходу. Подсчитав свои сбережения, плод трудолюбивого доселе существования, он постепенно начал испытывать злорадство от того, что наносит ущерб ближнему, отводя от общего потока животворный ручеек. Этот результат, с великим трудом достигнутый, породил в душе г-жи Дюперье большие надежды. Ее муж так легко поддался притяжению прочих грехов, что бог не должен был особенно сердиться на его покорную и простодушную уступчивость, превратившую его самого в жертву. Но продвижение по стезе скупости, тщательно продуманное и терпеливо осуществляемое, свидетельствовало, без сомнения, о порочном сознании и казалось вызовом небу. Но несмотря на то, что скупость Дюперье позволяла ему опускать в церковную кружку для бедных брючные пуговицы, блеск и густота ореола не уменьшились. Эта новая неудача на несколько дней обескуражила супругов.

Гордец и обжора, гневливый завистник и скупой лентяй, Дюперье продолжал ощущать невинность своей души. А ведь шесть смертных грехов, выпестованных им, были не из тех, в которых с легкой душой исповедуется идущий к первому причастию. Но самый страшный из грехов, сладострастие, отпугивал его. Другие грехи словно бы скрыты от бога. Тут уж как считать: грех или грешок, — все дело в дозе. Но сладострастие — это всецелое согласие с дьявольскими кознями. Соблазны ночи предвосхищают адскую тьму; жар, обжигающий гортань, — языки адского пламени; сладострастные вопли и сведенные тела, это ведь уже омерзительные крики приговоренных и без устали терзаемая вечной пыткой плоть. Дюперье не приберег сладострастие как крайнее средство. Он просто отвергал такую возможность. Даже г-жа Дюперье испытывала в данном случае чувство неловкости. Уже долгие годы супруги жили в восхитительном целомудрии. Поразмыслив, г-жа Дюперье начала сожалеть об этом многолетнем воздержании, так как не сомневалась, что нимб был вознаграждением именно за него. Только сладострастие могло рассеять лилейный свет ореола.

Дюперье долго сопротивлялся уговорам жены, но дал себя все же убедить. В очередной раз чувство

долга пересилило в нем страх. Приняв решение, он ощутил затруднительность ситуации и всю меру своего неведения, но жена, позаботившись обо всем, купила ему возмутительную книгу, в которой на конкретных и ясных примерах преподавались основы сладострастия. По вечерам, до глубокой ночи, этот целомудренный человек, осиянный нимбом, пересказывал супруге затверженную главу из поганого учебника, — зрелище воистину душераздирающее. Частенько его голос дрожал на каком-нибудь особенно непристойном слове. Овладев теоретическим багажом, он еще долго обсуждал, где должен осуществиться грех, в доме или вне дома. Г-жа Дюперье стояла за домашний очаг и выдвигала довод экономии, который не оставил Дюперье бесчувственным, но, взвесив все за и против, он счел предосудительным привлекать к мерзким обрядам жену, так как это может дурно отразиться на ее здоровье. Будучи образцовым супругом, он принял весь риск на себя.

С тех пор большинство ночей Дюперье проходило в гостиницах с дурной репутацией, где он продолжил свое приобщение с помощью профессионалок квартала. Из-за нимба, которого он никак не мог скрыть от этих достойных сожаления подруг, он попадал то в затруднительное, то в выигрышное положение. В первое время, стремясь придерживаться правил, изложенных в учебнике, он предавался сладострастию без большого подъема, но с методичной добросовестностью новичка, разучивающего танцевальное па или балетный номер. Стремление к совершенству, диктуемое честолюбием, вскоре было прискорбным образом вознаграждено определенной известностью, которой он стал пользоваться у девок. Пристрастившись к шалостям, Дюперье считал их слишком накладными, и его скупость чувствительно страдала. Однажды вечером на площади Пигаль он познакомился с двадцатилетним, но уже потерянным созданием, которое звали Мари-Жанник. Говорят, что в честь нее или в связи с ней поэт Морис Фомбер написал эти очаровательные строки:

Вот Мари-Жанник
Из Ландивизьо
Убивает комаров
Новеньким сабо.

Мари-Жанник приехала из своей Бретани за полгода до этого. И теперь она мужественно зарабатывала свой хлеб на бульваре Клиши. На это провинциальное религиозное сердечко нимб Дюперье не мог не произвести сильнейшего впечатления. В глазах Мари-Жанник Дюперье не уступал святому Иву и святому Ронану. Дюперье в свою очередь не замедлил оценить силу своего влияния на Мари-Жанник и не удержался от того, чтобы извлечь из этого практическую пользу.

Сегодня, 22 февраля 1944 года, в самом мраке военной зимы, Мари-Жанник, которой скоро исполнится двадцать пять, продолжает фланировать по бульвару Клиши. Вечером, в час затемнения, между площадью Пигаль и улицей Мучеников, прохожие пугаются, видя плывущий и колеблющийся в ночи светлый круг, подобный кольцу Сатурна. Это увенчанный во славу божию Дюперье, уже не таящийся от посторонних; Дюперье, отмеченный всеми семью смертными грехами, который, испив всю чашу стыда, следит за работой Мари-Жанник, оживляя ее гаснущее рвение пинком в зад, или поджидает ее у двери гостиницы, чтобы сосчитать выручку при свете своего ореола. Но из глубины его нравственного падения, сквозь сумерки сознания порой поднимается к его губам шепот — благодарность всевышнему за абсолютную безвозмездность его даров.

Перевела с французского
Е. ЛИВШИЦ

Этимологические заметки

✦ НИ ПУХА, НИ ПЕРА ✦

Этот оборот речи, бытующий в разговорном языке, выражает пожелание удачи.

«Ни пуха, ни пера!» имеет интересный эквивалент в немецком языке «хальс унд байн брух» — дословно: «сломай себе шею и ноги». Немецкая лексикология указывает, что этот оборот речи характерен для летчиков и возник в первой мировой войне 1914—1918 годов. Однако значительно раньше он существовал в жаргоне альпинистов на юге Германии.

«Ни пуха, ни пера!» — выражение, возникшее в языке русских охотников. Как и немецкий эквивалент и многие подобные формулы пожелания счастья, оно основано на суеверном страхе, что враждебные человеку злые духи превращают все его желания в их противоположность.

Что касается этимологии слов «пух» и «перо», то «пух» в родстве с «пыхтеть», «пухнуть». Первичное значение — «дуновение», «дыхание». Об этом говорит сербское «пухати» — «дуть». «Перо» в родстве с «парить», «папоротник», «прапор» («знамя»), «прапорщик», немецким однозначным «федер» и персидским «перо» — «перо», «крыло».

✦ НИРВАНА ✦

По учению индуизма и буддизма нирвана — состояние отрешенности, слияния с природой, небытия. Санскритское слово «нирвана» означает «исчезновение», «потухание», «угасание».

✦ НОРНЫ ✦

В германской мифологии — норны — богини судьбы. «Норне», древнескандинавское «норн», восходит к «норна» — «сообщать по секрету». Немецкий этимолог Э. Вассерциэр полагает, что может быть родство с немецким «нарр» — «глупец».

✦ НОЧЬ ✦

В сонме греческих богов была и Нюкс — богиня ночи. «Нюкс», латинское «нокс», русское «ночь», немецкое «нахт», английское «найт», литовское «нактис», древнеиндийское «нак», хеттское «некус» — «вечер» — все это, конечно, отпрыски одного корня. Какого? «Нок», отвечают многие этимологи. Но есть и другая трактовка. Слово это сложное — первый корень — звук «н» — отрицание, а вторая часть означает «день», «свет». В древнегреческом — «актис» — «свет», «блеск», «луч», «солнечный луч», «жара» (сравните литовское «нактис» — «ночь»). В «актис» — «свет» выступает корень «ак» — один из древнейших и важнейших, со значениями «действие» (сравните «агитация», «актер», «актив»), «острие» (сравните «актуальность») — «зрение» (сравните русские «око», «очи», латинское «окулус», греческое «опс», отсюда «оптика»).

«ЭУХЕМЕРУ»—20 ЛЕТ

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЗАД Польское общество религиоведения начало издавать двухмесячный журнал, названный по имени древнегреческого философа-материалиста и атеиста «Эухемером». Более ста его книжек, вышедших с тех пор, — это уже целая энциклопедия современной польской марксистской религиоведческой мысли.

Теоретические проблемы религиоведения, история религий всего мира, атеизма и свободомыслия, современная религиозная ситуация в различных странах, социология, психология религии, критический анализ религиозной философии, деятельности современных церковных организаций, информация об успехах марксистского религиоведения в братских социалистических странах — вот только небольшая часть широкого и многообразного круга проблем, постоянно находящихся в центре внимания редакции и авторского коллектива.

Большое место в журнале занимает рецензии на новые книги — не только польские, но и вышедшие в СССР, Венгрии, ГДР, Чехословакии, и Италии, Франции и других странах. Признание специалистов заслужил и библиографический раздел «Эухемера» — кроме добротной текущей библиографии, охватывающей издания более чем на десяти языках, здесь регулярно помещаются и разнообразные тематические обзоры.

Общепризнан вклад «Эухемера» в изучение истории атеизма и свободомыслия. Именно здесь появились сообщения неутомимого следопыта-архивиста Анджея Новицкого, открывшего немало новых страниц в биографиях Джордано Бруно, Лючилио Ванини, Казимира Лыщинского и других корифеев свободной мысли.

Поздравляя коллектив редакции «Эухемера», авторов и читателей этого журнала с его 20-летием, мы хотим познакомить с ним и наших читателей. Предлагаем их вниманию сокращенный перевод статьи бессменного главного редактора «Эухемера», председателя Польского общества религиоведения профессора Анджея Новицкого, посвященной малоисследованному вопросу — истории атеизма и свободомыслия в Португалии («Эухемер», 1975, № 1).

ИЗ ИСТОРИИ АТЕИЗМА И СВОБОДОМЫСЛИЯ В ПОРТУГАЛИИ

Анджей НОВИЦКИЙ

Революция 25 апреля 1974 года, положившая конец 48-летней фашистской диктатуре в Португалии, возбудила живой интерес к этой стране, ее истории и культуре. В таких обстоятельствах я счел возможным, не откладывая дело до всесторонней доработки, поделиться с читателями собранными мною, пока отрывочными, тезисными сведениями, дающими представление об основных направлениях португальской критики религии от позднего средневековья до наших дней.

Для развития португальской культуры огромное значение имело открытие в 1291 году университета в Лиссабоне. Среди его профессоров широкое распространение приобрел аверроизм[1], а одним из ведущих его интерпретаторов в радикально антирелигиозном духе стал Томаш Шкот, подвергшийся за это тюремному заключению. Сильвен Марешаль внес Шкота в свой «Словарь атеистов».

7 июня 1502 года считается днем рождения португальского театра. Его творцом был Жил Висенте (ок. 1465—1536 гг.), автор комедий, высмеивавших фанатизм и косность духовенства. Многие его произведения были внесены в индекс запрещенных католической церковью книг. Висенте выступал также против насильственного обращения в католицизм населения португальских колоний. Только смерть спасла его от кар инквизиции, созданной в Португалии в 1531 году декретом папы Клемента VII.

Жертвами португальской инквизиции стали историк Дамиану ди Гуиш (1501—1572 гг.) — за прогрессивные взгляды и критику духовенства — и поэт Антониу Серрану ди Каштру (1610—1685 гг.), во время заключения написавший сатирическую поэму «Крысы инквизиции».

Одним из первых португальских атеистов был философ и поэт Антониу ди Говейя (ум. в 1566 г.), которого Кальвин назвал в 1550 году — наряду с

[1] Средневековый арабский философ Ибн-Рушд (Аверроэс) отстаивал вечность мира, отрицал бессмертие души, обосновал учение о двойственной истине. Аверроизм жестоко преследовался католической церковью (прим. ред.).

Серветом, Рабле и другими — в числе «величайших безбожников».

Самым выдающимся писателем португальского Возрождения (и единственным португальским поэтом, известным всему миру) был Луиш ди Камоэнс (правильнее Камоинш, 1524—1580 гг.). В его знаменитой поэме «Лузиады» содержится несколько острых выпадов против духовенства. Например, 8-я песнь кончается филиппикой в адрес «служителей алтарей», которые, как и все смертные, «преклоняются перед мощью золота», «разжигают фимиам у ног этого идола». А в 9-й песне Камоэнс клеймит священнослужителей, «которые должны бы любить народ отеческой любовью, но под мантией религии скрывают презренную привязанность к деньгам и почестям».

В 1580 году наступает конец португальскому Ренессансу, страна теряет независимость. 60 лет испанского владычества приводят ее в разорение. Выдающийся португальский философ этого времени Франсишку Санчиш (1551—1632 гг.) большую часть жизни прожил во Франции, в Тулузе, где занимал пост профессора философии и медицины. В опубликованном в 1581 году трактате «О том, что ничто не познаваемо» Санчиш за пять десятилетий до Декарта применил философский метод скептицизма, раньше Бруно и Ванини провозгласил, что «человеческий разум приводит к убеждению о вечности мира». Он писал, что, по мнению «философов и атеистов», ссылка на волю бога — не более чем «убежище невежества» и что многие философы в страхе перед инквизицией вынуждены «скрывать правду, даже если знают ее, и учить фальшивым истинам». Марешаль, внеся Санчиша в свой «Словарь атеистов», отметил, что «его скептицизм плохо согласуется с верой в бога».

С Португалией связаны первые 30 лет жизни великого вольнодумца XVII века Уриэля Акосты (ок. 1585—1640 гг.). Он родился в городе Порту, в 1604—1609 годах учился в университете в Коимбре, свой трактат «О смертности человеческой души» написал на португальском языке.

Говоря об эпохе португальского Просвещения, надо вспомнить прежде всего Себастьяну Жозе ди Карвалью и Мелу графа ди Ореаса, более известного как маркиз ди Помбал (1699—1782 гг.). Он стал премьер-министром Португалии в 1756 году, вскоре после сильнейшего землетрясения, разрушившего Лиссабон. Католические проповедники вещали своей пастве, что это бог таким образом покарал португальцев за их грехи. Особенно усердствовали в этом направлении иезуиты. Однако вопреки усилиям святых отцов для большинства португальцев, особенно для интеллигенции, находившейся под большим влиянием французского Просвещения, эта катастрофа стала аргументом против божьего провидения и вообще против веры в бога. Один из тогдашних португальских рационалистов Франсишку Шавье ди Оливейра написал памфлет-пародию на проповеди иезуитов, в котором землетрясение истолковывалось как божья кара за предрассудки и терпимое отношение к инквизиции. Последняя не осталась в долгу — приговорила Оливейру к смертной казни (правда, заочно: он жил за границей).

Что касается Помбала, то он после землетрясения принял энергичные меры для восстановления разрушенного Лиссабона, и вскоре португальская столица, по свидетельствам современников, стала еще краше, чем до катастрофы. Помбал основал Национальную библиотеку, Музей природоведения, Ботанический сад, астрономическую обсерваторию, физико-техническую лабораторию и естественный факультет в университете в Коимбре. Он также издал закон об уничтожении рабства в Португалии. Однако всемирную славу Помбалу принесло изгнание им иезуитов из страны в 1759 году. Не следует, правда, преувеличивать его прогрессивность. Например, цензура Помбала препятствовала распространению в Португалии произведений Спинозы, Гоббса, Локка, Вольтера, Руссо, Дидро. Он не решился ликвидировать там инквизицию, а хотел подчинить ее государственной власти, сделать великим инквизитором своего брата Паулу. Вольтер и другие философы-просветители критически относились к реформам Помбала, считая, что им двигало не столько стремление к просвещению и прогрессу, сколько желание укрепить абсолютизм. Тем не менее объективно его реформы в известной мере содействовали ослаблению церковного засилья, распространению научных знаний, развитию рационализма и свободомыслия.

В XVIII веке распространял в Португалии эпикурейскую философию в духе Гассенди врач Пина и Проэнса (ум. в 1743 г.). Сотрудничал в «Энциклопедии» Дидро и был сторонником свободы совести профессор анатомии университета в Коимбре (впоследствии врач русской императрицы Екатерины II) Риберу Санчиш (1699—1782 гг.). От преследования инквизиции бежал во Францию Жакуб Родригиш Перейра (1715—1780 гг.), изобретатель системы разговора на пальцах для глухонемых.

В 1778 году был осужден инквизицией за чтение «Кандида» и «Философского словаря» переводчик Вольтера Жозе Анаштасиу да Куна (1744—1787 гг.) — артиллерийский офицер, математик, профессор геометрии университета в Коимбре. В том же году в инквизицию поступил донос на Франсишку Мануэла ду Насименту (1734—1819 гг.), переводившего на португальский Вольтера и Д'Аламбера. Он обвинялся в том, что не верит в божье откровение, во всемирный потоп, и первородный грех, что он атеист, враг бога и короля. Эмиссары инквизиции пришли к Насименту, чтобы арестовать его, но он запер их в своем доме, а сам бежал во Францию.

В 1797 году был арестован инквизицией и заточен в монастырскую тюрьму поэт Мануэл Мария Барбоза ду Бокажи (1766—1805 гг.), горячий сторонник Французской революции, автор «безбожных и кощунственных стихов», из которых особый гнев инквизиторов вызвало стихотворение, высмеивавшее веру в бессмертие души. В том же году за пропаганду идей Французской революции и чтение революционных и атеистических книг был арестован друг Бокажи Андри ди Кинтал да Камара.

В начале XIX века в борьбу против португальского клерикализма вступил Франсишку ди Мелу Франку (1757—1825 гг.), который издал в 1819 году книжку «Царство глупости» и поплатился за это четырьмя годами тюрьмы по приговору инквизиции. Антирелигиозная книга о суевериях другого литератора — Жозе Посидониу Эштрада в 1823 году была внесена в папский индекс запрещенных книг.

В 30-х годах XIX века главой португальских либералов стал министр юстиции Жуакин Антониу ди Агиар, который в 1834 году осуществил ликвидацию монастырей и конфискацию их имуществ (до этого в Португалии было 402 мужских монастыря с семью тысячами монахов и 175 женских монастырей с шестью тысячами монахинь; впрочем, и после этой реформы в стране на каждых 19 мирян приходилось одно духовное лицо).

Самым видным представителем португальского романтизма был Жуан Баптишта да Силва Лейтану, виконт ди Алмейда-Гаррет (1799—1854 гг.). Его первая книга — «Портрет Венеры» — была конфискована. Последующие произведения Алмейда-Гаррет издавал анонимно. Он воспевал «неукротимую вражду к тиранам», клеймил католицизм за союз с тиранией. Церкви поэт противопоставлял «Евангелие свободы», рисовал образ Христа — предводителя бедняков, боровшихся против угнетателей. Римского папу Алмейда-Гаррет называл «хитрой лисой», а духовенство клеймил за корыстолюбие, продажность, цинизм, невежество, враждебность просвещению и науке.

В 1854—1859 годах вышла трехтомная «История инквизиции в Португалии» известного историка и романиста Алешандри Эркулану ди Карвалью и Араужу (1810—1877 гг.), убежденного противника клерикализма, показавшего в этой книге пагубную роль инквизиции в истории португальского народа. Его же перу принадлежит антиклерикальная брошюра «Я и духовенство», попавшая в индекс запрещенных книг, как и его книжка в защиту гражданского брака.

«Португальским Бальзаком» называют историки литературы Камилу Каштелу Бранку (1825—1890 гг.) — автора 262 томов романов, драм, стихотворений, исторических, литературоведческих статей и переводов. Его взгляд на религию эволюционировал от экзальтированной набожности до атеизма. Молодой Бранку начинал с изучения теологии в духовной семинарии, но вскоре ее оставил. «Я изучал теологию, чтобы познать бога, но именно изучение теологии — самый прямой путь к утрате веры в бога», — к такому выводу пришел несостоявшийся богослов. «Нас призывают верить, что бог вездесущ, — говорил он, — но бога нет ни в одном из известных мест, и уж наверняка он не присутствует в мыслях богословов и в совести судей». В повести «Карлота Анжела» персонаж, выражающий взгляды автора, говорит: «Нет справедливости на земле, как нет провидения на небе. Если бог существует, то его бездеятельность перед лицом наших жестоких страданий ничем не отличается от безразличия, бессилия и ничтожности». Каштелу Бранку прямо заявил, что не верит в бога.

В 60-х годах центром прогрессивной мысли в Португалии стала «коимбрская школа» — группа молодежи из университета в Коимбре, в составе которой были гегельянцы, позитивисты, утопические социалисты и революционные демократы. Один из участников этого кружка — Антеру ди Кинтал, внук уже упоминавшегося Андри ди Кинтала — в 1871 году подготовил «Манифест демократических конференций». Они ставили своей целью вывести Португалию из состояния изоляции, активизировать ее идейные и культурные связи с Европой, открыть дорогу новым научным и философским идеям, содействовать экономическому и социальному прогрессу португальского общества. «Демократические конференции» начались лекцией Кинтала о причинах упадка народов, населяющих Пиренейский полуостров. Затем последовали доклады о португальской литературе того времени, о реализме в искусстве. В лекции Адолфу Целу «Вопросы просвещения» была подвергнута острой критике португальская школьная система, провозглашено требование светской школы. Очередную лекцию — о Штраусе и Ренане, об их книгах о Иисусе Христе — должен был прочесть Салуману Сарага, но вмешались церковь и власти, и проведение «демократических конференций» было запрещено.

Однако начатое ими дело не прекратилось. Выдающийся португальский лирик Антеру ди Кинтал сделал свою поэзию оружием революционной борьбы, называл себя учеником Маркса, издал брошюру, разъясняющую программу I Интернационала, и стал одним из создателей его португальской секции. Революционный демократизм Кинтала сочетался с воинствующим атеизмом и антиклерикализмом. Его «Современные оды» (1865 г.) были направлены против крупной буржуазии, церкви, «иллюзорных и ненужных религий». Атеизмом проникнут «Гимн к свету» (1865 г.) — «свету Солнца, свету Разума». В том же году Кинтал издал антиклерикальный памфлет «В защиту от либералов энциклики его святейшества папы Пия IX».

В то же время Кинтал с симпатией относился к образу Христа, считал его предшественником социалистов, а социализм называл «Евангелием социального равенства». Революционно-демократический период в жизни и творчестве Кинтала сменился в середине 70-х годов глубоким пессимизмом. Свою жизнь поэт кончил самоубийством.

В отличие от Кинтала, его товарищ по «коимбрской школе» Оливейра Мартинш (1845—1894 гг.) эволюционировал в направлении «государственного социализма» — социализма реформистского, нереволюционного, осуществляемого государственной властью. Концепция Мартинша, изложенная в «Теории социализма» (1872 г.) и в других работах, столь непоследовательна и противоречива, что ею пользовались даже сторонники салазаровской диктатуры. В то же время Мартинш был непримиримым противником колониализма и клерикализма. Занимался он и религиоведением, в 1882 году издал книгу «Система религиозных мифов».

В 80-х годах доминирующее положение в португальской философии занял позитивизм. Главный его представитель — Теофилу Брага (1843—1924 гг.), видный историк португальской культуры, первый президент провозглашенной в 1910 году республики. Его «Общие черты позитивной философии» (1877 г.) и другие работы имеют ясно выраженный антиклерикальный и атеистический характер.

Из «коимбрской школы» вышел и знаменитый романист Жозе Мария Эса ди Кейруш (1845—1900 гг.), автор переведенного на многие языки романа «Преступление падре Амару» [2]. Этот роман, убедительно показавший, что религия в корне противоречит человеческому естеству, стал одним из высших достижений португальского критического реализма.

Наряду с Кинталом можно назвать и других видных деятелей революционной поэзии. Это Антониу Дуарти Гомиш Леал (1848—1921 гг.), который в поэме «Антихрист» (1884 г.) показал «человека, освободившегося благодаря науке от ошибочных взглядов и предрассудков». Гилерми Брага (1845—1876 гг.) был автором антииезуитских произведений «Фальшивые апостолы» (1871 г.) и «Епископ» (1874 г.). Абилиу Мануэл ди Герра Жункейру (1850—1923 гг.), которого историки называют защитником атеистического рационализма, в поэме «Смерть Дон Жуана» (1874 г.) представил знаменитого обольстителя атеистом, а Иегову — символом тирании, противоречащей законам природы, разума и свободы. Вершина атеизма Жункейру —

[2] В переводе на русский язык издавался в 1935 и 1970 годах (прим. ред.).

его поэма «Старость Отца бессмертного» (1885 г.). В поэме «Родина» (1896 г.) он подверг уничтожающей критике монархию и церковь. Считают, что поэма оказала определенное влияние на свержение короля, установление республики и на ее антиклерикальные мероприятия: в школах было отменено преподавание закона божьего, закрыты теологические факультеты в университетах, а в апреле 1911 года церковь отделена от государства.

Определенный вклад в критику религии и церкви внесли и португальские символисты конца XIX — начала XX века. Один из основателей этого направления Раул Брандану (1872—1930 гг.) писал: «Бога никогда не было в стенах церкви, никогда не обитал он и в Ватиканском дворце... Бог пребывает в убогих жилищах бедняков», — и предупреждал: «Но кто сможет сдержать страшный и справедливый гнев народа, когда он поймет, что столетиями его обманывали и обирали, что он молился тени, взывал к пустоте и пытался своими слезами растрогать ничто». В драме «Призрак» Брандану показывает фанатичку, которая всю жизнь служила богу и церкви, отравляя своей нетерпимостью жизнь окружающим. Только на смертном одре осознает она трагедию своей загубленной жизни. В 1927 году Брандану вместе с Тейшейрой ди Пашкуишем написал драму «Иисус Христос в Лиссабоне». В ней сын божий попадает в современную столицу Португалии, но рабочие враждебно относятся к его проповедям, пролетариат не хочет слышать о боге.

Тейшейра ди Пашкуиш (1877—1952 гг) считал, что поэзия и религия несовместимы, взаимно исключают друг друга. «Меня крайне интересуют стихотворения, сочиненные священнослужителями, — писал он, — они мне напоминают узников, которые пытаются выломать тюремную решетку». Поэзия, по его определению, — «вечная грешница», и слуга бога, который пишет стихи, помимо своей воли становится еретиком. В поэтическом представлении Пашкуиша великими еретиками были пророк Исайя, Иоанн Креститель, святой Франциск Ассизский, святая Тереза и даже... Иисус Христос: он и распят был за еретичество. Многочисленные «биографии», написанные Пашкуишем, — святого Павла (1934 г.), святого Иеронима (1936 г.), Наполеона (1940 г.), святого Августина (1945 г.) и другие — в значительной мере плоды поэтического вымысла, автор решал в них те проблемы, которые его волновали. Например, Наполеон был для него современным Антихристом, а святой Августин — примером раздвоения души между верой в бога и атеизмом. В мировоззрении Пашкуиша заметны элементы иррационализма.

Закончим наш краткий обзор выдающимся представителем современного португальского неореализма Жозе Марией Феррейрой ди Каштру (род. в 1898 г.). Его повесть «Миссия» (1954 г.) рассказывает о французском священнике Мунье, который свой долг видит в служении людям. Вот характерный эпизод: Мунье получает приказ от церковного начальства — сделать на крыше надпись, что это здание миссии (действие происходит во время второй мировой войны). Мунье воспринимает этот приказ как надругательство над христианскими принципами: это сигнал гитлеровским летчикам, указывающий, что бомбы надо бросать на другие объекты, в частности на фабрику, где трудятся сотни рабочих. Другие же священники свободны от подобной щепетильности, и Мунье приходит к решению оставить духовное поприще. Если принадлежность к клиру, рассуждает он, дает привилегию отчуждения от других людей, то посвятить себя духовной карьере было бы бессмысленной жертвой. Ведь не для того он принял священство и обет безбрачия, чтобы получить привилегии, а для того, чтобы посвятить жизнь служению людям. А служить им можно и будучи мирянином. Тем более, что «когда мы начинаем принимать близко к сердцу судьбы людей здесь, на земле, и видим ту несправедливость, которую они здесь терпят, — это уже признак, что пошатнулась наша уверенность в том, будто страдания в здешнем мире — цена загробного блаженства. И наоборот: чем только мы начинаем сомневаться — проникаемся большим сочувствием к людям и большей солидарностью с ними».

Если у поэтов-символистов преобладали нотки пессимизма, то у героя Феррейры ди Каштру мы видим перспективу активного действия, имеющего целью изменение социальной действительности.

В заключение — несколько почерпнутых из португальской прессы социологических данных примерно десятилетней давности, характеризующих религиозность в этой стране. В ее приморских районах количество регулярно посещающих церкви и соблюдающих религиозные обряды колеблется от 34 до 46 процентов, в то время как в глубине страны таких едва наберется 10 процентов. В Лиссабоне этот показатель достигает 17,9 процента, а в столичной провинции — 16,7 процента. В епархии Бежа по воскресеньям посещают церкви всего 2,7 процента прихожан, а 25 процентов заявили во время социологических опросов, что не принадлежат ни к какой религии. Интересно, как развивается процесс распространения неверия в Португалии после революции 25 апреля 1974 года?

Встреча с секретарем ЦК ПОРП

В Варшаве состоялось расширенное заседание президиума правления Польского Общества распространения светской культуры (ОРСК), в котором принял участие кандидат в члены Политбюро Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, секретарь ЦК ПОРП товарищ Ежи Лукашевич.

Обсуждалось участие ОРСК в укреплении морально-политического единства польского общества, в формировании материалистического мировоззрения.

Председатель ОРСК профессор Тадеуш Ярошевский, генеральный секретарь Веслава Круль и другие выступившие на заседании говорили о растущем влиянии ОРСК на благотворные перемены в общественном сознании трудящихся и о задачах по дальнейшей активизации этой массовой организации.

Товарищ Ежи Лукашевич свое выступление посвятил актуальным проблемам социально-экономического развития страны и задачам общественных идеологических организаций, одной из которых является и Общество распространения светской культуры, в популяризации социалистических духовных ценностей, выработке у граждан Народной Польши активной жизненной позиции, что должно содействовать динамическому развитию страны по пути социализма.

Ю. РУСАНОВ,
А. ТРУШИН

ЧИЛИ: ХУНТА И ЦЕРКОВЬ

Небольшое, красноватого цвета здание в одном из рабочих кварталов на окраине Сантьяго карабинеры окружили на рассвете. Жители близлежащих домов в испуге просыпались от топота тяжелых солдатских башмаков, громких отрывистых команд, лязга затворов. Через несколько минут на приземистом грузовике подоспело подкрепление. Операцией руководил сам начальник политической полиции Чили — Национального разведывательного управления (НРУ)...

Этот эпизод, имевший место в начале ноября 1975 года, мог пройти незамеченным — в стране почти каждый день происходят подобные облавы. Но на сей раз дело приобрело широкую огласку. Оказывается, этим ноябрьским утром полиция в поисках «экстремистов» пыталась проникнуть в помещение Комитета сотрудничества ради достижения мира в Чили, созданного по инициативе главы чилийской католической церкви кардинала Рауля-Сильвы Энрикеса. Нападение полиции на помещение церковного комитета вызвало резкий протест в стране. Против незаконных действий властей выступило не только католическое духовенство, но и представители других культов.

Всего через месяц после описанного погрома военная хунта запретила католикам совершить в «день богородицы» традиционное паломничество к собору Майпу в 20 километрах от Сантьяго, мотивировав свое решение тем, что религиозным шествием могут воспользоваться «левые агитаторы». Среди священнослужителей и католического населения, которое по переписи 1970 года составляет 80 процентов из 10 миллионов жителей страны, запрет хунты вызвал острое недовольство и протесты. Зарубежная пресса громко заговорила о конфликте между католической церковью и властями. Глава хунты генерал Пиночет и кардинал Рауль-Сильва Энрикес публично выступили с взаимными обвинениями. Выступление главаря хунты послужило сигналом к газетной травле тех священников, чьи взгляды и настроения расходились с концепциями пришедших к власти фашистов.

Что же случилось с церковью в этой католической стране? Носят ли разногласия между нею и хунтой случайный, поверхностный характер, или же речь идет о более серьезных и глубоких вещах?

После того как военно-фашистская хунта Пиночета и его подручные, осуществив преступный государственный переворот, свергнув законное правительство Народного единства и варварски расправившись с избранным волею большинства чилийцев президентом республики Сальвадором Альенде, захватила власть в этой латиноамериканской стране, отношения между нею и католической церковью Чили никогда не отличались ни особым добрососедством, ни тем более сердечностью. Можно без преувеличения сказать, что, сколько бы нынешние чилийские правители ни выступали с заявлениями о том, что, мол, в этой области у властей нет никаких проблем, ни одно из них не выдерживает критики и опровергается на каждом шагу как чилийской действительностью, так и самой католической церковью и ее руководством. Эти проблемы возникли с первых шагов хунты, отмеченных кровавыми злодеяниями, расправами, репрессиями и пытками; они не только не были урегулированы за прошедший период, но, напротив, еще больше обострились и ныне достигли взрывоопасного уровня.

Весьма красноречиво и недвусмысленно звучит в этой связи заявление генерального секретаря епископской конференции епископа Карлоса Камю, сделанное им в октябре 1975 года представителям иностранной печати; в этом заявлении говорилось, что «церковь защищает любого человека, какой бы ни была его политическая идеология», и что этот вопрос остается основным пунктом ее разногласий с военным правительством.

Эти, мягко выражаясь, «натянутые» отношения между духовенством и военной хунтой особенно обострились с середины 1975 года, когда резко активизировалась кампания, проводимая проправительственными силами против главы чилийской католической церкви кардинала Рауля-Сильвы Энрикеса. Поводом для нее послужили его неизменные выступления в защиту лиц, подвергшихся репрессиям, в частности то из них, в котором он полностью поддержал заявление Комитета сотрудничества ради достижения мира в Чили по делу 119 «исчезнувших» чилийцев. Власти утверждали, будто они погибли за пределами страны, комитет же заявлял, что их арестовала пиночетовская охранка.

В августе 1975 года во время мессы в главном соборе Сантьяго около 5000 верующих потребовали от властей ответа о судьбе арестованных. Рупор военного режима газета «Меркурио», пытаясь вывести хунту из-под удара, поспешила заверить, будто месса была посвящена памяти погибших. Однако служивший ее епископ Энрике-Альвеар Уррутиа направил в газету письмо, в котором разъяснил, что собравшиеся в соборе молились о «выяснении участи этих пропавших лиц теми, кто обязан это сделать».

Священники неоднократно и открыто резко критиковали безработицу и крайнюю нищету в стране вообще и среди чилийских крестьян, в частности. «Экономический кризис, охвативший всю страну, — заявили, например, три епископа, чьи епархии расположены в основной аграрной зоне Чили, — особенно сильно бьет по крестьянской семье; малообеспеченным крестьянам не выдаются кредиты для удовлетворения самых необходимых потребностей... Крайняя нужда во многих семьях не позволяет большому числу крестьянских детей продолжать учебу».

В сентябре 1975 года епископская конференция Чили поручила своему генеральному секретарю епископу Карлосу Камю прочитать проповедь с призывом покончить «с ненавистью, несправедливостью, насилием и реваншизмом». Церковь решительно выступила против нищеты, безработицы, арестов и пыток. Однако официальный представитель хунты нагло заявил по этому поводу, что резолюции и проповеди священников — всего лишь «мелодраматические сетования».

Не только чилийцы, но и весь мир знает, что фашистская хунта Пиночета правит в атмосфере беззакония и произвола, разнузданного террора и массовых репрессий. «Кошмар Чили», «Хунта — синоним смерти»,

«Необъявленная война против собственного народа» — такие и подобные им заголовки не сходят со страниц зарубежной печати, объективно отражая суть происходящего в этой многострадальной латиноамериканской стране. Можно с уверенностью сказать, что не найдется ни одной демократической международной или национальной организации, которая бы не выступила в поддержку чилийских трудящихся, не заклеймила позором преступления фашистской хунты.

Беда пришла в каждый чилийский дом. В этой стране осталось мало семей, которые так или иначе не пострадали бы от репрессий. Вряд ли можно найти семью, в которой бы не было пропавших без вести, уволенных с работы, брошенных в тюрьму, изгнанных или бежавших из страны. Десятки тысяч патриотов томятся в тюрьмах и концентрационных лагерях Писагуа, «Трес аламос», на мрачном острове Досон. Многие из них «пропали без вести», а что значит эта формулировка на языке фашистов — давно известно всему миру.

Не менее удручает и экономический хаос, в который хунта ввергла страну. Самая тяжелая в ее истории депрессия — так характеризует современное экономическое положение Чили американский журнал «Бизнес уик». В одной из своих редакционных статей он отмечал, что чилийские предприятия работают на мизерную долю своей мощности. Безработица, достигающая в национальном масштабе более 16 процентов, по крайней мере еще вдвое больше в бедных районах Сантьяго. Но даже те, у кого есть работа, вынуждены жить впроголодь, так как стоимость жизни стремительно растет. По данным лондонского еженедельника «Санди таймс мэгэзин», после прихода хунты к власти цены на хлеб возросли в 130 раз, а на сахар — в 160. В рабочих районах Сантьяго 80 процентов детей страдают от недоедания. Рабочему приходится трудиться 49 часов, чтобы заплатить за обед, в котором присутствовал бы кусок мяса. Девять часов труда стоит тарелка лапши.

Могла ли чилийская церковь пройти мимо той пропасти, куда толкала страну и ее жителей военно-фашистская диктатура? Конечно, нет! В своем абсолютном большинстве рядовые священники не могли безучастно взирать на страдания и горе своих прихожан. Комитет сотрудничества ради достижения мира в Чили, созданный представителями различных конфессий для оказания юридической и социальной помощи заключенным и их семьям, на свои средства стал срочно организовывать столовые для бедняков, бесплатные медицинские пункты.

Но и это не понравилось Пиночету. Официальная пресса с его ведома и согласия обвинила этот комитет в распространении «марксизма» и «укрывательстве экстремистов». От угроз в его адрес власти стали все чаще переходить к прямым враждебным акциям.

Была арестована сотрудница Комитета Хеорхина-Аурора Оскаранса Муньос, брошенная агентами НРУ в концлагерь «Трес аламос». Несмотря на беременность, ее подвергли физическим и психическим пыткам. В октябре 1975 года хунта запретила возвращение в страну лютеранского епископа гражданина ФРГ Хельмута Френца, обвинив его в «серьезном подрыве безопасности и общественного спокойствия». Одновременно было арестовано несколько лютеранских пасторов и членов их семей в городе Антофагаста.

В стране началась самая настоящая «охота на священников». Хунта преследовала многих из них за малейшее инакомыслие, за любое слово, сказанное против властей. По сообщениям информационных агентств, в обстановке полной секретности в ноябре 1975 года проходил судебный процесс по делу ряда священников, которым вынесено традиционное обвинение в «укрывательстве экстремистов». Многих падре выслали из страны, что также вызвало протесты епископата. Военные власти запретили газетам сообщать что-либо о судебных процессах против монахов и пастырей. Основной мишенью агентов чилийской охранки стали все те, кто был связан с церковным Комитетом сотрудничества, а вскоре и сам Комитет. А после описанного нападения на его помещение в ноябре 1975 года Пиночет и вовсе запретил деятельность Комитета.

В ответ на это кардинал Энрикес и другие иерархи отвергли обвинения хунты в том, что Комитет был одним из источников разногласий между церковью и правительством, а его члены будто бы «служили марксизму». Они заявили, что будут и впредь продолжать защищать права человека. Вместо разогнанного Комитета католическая церковь создала «Викариат солидарности», призванный добиваться освобождения политических заключенных. В прошлом году в Риме вышла подготовленная им «Белая книга» чилийских католиков, рассказывающая о преступлениях пиночетовской хунты.

Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что не так уж все гладко в отношениях между чилийскими правителями и католической церковью. Никого не могут обмануть истошные вопли фашистской пропаганды, пытающейся представить дело так, будто имевшие место конфликты были вызваны «необдуманными действиями нескольких человек», связанных с «экстремистами». Не менее голословно и другое обвинение хунты в адрес церкви — будто та является чуть ли не главным «рассадником марксизма» в Чили.

Здесь представляется уместным несколько подробнее остановиться и на взаимоотношениях между хунтой и христианско-демократической партией, всегда отождествлявшей себя и свою деятельность с широкими католическими массами страны.

Ни для кого не секрет, что Пиночет и его клика вряд ли решились бы на кровопролитный переворот, не поддержи их внешняя и внутренняя реакция. Внутри страны мятежники рассчитывали прежде всего на те круги, которые всячески противились социально-экономическим преобразованиям правительства Народного единства. Среди этих кругов немаловажную роль играло правое крыло христианских демократов во главе с бывшим президентом Эдуардо Фреем Монтальвой[1].

Позиция Фрея была до предела простой. Он лелеял надежду, что хунта не удержится долго у власти и уступит место «демократическим силам», то есть ему самому. Но Пиночет, пробравшись по трупам к президентскому креслу, ни с кем не собирался его делить. В порыве откровенности он даже заявил однажды журналистам, что намерен править страной исто лет». Более того, укрепившись у власти, хунта постепенно стала убирать с дороги и тех, кто помогал ей совершить переворот, и тех, кто, по мнению Пиночета, мог претендовать на власть.

Спустя год после переворота из Чили был выслан бывший председатель христианско-демократической партии Ренан Фуэнтеальба. В приказе хунты его высылка объяснялась тем, что он якобы выступил с заявлениями, подрывавшими «внутренний мир». Это был первый приказ подобного рода, ставивший вне закона руководителя политической партии, которая открыто поддержала военный мятеж. По иронии судьбы эта высылка последовала всего через два дня после того,

---

[1] Более подробно об этом см. в статье И. Григулевича «Революция» господина Фрея». «Наука и религия», 1974, № 1.

как кардинал Энрикес призвал превратить Чили в дом, где бы нашлось место каждому.

Репрессии, обрушившиеся как на противников, так и на бывших сторонников хунты, коснулись и многих рядовых христианских демократов. Это очень скоро привело к тому, что большинство членов этой партии стало переходить на позиции, не совпадающие с позициями преступной военной клики. В этой ситуации руководству христианских демократов не оставалось ничего иного, как открыто заявить о своем несогласии с «некоторыми» проводимыми правительством мероприятиями. Лидер партии Фрей неоднократно и весьма сурово публично отзывался об экономической политике хунты, в то же время всячески замалчивая нарушения прав человека, пытки, лагеря, исчезновения людей. Кстати, даже для такой однобокой и довольно робкой критики ему потребовалось два с лишним года кровавой фашистской диктатуры. И все же главное в другом: христианские демократы уже далеки от безоговорочной поддержки хунты.

Итак, как высшее, так и низшее католическое духовенство в Чили встало не на сторону преступной военщины, ввергнувшей страну в атмосферу страха и насилия, а на сторону всех обездоленных чилийцев, всех тех, кто выступает за справедливость и демократию. Разумеется, у чилийской церкви свои, специфические формы участия в повседневной жизни общества, свои методы деятельности, было бы нелепо мерить их теми же мерками, что и действия других антифашистских сил. Это и организация столовых для бедняков и голодных детей, и выступления в защиту прав человека, и посильная помощь тем, кто вынужден скрываться от преследований хунты. И хотя все это не может существенно изменить положение, в котором оказалась страна после переворота, тем не менее большинство чилийского духовенства вносит свой вклад в дело освобождения народа от фашистского мракобесия.

Ныне в Чили происходит консолидация всех антифашистских сил. Растет международная изоляция военной хунты, ширится поддержка, которую оказывают борьбе чилийского народа прогрессивные силы всего мира. В этих условиях перед различными социальными категориями и слоями чилийского общества со всей остротой встает необходимость сделать выбор: встать на сторону народа и бороться за его освобождение или повернуться к нему спиной. Многие чилийские священники свой выбор уже сделали.

Обстановка, сложившаяся ныне в Чили и некоторых других странах, где власть узурпирована военно-фашистскими кликами, лишний раз подтверждает мудрость и прозорливость проникнутого ленинским духом вывода Конференции коммунистических и рабочих партий Европы (Берлин, 29—30 июня 1976 г.) о важной роли, какую играют в борьбе за демократические права и мир «все более широкие католические силы, представители иных христианских религиозных общин и верующие других вероисповеданий» [2].

---

[2] «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы». М., 1976, стр. 33.

Тибор ГАЛЕЧКА,
доцент, заведующий кафедрой философии и научного атеизма философского факультета Кошицкого университета имени П. Й. Шафарика

ПРОТИВ РЕВИЗИИ НАУЧНОГО АТЕИЗМА

В 60-х годах ревизионизм в ЧССР развивался в тесной связи с международными ревизионистскими течениями. Но есть у него и своя специфика, критический анализ которой не только необходим самим чехословацким коммунистам, но и представляет интерес для братских марксистских партий.

Преобладающим методом извращения принципов марксистско-ленинского атеизма в нашей республике в 60-е годы был антропологический ревизионизм. Продолжая линию Р. Гароди, он развивался через идеологический компромисс с богословской концепцией диалога в особое течение теологизирующего ревизионизма.

Для этого направления, особенно в публикациях чехословацких философов-ревизионистов В. Гардавского и М. Маховца, характерно некритическое заимствование некоторых положений так называемого «религиозного социализма».

Отрицание материалистической диалектики — общая черта всякого, в том числе и теологизирующего ревизионизма, который от кокетничанья с идеалистической диалектикой перешел к «очищению» диалектики от материализма.

В этом отношении типично откровенное саморазоблачение Гардавского, заявившего, что «марксизм... пока он является материализмом, хотя и диалектическим, несет в себе дуализм» [1]. Поэтому он требует, чтобы марксизм отказался от материализма. В новой обстановке, по его мнению, для марксизма уже недостаточно исходить из «закона единства и борьбы противоположностей, потому что уровень межчеловеческих отношений перешагнул сферу, в которой этот закон действует».

Здесь прямо выражено общее для ревизионизма игнорирование классового разделения в современном мире. Кроме того, в согласии с тенденцией югославской ревизионистской группы «Праксис» Гардавский толкует диалектику только как субъективную форму восприятия действительности, а не как отражение объективной диалектики материального мира.

Именно в подмене материалистической диалектики абстрактно-мета-

---

Сокращенный текст доклада, прочитанного в конце 1975 года в Москве на симпозиуме ученых социалистических стран «Атеизм и религия в современной борьбе идей». Полностью доклад будет напечатан в 21-м выпуске «Вопросов научного атеизма» (*п р и м. р е д.*).

[1] Здесь и ниже высказывания В. Гардавского цитируются по его брошюрам: V. Gardavsky. Nadeje ze skepse. Praha, 1969; KSCS a nabozenstvo. Bratislava, 1968; Buh neni zcela mrtev. Praha, 1970.

физическими «принципами», точнее иллюзиями, христианского гуманизма теологизирующий ревизионизм выявил свою специфику и идейные цели. Теологизирующие ревизионисты приняли богословскую концепцию «диалога» и развивали его не как форму идейно-политической деятельности, направленной на преобразование мировоззрения и практической политической ориентации верующих трудящихся, а как дискуссию философско-теологической «элиты».

Идя еще дальше, они, по существу, солидаризировались с известным тезисом клерикального антикоммунизма, будто противоположность между религией и атеизмом является основным противоречием современного мира, от решения которого якобы зависит разрешение всех остальных проблем и конфликтов. Одновременно ревизионисты такого рода рассматривали диалог как основную форму разрешения этих противоречий. Маховец даже объявил диалог методом созревания индивида, «немистифицированной атеистической формой молитвы»[2] и в числе препятствий к такому «диалогу» назвал существование «принципа государства».

Впрочем, его единомышленник Гардавский в 1968 году пошел еще дальше. Как откровенный представитель правого оппортунизма он пропагандировал «диалог», в котором, «если он ведется демократически и гуманистически, нет «победителей» и «побежденных».

Стремясь лишить марксистский атеизм его идеологической функции, Гардавский утверждал, что партия не может видеть цель диалога в том, чтобы сделать из «верующих неверующих и из неверующих марксистов». Цель эта, по мнению теологизирующих ревизионистов, заключается в том, чтобы «обогащать» марксизм христианскими ценностями.

Конечно, идеологические противоречия отражают экономические и политические противоречия современного мира. Но всякая попытка разрешить их путем идеологического компромисса представляет собой переход на буржуазные классовые позиции. Это полностью подтверждает эволюция взглядов Гардавского, который в попытках развить свою концепцию «всеобщей любви» и «закон диалогического креационизма»[3] докатился до заявления, что «марксистская партия должна отказаться от власти... в пользу всех, кто полностью осознал значение звания «человека».

О том, что эти взгляды нельзя считать только утопией и заблуждением чисто философского плана, свидетельствует, в частности, отношение теологизирующих ревизионистов к ленинизму. Ревизионизм в ЧССР развивал именно те идеи Масарика[4], в которых проявлялось антикоммунистическое и антисоветское содержание, а большевизм трактовался как исключительно русское явление и искажение марксизма. Эту буржуазно-националистическую линию отрицания международного значения ленинизма и откровенных атак на него теологизирующий ревизионизм применил у нас в 60-х годах к вопросам теории марксистского атеизма.

Так, признавая определенное значение ленинского атеистического наследия для «русских условий», Гардавский, в частности, игнорирует общетеоретический вклад Ленина в развитие марксистского атеизма, утверждая, будто Ленин стоял на позициях просветительского атеизма. Общеизвестно, однако, что Ленин критиковал не только грубые формы религии, но прежде всего самые утонченные формы фидеизма, модернистское богоискательство и богостроительство, разработал метод гносеологической и методологической критики идеализма и религиозной философии.

Грубую ревизионистскую фальсификацию представляет также и замалчивание того факта, что Ленин проводил строгое различие между атеизмом «третьеклассного» материализма и атеизмом диалектического и исторического материализма и что в связи с анализом социальных, психологических, исторических и гносеологических корней религии он разработал принципы ее преодоления, которые не только противоположны просветительскому атеизму, но и прямо несовместимы с его односторонностью.

Обходят ревизионисты и идею Ленина о подчинении борьбы с религией задачам классовой борьбы против капитализма. Гардавский атакует учение Ленина и его международное значение также путем фальсификации истории ЧССР, утверждая, будто в условиях нашей республики политический клерикализм не представлял такой опасности, как в царской России, и требует, чтобы партия прекратила борьбу с политическим клерикализмом как несовместимую с марксизмом. Таким образом, Гардавский не только замалчивает, что Ленин строго критиковал и отвергал буржуазный антиклерикализм, но и обходит то важное обстоятельство, что политический клерикализм в Чехословакии развивался даже в клерикально-фашистской форме и что после 1945 года носительницей клерикального антикоммунизма выступала, в частности, и «демократическая» партия Словакии. Таким образом, попытки теологизирующего ревизионизма развивать марксизм без ленинизма в конечном счете приводит к антикоммунизму.

Но и это еще не все. Теологизирующие ревизионисты начали «исправлять» марксистско-ленинский атеизм таким образом, чтобы буржуазная модернистская теология могла найти в нем «эсхатологическое измерение» и представить его формой религии. В своей фальсификации марксистского атеизма Гардавский зашел настолько далеко, что предлагал рассматривать атеизм как «метафизику марксизма». Подобные взгляды пропагандировал и согласные с ним также Й. Граничка и другие ревизионисты.

Эта точка зрения Гардавского и других теологизирующих ревизионистов не случайна. Ревизионизм выдвигает требование свободы «дополнять» марксизм любыми идеями буржуазной философии и теологии, таким образом постепенно разлагая его структуру и ликвидируя его сущность. Гардавскому, например, на основе такой точки зрения представлялось возможным оценивать как марксиста любого буржуазного, мелкобуржуазного или теологического марксолога. Он даже призывал «возродить» марксизм с помощью «монизма ветхозаветного мифа». Договариваясь до теологического утверждения, будто марксистская теория человека и историзма исходит из Библии, Гардавский требует, чтобы марксист-атеист задал себе вопрос: «Что смогу я как марксистский атеист вложить в эту книгу, чтобы умножить ее ценность для будущих поколений». Что же в таком случае он хочет в действительности развивать — марксизм или Библию?

---

[2] Здесь и ниже высказывания М. Маховца цитируются по кн.: M. Machovec. Smysl lidskeho zivota. Praha, 1965.

[3] Фидеистическая концепция, трактующая многообразие форм органического мира как акт божественного творения. В интерпретации же Гардавского изобретенный им «закон диалогического креационизма» есть взаимотворчество людей на основе общей любви, которая «ликвидирует природную закономерность и причинность». Кстати, этим своим «законом» он предлагал заменить одно из важнейших положений марксистского диалектического и исторического материализма — закон единства и борьбы противоположностей.

[4] Томаш Масарик (1850—1937 гг.) — буржуазный либерал и философ-позитивист. С конца прошлого века систематически выступал против марксизма и революционного рабочего движения. Один из организаторов белогвардейского мятежа чехословацкого корпуса в 1918 г. Будучи много лет президентом Чехословакии, проводил антикоммунистическую, проимпериалистическую внутреннюю и внешнюю политику (прим. ред.).

Многие публикации Гардавского и Маховца, которые печатали западные религиозные издательства, свидетельствуют о том, что теологизирующие ревизионисты больше занимались вопросами демифологизации христианства и Библии, чем развитием научного атеизма.

Такова основная идейная ориентация теологизирующего ревизионизма в ЧССР. Мелкобуржуазные колебания и отрицание классовой точки зрения, подмена материалистической диалектики эклектической концепцией гармонии противоположностей, компромисс с буржуазной философией и теологией — вот основа его становления и развития. Практически политическое включение в правый социал-демократический оппортунизм и поддержка антисоциалистических сил в 1968 году — логическое завершение развития теологизирующего ревизионизма. Его результат — взгляд на атеизм как на теологию наизнанку и отказ от активной деятельности за освобождение человека от религиозного отчуждения.

В 1968 году вновь проявились политические амбиции католического клерикализма, развивались националистические тенденции в церквах, сеялась рознь между верующими и неверующими, которая разрушающе действовала на общественные отношения. Именно в это время вышла брошюра Гардавского «Коммунистическая партия Чехословакии и религия» — откровенная попытка сформулировать кредо оппортунистической политики по отношению к религии и церкви. Гардавский в ней поддерживает требование клерикалов расширить религиозную пропаганду, в завуалированной форме ратует за создание возможностей для политического влияния церквей и одновременно в духе «демократического социализма» и политического плюрализма выступает за то, чтобы Коммунистическая партия «отказалась от власти». Краснобайство абстрактного псевдогуманизма, таким образом, переросло в контрреволюционную программу, рассчитанную на то, чтобы в сложной кризисной обстановке использовать религию в антикоммунистических целях.

Влиянию теологизирующего ревизионизма положили конец решения XIV съезда КПЧ и пленумов ЦК КПЧ по идеологическим вопросам и воспитанию молодого поколения. Реализация этих постановлений создала принципиальную основу не только для преодоления ревизионизма, но и для действительно творческого развития в ЧССР теории и практики научного атеизма, распространения жизнеутверждающих ценностей марксистско-ленинского мировоззрения.

МЕЖДУ ТИГРОМ И ЕВФРАТОМ

В. МИШИН

Студент Виктор Мишин прожил год в Ираке, где работал переводчиком в группе советских специалистов-строителей. Предлагаемые заметки содержат его наблюдения, касающиеся некоторых обычаев и традиций этой восточной страны, связанных с исламом.

В апрельский день 1975 года мы присутствовали в городе Амаре (Южный Ирак) на торжественном пуске в эксплуатацию рисового элеватора, сооруженного с технической помощью специалистов из ГДР. Церемония началась с того, что к микрофону подвели седого старика в длинной, до земли, черной рубахе и темных очках, судя по всему, слепого.

Подняв невидящие глаза к небу, он поразительно молодым, чистым голосом прочел нараспев несколько стихов из Корана. Потом к микрофону подходили друг за другом представители багдадской администрации, работники посольства ГДР в Ираке, участники строительства.

Губернатор провинции разрезал ленточку у входа, и в приемные бункера посыпались первые тонны риса, а в это время неподалеку, на бетонной площадке, дюжие хлопцы отхватили ножами головы трем баранам — это было традиционное жертвоприношение.

Вечером мы спросили у Аднана Фазеля — главного инженера этого строительства, — что за старик возносил молитвы на торжественной церемонии.

— Я его сам видел в первый раз. Но у нас по традиции всякое дело начинается с молитвы. Я-то не думаю, что от молитвы элеватор заработает лучше, мне кажется, лучше просто некуда. Мы давно убедились, что работа фирм социалистических стран надежна. Но традиция есть традиция. Мне посоветовали пригласить на «освящение» элеватора именно этого старика, так как, по рассказам, он самый что ни на есть святой в провинции: живет отшельником в полуразвалившейся хижине, обладает даром пророчества. Да, он слепой, но, говорят, понимает язык животных и птиц.

В первые же дни нашего пребывания в Ираке мы убедились, что в быту здешнего населения религия играет большую роль. Первое знакомство с религиозными традициями у нас произошло благодаря нашему шоферу Факру Хуссейну. Как-то после напряженного рабочего дня мы пригласили его отобедать с нами. Узнав, что на обед у нас курица, он замялся, бормотал что-то неопределенное и наконец спросил, как эту курицу резали, чем нас очень озадачил. Заметив наше недоумение, он поведал нам, что на этот счет в Коране есть строгое требование: правоверный может есть лишь ту курицу, которую резали, уложив головой в сторону Мекки. Положение сложилось затруднительное. Наша курица была куплена в государственном магазине уже ощипанной и упакованной в яркий целлофановый мешок с этикеткой «Французский экспорт».

Тогда мы предложили Факру вместо курицы жареную рыбу: накануне мы наловили в Тигре сомов. В ответ он отчаянно замахал руками: оказывается, Кораном сом запрещен так же, как и свинина.

— Харам! Харам! — повторял Факр, что по-арабски значит «запрещено». — Есть у мусульман легенда о том, что пророк Мухаммед, решив напиться, опустился на колени у Тигра и припал к

воде. В это время проплывавший сом замутил воду, и пророк проклял рыбу, помешавшую ему утолить жажду в жаркий полдень. С тех пор считается великим грехом для мусульманина не то что есть, даже коснуться сома.

Пришлось убеждать Факра, что курица — меньшее из двух зол: не исключено, что французские поставщики, зная обычай той страны, куда идет их продукция, ориентируют птичьи головы строго на Мекку. Наши доводы возымели действие: Факр вместе с нами ел подозрительную курицу.

Однажды он увидел в газете знаменитую фотографию — академик Сергей Королев рядом с первым космонавтом — и спросил нас, кто это рядом с Гагариным? Мы рассказали. Факр долго и почтительно разглядывал фотографию, потом осторожно поинтересовался: «А он в бога верил?» Услышав отрицательный ответ, сокрушенно покачал головой и погрузился в размышления. У него просто не укладывалось в голове, что такие великие люди пренебрегают божественными предначертаниями.

В глубокое уныние повергало его и то, что его друг и непререкаемый авторитет — советский специалист дизелист дядя Миша — тоже неверующий. Поначалу он пытался вести с нами религиозные беседы, но, убедившись, что мы законченные безбожники, махнул рукой.

Как-то во время деловой поездки в Багдад мы оказались в дороге во время захода солнца. Знаками призвав всех к молчанию, Факр выключил радиоприемник и замер за рулем, не снижая скорости. Лишь изредка отпуская руль, проводил ладонями по лицу сверху вниз. Минут через пять он произнес: «Алла акбар» — и сообщил, что совершил вечерний намаз.

Дело есть дело, говорил Факр. И если надо крутить баранку, то можно совершить намаз сидя и без предварительного омовения, даже не снимая обуви. «Бог простит», — хитро подмигнул он нам и снова включил радиоприемник, ожидая передачу последних известий: весь мир следил за совместным полетом советских космонавтов и американских астронавтов по программе «Союз—Аполлон», а Факр считал своим долгом быть в курсе мировых событий.

Интересная беседа произошла у меня с тем же Факром и 20-летним Сафаром Юсефом, который верил в существование творца, но считал излишним вспоминать о нем чаще, чем в дни главных мусульманских праздников.

Долго, закусив губу, Сафар вырисовывал генеалогическое древо человечества. В заключение он набросал у его корней лукавого старичка с бородкой и, ткнув в него пальцем, торжественно провозгласил: «Аллах!»

Факр одобрительно закивал, показывая пальцем в небо, где, по общему представлению всех верующих, будь то мусульманин или христианин, простираются владения всевышнего и райские кущи.

Пришлось обратиться к эволюционной теории Дарвина и рисовать обезьян, берущих в руку палку. Собеседники насторожились.

Когда научная сущность происхождения homo sapiens была с помощью рисунков кое-как объяснена, оба в один голос запротестовали и слушать мои «богохульства» дальше отказались. Сообщение о свободе вероисповедания у нас в стране заметно их успокоило, хотя тот факт, что в Советском Союзе мало верующих, еще не раз приводил их в недоумение. Они просто не могли себе представить человеческую жизнь без религии.

А вечером я столкнулся с Факром у клетки с обезьянами в местном парке. Покачивая головой, задумчиво следил он за предполагаемыми предками человека, не разделяя бурного восторга постоянно толпящейся здесь детворы. От этих, видимо, тяжелых размышлений его оторвал лишь пронзительный голос муэдзина, усиленный динамиками, установленными на верхушке минарета: надо было идти к вечернему намазу.

...Шестого сентября 1975 года на вечернем небосводе повис тоненький серп луны, возвестивший о начале месяца мусульманского поста — рамадана[1].

С заходом солнца, когда «белую нить нельзя отличить от черной», открываются чайные, кафе, рестораны, во всех домах начинают жарить, варить, печь. Вечерняя трапеза длится до тех пор, пока голос муэдзина в три часа не возвестит о начале нового дня. В тех районах, где не слышно голоса муэдзина, ровно без четверти три квартальный сторож начинает что есть мочи колотить в стальной рельс, призывая правоверных к прекращению пиршества.

Человека, закурившего в людном месте в дневное время, дюжие полицейские под руки препровождают в ближайший участок, где он проводит пять суток с целью воспитания у него почтительности к священному писанию, платит довольно внушительный штраф, после чего заметно небритый, возвращается домой. Но подобные нарушения обычаев и Корана — редкость. В основном мусульмане чтят его предписания.

В течение поста днем закрыты все продуктовые магазины и учреждения общественного питания, в том числе и лавчонки, торгующие прохладительными напитками. Днем замирает жизнь и на базаре, лишь кое-где за прилавками дремлют сонные продавцы. Зато вечером он напоминает праздничную ярмарку. Толчея такая, что трудно пробиться. Все освещено тысячами цветных лампочек, какими у нас обычно украшают новогоднюю елку, со всех сторон несется усиленная динамиками музыка на все вкусы. Возле шашлычных — толпы, взмыленные продавцы еле держатся на ногах, носясь вдоль прилавков, атакуемых горожанами. В кинотеатрах табачный дым висит плотной сизой пеленой.

А с наступлением утра кругом снова воцаряется сонное безлюдье. Государственные учреждения в этот месяц открываются на час позже и закрываются на час раньше. Под мягкий шорох вентиляторов, сняв пиджаки и распустив галстуки, клюют носами чиновники, в иное время деловые и суетливые. Не видно слуг, которые обычно каждые пять—десять минут бесшумно входят в кабинеты со стаканами горячего чая. Посетителей не угощают сигаретами.

Исключение из строгих правил рамадана делается лишь больным, нуждающимся в регулярном питании. Так, нашему Факру, страдающему болезнью желудка, пришлось запастись медицинской справкой. На этом настояла его жена: она отказывалась готовить мужу еду днем без медицинского заключения. Справка восстановила мир в семье, оградила от косых взглядов соседей и явилась средством самоуспокоения для самого Факра, вынужденного осквернять святой праздник поста регулярными завтраками и обедами.

Дом, в котором мы жили, сдавал нам в аренду

[1] См. в нашем журнале — № 12 за 1970 год — статью «Хиджра и кочующий рамадан» и в № [illegible] за 1975 год — статью «Пост ураза».

Рыночная [redacted] [redacted] Басре.

Мавзолей шиитского [redacted] Хусейна близ города Басры.

Исмаил Шаттер, учитель местной мужской гимна[redacted] — глава многочисленной семьи, постоянно окруженный детворой в возрасте от 5 до 15 лет.

Как-то он пожаловался нам, что рамадан изматывает его своими суровыми предписаниями, [redacted] выразил удовлетворение по поводу скорого его завершения. Мы его радость полностью разделяли: шумная ночная жизнь города в этот месяц довольно утомила нас.

6 октября начался трехдневный праздник разговения после месячного поста. На эти дни закрылись все учреждения. Улицы, украшенные государственными флагами, заполнились толпами празднично одетых горожан — всюду улыбки, поздравления, рукопожатия. Фильмы в кинотеатрах в эти дни менялись [redacted] три раза [redacted] день, вечером по улице невозможно было пройти, рестораны и кафе [redacted] набережной Тигра забиты до отказа, играла музыка.

Согласно обычаю, [redacted] эти дни каждый должен, нарядившись [redacted] новую одежду, веселиться в полную силу, есть и пить хоть круглые сутки.

В первый день праздника губернатор провинции устроил прием. С раннего утра [redacted] его резиденцию шли посетители — [redacted] роскошно одетые, и [redacted] нищие, чтобы поздравить его с праздником, выразить уважение [redacted] доверие. Он встречал гостей [redacted] окружении [redacted] ближайших служащих [redacted] высших армейских чинов. [redacted] этот день [redacted] пожимал руки и владельцам крупных заводов, [redacted] нищим с набережной — единственный день в году, когда подобное можно увидеть.

Религиозные события мусульмане отмечают по лунному календарю, [redacted] котором год на 11 дней короче принятого [redacted] всем мире. Поэтому дни мусульманских праздников всякий раз приходятся на разное время.

[redacted] повседневной жизни иракцы пользуются обычным лунно-солнечным календарем и, [redacted] правило, сами не могут точно сказать, какого же числа надлежит отмечать тот или иной религиозный праздник в текущем году, пока об этом не будет официально объявлено по радио и телевидению.

В начале января 1976 года ждали наступления мусульманского Нового года — 1396-го [2]. Мы поинтересовались у Сабаха Мехди — одного [redacted] чиновников, работавших на элеваторе, — когда [redacted] все-таки праздник. Сначала он пожал плечами, потом сказал, что, судя по тому, что все лавочки, торгующие аракой (финиковой водкой), сегодня закрыты — при этом он горестно вздохнул, — праздник, скорее всего, именно сегодня. И верно: через час радио передало правительственное поздравление [redacted] началом нового, 1396 года. А следующий мусульманский год — 1397 вступал в права 23 декабря.

Глубоким поклонением окружена главная мечеть

---

[2] Мусульманское летосчисление — хиджра — началось [redacted] 16 июля 622 года, когда пророк Мухаммед переселил[redacted] [redacted] Мекки в Медину. Для перевода дат хиджры в григорианские существуют специальные таблицы.

Багдада — аль-Кубра. Мусульмане-сунниты чтят [redacted] наравне с Каабой и считают святым долгом посетить [redacted] месяц паломничества.

[redacted] период ежегодного хаджжа мусульман [redacted] Мекку вокруг этой мечети и [redacted] прилегающих [redacted] ней улочках буквально некуда яблоку упасть от скопления паломников и всех видов транспорта, начиная с верблюдов, кончая роскошными кадиллаками [redacted] и автобусами с номерными знаками всех стран Востока.

Дело [redacted] том, что путь [redacted] Мекку, находящуюся [redacted] Саудовской Аравии, лежит для правоверных из многих стран через Ирак. Мы [redacted] период хаджжа не раз были свидетелями того, как то паломники-турки, то паломники [redacted] Афганистана, Пакистана совершали массовые моления [redacted] тени пестро разукрашенных и расписанных религиозными лозунгами автобусов, [redacted] автостраде или на стоянке при бензоколонке.

Мечеть аль-Кубра — огромное здание, облицованное голубовато-зелеными глазурованными плитами. Купола многочисленных минаретов [redacted] большой купол главного молитвенного зала позолочены. Нам рассказывали, что двери [redacted] своды многочисленных залов с внутренней стороны обиты листовым золотом и инкрустированы драгоценными камнями. К сожалению, увидеть это великолепие мы не могли: немусульманам вход в храм строго заказан, [redacted] дерзких ждет встреча не из самых приятных с верующими, чьи религиозные чувства будут глубоко задеты присутствием неверного [redacted] доме Аллаха...

Много еще интересного приходилось видеть [redacted] в Ираке, что так или иначе было связано с религией, пронизывающей повседневный быт населения. Сначала у нас, воспитанных на атеистических традициях, постоянная оглядка [redacted] религию, все эти многочисленные ритуалы вызывали улыбку. Но [redacted] убедились, что не всегда эти традиции просто нелепы или безобидны. Когда [redacted] соседней с Амарой деревне, согласно обычаю кровной мести, [redacted] течение дня было истреблено все мужское население от мала до велика, мы перестали улыбаться.

Когда [redacted] центре Амары юноша застрелил возлюбленного сестры за то, что тот назначил ей свидание, не побывав предварительно [redacted] доме девушки, чтобы договориться о размере махра — платы за невесту, как того требуют от мусульман законы шариата, нам тоже было не до улыбок.

Оба эти случая не вызвали даже сколько-нибудь серьезного общественного резонанса, [redacted] на наши вопросы нам объяснили, что так было угодно Аллаху, таковы традиции...

Со временем мы уже не удивлялись тому, что ежедневно программы телепередач начинаются [redacted] чтения молитвы, как и все важные правительственные сообщения по радио, что любому делу предшествует чтение выдержек из Корана.

И все же, несмотря на то что повседневная жизнь иракцев буквально опутана установлениями религии, мы не могли [redacted] заметить, что [redacted] иракском обществе появились тенденции [redacted] освобождению от некоторых религиозных традиций.

На улицах небольших городков и деревень изредка [redacted] встречали главу семьи, важно шествующего [redacted] сопровождении двух жен, завернувшихся [redacted] черные покрывала. Но [redacted] среде интеллигенции, как объяснил нам инженер Мухаммед Отман, «многоженство стало признаком дурного тона». Во всяком случае, нам не раз приходилось слышать, как иракцы называли многоженство, до сих пор бытующее, например, [redacted] Саудовской Аравии, «дикостью, которая [redacted] Ираке, слава Аллаху, отошла в область предания»...

Духовное богатство общества

И. [redacted] Суханов. ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ [redacted] ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ. М., Политиздат, 1976, 216 стр., 150 000 экз., 45 коп.

За последние годы [redacted] нашей жизни утвердились новые гражданские обряды, традиции. Минула пора, когда шли споры, нужны ли [redacted] развитом социалистическом обществе. Жизнь решила спор однозначно: [redacted] есть, новые советские безрелигиоз[redacted] праздники, обряды, впитавшие характерные черты нашего образа жизни — демократизм, коллективизм, интернационализм, гуманное отношение к человеку.

Трудно переоценить значение но[redacted] обрядов [redacted] духовной жизни общества, [redacted] преемственности поколений. Передаваясь от отцов к молодым, они входят составной частью в культурное наследие, обогащают жизнь, в символической форме отражают важные общественные [redacted] личные события. Так устроен чело[redacted], что [redacted] определенные моменты [redacted] всего общества, или социальной группы, к которой [redacted] принадлежит, или коллектива, где работает, или [redacted] семьи — [redacted] ощущает насущную потребность совместно с другими людьми прочувствовать общность целей, идей, интересов. Еще не всегда [redacted] везде обряды соответствуют возросшему духовному уровню людей, [redacted] они невыразительны, бедны символикой, носят формальный характер. Порой конструируются искусственно, без долж[redacted] знания, изучения природы этого явления, без учета этнографии, [redacted] особенностей.

Обряды, традиции — сложное социально-психологическое явление. И [redacted] больше будет привлечено [redacted] ученых, общественности к проблеме новой обрядности, тем боль[redacted] знаний получат те, чьи усилия, энтузиазм направлены [redacted] становление, развитие, углубление новых праздников, обрядов.

Книга И. В. Суханова пополняет [redacted] еще довольно скромную библиотечку исследований [redacted] теории [redacted] практике становления новой социалистической обрядности. Автор привлек большой материал, позволяющий читателю разобраться [redacted] различиях между обычаем и обрядом, между обрядом [redacted] традицией. Он прослеживает [redacted] понятия [redacted] историческом и социальном значении, считая, что «обряд [redacted] сопровождает обычай, традицию в течение [redacted] времени [redacted] функционирования, [redacted] выступает только [redacted] определенный момент [redacted] процесса, выражая, углубляя и усиливая общие мысли [redacted] чувства людей». Он подчеркивает особенность обряда, отличающего

его от обычая, — символическую его форму, иногда очень лаконичную, простую, но всегда содержащую эмоциональный заряд, воздействующий на чувства людей.

Автор дает убедительное объяснение характера обычаев, традиций буржуазного общества, рассматриваемых его идеологами как средство затормозить неотвратимое движение капитализма к своей гибели. Стабилизирующая роль традиций, обычаев здесь принимает реакционный характер, направлена против утверждения всего нового, прогрессивного.

В социалистическом обществе обычаи, традиции сознательными усилиями используются для закрепления новых общественных отношений. Утверждение нового, передового, передача его молодому поколению создают преемственность духовных ценностей. И. В. Суханов полемизирует с теми, кто рассматривает развитие социалистического общества как процесс, в котором нет ничего стабильного, из чего вытекает отрицание новых обычаев и традиций. Автор утверждает: «Обычаи и традиции тем значительнее обнаруживают свою воспитательную силу, чем однороднее общественные и социальные отношения, регулируемые ими». Он делает вывод, что по мере движения общества к коммунизму сфера обычаев и традиций будет расширяться, будут совершенствоваться и обряды.

Автор подробно останавливается на особенностях нашего образа жизни, в который составной частью входят новые прогрессивные обряды, традиции. Научно-техническая революция вносит определенные изменения в жизнь современных людей. Эти изменения затрагивают не только производственную сферу, — меняется поведение людей, семейный уклад, привычки. Социалистический образ жизни создает условия для формирования всесторонне развитого человека с богатым духовным миром. Одна из черт духовного богатства человека — потребность выразить себя, свое отношение к переживаемым событиям в яркой, эмоциональной обрядовой форме.

Читатель найдет в книге размышления автора о революционных, боевых, трудовых традициях, процессе их успешного закрепления, в котором выражается всеобщность чувств советского народа, духовная преемственность поколений.

Пропагандисты атеизма с интересом прочтут главу книги «Народные обычаи, традиции, обряды в борьбе угнетенных масс против христианства», несомненно используют ее в своей работе. Глава содержит сведения о том, как православие насаждало на Руси свои обряды, как христианская мораль запретов и аскетизма боролась с жизнеутверждающими народными обрядами, как дохристианские языческие обряды в течение долгих веков соседствовали с религиозными, иногда были побеждаемы церковью, иногда приспосабливались религиозными идеологами к церковному культу. Несомненная заслуга автора в том, что он, показывая историческое многовековое противоборство народной духовной культуры и православия, выявил не только тот огромный ущерб, который наносила церковь духовной жизни народа, но и те «мощные удары, которые в течение многих веков наносил народ по религиозной идеологии».

Особый интерес пропагандиста атеизма, активного поборника новой обрядности, привлекут страницы, посвященные развитию современных социалистических обрядов. Автор справедливо рассматривает их как составную часть всей культуры, как грань богатого духовного потенциала советского общества. Он пишет: «Массовая потребность в красивых и торжественных обрядовых актах, выражающих мысли и чувства людей, связанные с событиями повседневной жизни, — это вернейший показатель того, что система общественных социалистических отношений, включая и отношения повседневной жизни, стала действительной сущностью духовного облика широких народных масс, глубоко вошла в их духовный мир как высшая ценность».

Касаясь использования старых народных обрядовых форм в развитии советской обрядности, автор правильно считает, что нужно это делать продуманно: в сознании большинства людей старая народная обрядовая форма утратила свою функцию и легко поддается переосмыслению, вкладыванию нового содержания. И. В. Суханов полагает, что иначе обстоит дело с некоторой частью людей, особенно старшего поколения, которые «восстановление ряда старых народных праздников (масленицы, например, как проводов русской зимы), предметов старых обрядов (обручальных колец, свадебного платья и т. д.) воспринимают как реабилитацию религиозных обрядов». Автор считает, что использование старых народных форм без необходимой разъяснительной работы ведет к тому, что «определенная часть молодого поколения, толком не понимая того, какие из старых народных обрядов и для чего восстанавливаются ныне, может оказаться недостаточно идейно стойкой перед напором верующих людей пожилого возраста и соглашаться на участие в религиозных обрядах».

Думается, дело здесь в другом. Интерес к религиозным обрядам возникает не от использования в новых обрядах старых народных форм. Здесь прямая связь с отсутствием ярких, запоминающихся новых обрядов, невозможность удовлетворить потребность эмоционально отметить наиболее значительные события личной жизни.

И уж никак нельзя согласиться с выводом автора, будто в описанной выше ситуации «развитие советской гражданской обрядности влечет за собой рецидив обрядности религиозной». Конечно же, нет оснований рецидивы религиозности связывать с развитием новой обрядности. Наоборот, социологические исследования, жизненная практика показывают: там, где новые обряды проходят ярко, впечатляюще, там религиозные обряды сходят на нет.

Религия не уйдет сама собой. Нужна настойчивая, целеустремленная работа по воспитанию людей, по привитию им научно-атеистического мировоззрения. Особенно внимательно эту работу следует вести с верующими людьми. Средства для этого выбираются разные. И одним из действенных средств вытеснения из нашей жизни религиозного уклада служат новые гражданские праздники, обряды, впитавшие в себя гуманное, уважительное отношение к человеку, творцу самого передового общества на земле.

В. ДОЛГОВА

У истоков советской атеистической науки

Л. А. Андриенко (Ворожцова). АТЕИСТ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ. (Жизнь и атеистическая деятельность П. А. Красикова). М., изд-во «Мысль», 1976, 151 стр., 20 000 экз., 26 коп.

Тщательное изучение ленинского этапа марксистского атеизма, богатейшего опыта идейной борьбы Коммунистической партии против идеализма и религии, — необходимое условие дальнейшего развития теории научного атеизма. Поэтому следует всячески приветствовать издание в серии «Из истории свободомыслия и атеизма», которую недавно начал выпускать Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, книги Л. А. Андриенко (Ворожцовой), посвященной жизни и деятельности одного из ярких пред-

ставителей марксистского атеизма, его теоретика и пропагандиста Петра Ананьевича Красикова (1870—1939 гг.).

Соратник В. И. Ленина, П. А. Красиков принадлежал к славной когорте большевиков, которые неразрывно связали свою жизнь с партией. Активный участник трех революций, П. А. Красиков с первых дней Октября возглавил следственную комиссию Петроградского Совета по борьбе с контрреволюцией, был членом коллегии Народного Комиссариата юстиции, прокурором и заместителем председателя Верховного суда СССР. С 1918 года он руководил VIII отделом Наркомюста (отделом по проведению в жизнь ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). С 1919 по 1924 год возглавлял журнал «Революция и церковь», а с 1931 года — журнал «Воинствующий атеизм».

Монография написана на основе изучения обширных архивных материалов. Многие данные почерпнуты из бесед с родными и близкими П. А. Красикова. Все, кто его знал, отмечают необычайную широту интересов, эрудицию, исключительную трудоспособность, сердечность Петра Ананьевича.

Книга Л. А. Андриенко — серьезное исследование, показывающее, какую роль сыграл П. А. Красиков в формировании советской науки о религии и атеизме. Он был ближайшим помощником В. И. Ленина в проведении политики советского государства по отношению к религии и церкви, а также в создании советского законодательства о религиозных культах. Не случайно В. И. Ленин именно к Красикову, как наиболее компетентному в данном вопросе, направил известного английского лейбористского деятеля Дж. Ленсбери, интересовавшегося положением религии и церкви в Советской России.

Обстоятельное исследование вклада П. А. Красикова в осуществление ленинской политики по отношению к религии и церкви, анализ того, как он разрабатывал марксистско-ленинские принципы свободы совести, заинтересуют каждого из пропагандистов атеизма и юристов, изучающих историю советского законодательства о религиозных культах.

Большая заслуга автора в том, что она впервые установила, какое большое значение придавал Красиков исследованию социальных и психологических корней религии. В главе «Корни обыденной религиозности» подробно рассмотрено, как он анализировал отношение рабочего класса, крестьянства и интеллигенции к религии, выявлял причины, поддерживавшие и оживлявшие религиозность населения до Октябрьской революции и в период, когда социализм в основном в нашей стране уже построен». Л. А. Андриенко рассматривает и взгляды П. А. Красикова на религиозность женщин, на сектантство, на формы и методы атеистической пропаганды, на прошлое православной церкви, ее деятельность в первое десятилетие после Октябрьской революции. Анализируя борьбу П. А. Красикова за утверждение в жизни ленинских принципов атеистической пропаганды, автор сообщает много интересного о научном обществе «Атеист», созданном Красиковым для выпуска атеистической литературы.

Л. А. Андриенко удалось разрешить нелегкую задачу: соотнести проведенный П. А. Красиковым анализ вопросов теории научного атеизма с тем, как они решаются теперь, показать значение выводов П. А. Красикова для современного атеистического воспитания. Некоторые основополагающие его взгляды могли бы быть проанализированы более четко. Так, например, не подчеркнуто, что он впервые в статье «Сверхъестественные силы» (опыт построения лекции о значении и происхождении религии, 1922 г.) сказал о том, что определяющим признаком религиозности является вера в сверхъестественное.

Ценная книга Л. А. Андриенко принесет пользу всем, кто интересуется проблемами научного атеизма, а особенно партийным и комсомольским работникам, пропагандистам, лекторам, преподавателям школ и вузов.

М. ШАХНОВИЧ,
доктор философских наук

Надежные союзники

«ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА!». Французские материалисты XVIII в. об атеизме, религии, церкви. М., Политиздат, 1976, 303 стр., 100 000 экз., 72 коп.

Нужно ли современному пропагандисту атеизма обращаться к идейному наследию французских материалистов XVIII века — П. Гольбаха, К. Гельвеция, Д. Дидро, Ж. Ламетри? Еще при жизни В. И. Ленина находились марксисты, которые считали, что атеистическая литература XVIII века устарела, ненаучна, наивна и т. п. Ленин же утверждал, что нет ничего хуже подобного подхода. В 1922 году он писал, что последовательное разоблачение религии возможно лишь в том случае, если будет усвоено прогрессивное идейное наследие прошлого, в частности атеизм французских просветителей XVIII века с его боевым характером, беспощадной враждебностью к религии.

Именно воинственность атеизма французских просветителей, открытый характер их выступлений против религии сродни атеизму марксистскому.

Нам, марксистским атеистам, близок не только боевой дух сочинений французских материалистов XVIII века, — конкретный материал, содержащийся в их трудах, до сих пор не утратил ценности и с успехом может быть использован пропагандистами атеизма.

В нашей стране философские, в частности атеистические, произведения французских материалистов, издаются регулярно. Польза подобных изданий несомненна. Однако, знакомясь с учением того или иного философа, не всегда можно получить полное представление об атеизме той эпохи как явлении целостном. В этом отношении книга «Да скроется тьма!» представляет большую ценность для пропагандистов: атеистический материал сочинений великих просветителей XVIII века собран воедино, систематизирован тематически.

Во вступительной статье составитель сборника доктор философских наук В. Н. Кузнецов четко определил магистральные направления атеистической деятельности просветителей, — эти направления и положены в основу систематизации высказываний французских материалистов о религии и атеизме. Благодаря этому французский атеизм XVIII века воспринимается именно как система, все элементы которой взаимодействуют и обусловливают друг друга.

Вступительная статья сборника представляет собой превосходный путеводитель для тех, кто решил познакомиться с атеистическими взглядами французских материалистов. Она помогает оценить идейное наследие просветителей с позиций современной атеистической науки — что из него можно принять безоговорочно, к чему следует подходить с учетом исторической ограниченности этих мыслителей. «...И ненаучного, и наивного найдется не мало в атеистических произведениях революционеров XVIII века», — отмечал В. И. Ленин.

В первом разделе сконцентрированы наиболее характерные фрагменты из сочинений Гольбаха, Дидро, Гельвеция и Ламеттри, дающие представление об их философском материализме. И это не случайно, — система атеизма немыслима без философско-материалистического об-

основания, которое в принципе исключает любое допущение сверхъестественных сил и создает наиболее благоприятные возможности для научного анализа религии. В сборнике не только хорошо представлены взгляды просветителей на материю, движение и сознание, но также раскрыта их борьба с идеалистическим («спиритуалистическим») обоснованием религии. Платон и Беркли, лейбницевское и декартовское доказательства бытия бога, деистические концепции — все это было объектом их аргументированной логической, естественнонаучной и исторической критики.

В центре внимания атеистического учения всегда лежит проблема происхождения, сущности и путей преодоления религии. Французские материалисты высказали тут много полезных идей. Религия для них — это фантастические представления людей о существовании сверхъестественных сил, вызванные незнанием природы, страхом перед ней, обманом «тщеславных и хитрых вождей». В этих рассуждениях есть элементы объективной истины: действительно, страх, невежество и обман — немаловажные факторы возникновения и воспроизводства религии. Но это еще не главная причина ее существования: французские материалисты в силу исторической ограниченности не видели основных, социальных корней религии и полагали, что устранить ее можно путем распространения просвещения, причем главные надежды возлагались на просвещенных государей.

Французские атеисты в целом правильно оценили роль религии в развитии общества: религия пагубна для человечества, она является опорой деспотизма, препятствует развитию познания, тлетворно влияет на нравственность; религиозная нетерпимость и фанатизм запятнали кровью историю человечества. Современному читателю небезынтересны и фактический материал, и доводы, обосновывающие все эти положения, — они собраны в разделах «Пагубная роль религии и церкви в социально-политической жизни», «Отрицательное влияние религии на мораль». Вместе с тем необходимо отметить, что роль религии в истории человечества французские просветители преувеличивали: для них религия — главный враг, расправившись с которым посредством просвещения можно преобразовать все общество. «Источник человеческих несчастий, — писал Гольбах, — следует искать в принципах самой религии, в боге, являющемся основой религии, в пагубных представлениях людей об этом боге...»

Заслугой французских материалистов была резкая критика религиозной морали. Они ярко показали аморализм религии, разоблачая религиозную добродетель святых, монахов, отшельников. Нравственную несостоятельность религии Гольбах видел также в аморальном образе бога: он непостоянен, пристрастен, капризен, противоречив. Однако классовой сущности религиозной морали в эксплуататорском обществе ни Гольбах, ни его сподвижники увидеть не смогли. «Противоречивой» религиозной морали Гольбах противопоставлял «незыблемые принципы» естественной морали. Но естественная мораль, мораль «здравого разума», предлагаемая просветителями вместо религиозной, носила в общем-то такой же абстрактный характер, как и христианская; ее нормы считались такими же вечными и неизмёнными. Будь справедлив, добр, снисходителен, мягок, скромен, прощай оскорбления, твори добро обидчику, будь воздержан, умерен, целомудрен — таковы, по Гольбаху, нормы поведения атеиста. И хотя в его учении о морали есть рациональное зерно: простые нормы нравственности имеют не религиозное, а «человеческое» обоснование, — это учение имеет существенный недостаток: в нем отсутствует мысль о том, что в классовом обществе простые нормы нравственности искажаются религией в угоду господствующим классам.

Если учение просветителей о «естественной морали» и критика ими морали религиозной представляют скорее исторический интерес, то их критика идеи бога до сих пор может служить острым оружием в борьбе с религиозными предрассудками. Раздел «Иррациональность и антинаучность религиозных догматов» содержит блестящие примеры развенчания религиозных «истин». Логическая противоречивость теологического учения о боге, его несовместимость с фактами естественной и общественной истории раскрыты таким образом, что воздействуют не только на разум, но и на чувства читателя: «Если бог бесконечно благ, то какой нам смысл бояться его? Если он бесконечно мудр, чего нам тревожиться о нашей судьбе? Если он всеведущ, зачем сообщать ему о наших нуждах и утомлять его нашими молитвами? Если он вездесущ, зачем воздвигать ему храмы?.. Если он справедлив, то как можно считать его способным наказывать существа, которые он сам создал со слабостями?» Эти и подобные вопросы до сих пор остаются камнем преткновения для верующих, они могут зажечь искорку сомнения, заставить задуматься над смыслом религиозных проповедей. Рационалистическая критика идеи бога имеет значение и для работы с индифферентными к религии людьми, помогая им занять критическую позицию в отношении религии. К сожалению, рассматриваемый раздел невелик по объему и не дает полного представления о разнообразии аргументов, свидетельствующих о логической и практической несостоятельности религии.

Большой интерес представляют суждения просветителей об атеизме и атеистах. Нужно иметь в виду, что пропагандировать открыто атеистические взгляды в XVIII веке было опасно. «Всякий решающийся разорвать повязку предрассудков кажется безумцем, — писал Гольбах, — ...ему выносится почти единодушный приговор; общественное негодование, разжигаемое фанатизмом и обманом, не дает ему высказаться...» Несмотря на это, Дидро и Гольбах стремились к широкому распространению атеистических идей.

Интересно, что, раскрывая сущность понятия «атеист», Гольбах подчеркивает позитивную сторону его деятельности. Борьба с религией не являлась для французских материалистов самоцелью, она была лишь средством для достижения совершенного общества, где человек получит полную возможность жить в соответствии с требованиями разума. «Что такое атеист? Это — человек, уничтожающий пагубные для человечества иллюзии, чтобы вернуть людей к природе, опыту, разуму. Это — мыслитель, который, изучив материю, ее энергию, ее свойства и способы действия, не нуждается для объяснения естественных явлений и действий природы в каких-то идеальных силах...»

Вслед за французским атеистом XVII века Пьером Бейлем просветители XVIII века высоко подняли достоинство атеиста. «Можно смело сказать, что общество атеистов, свободное от всякой религии... будет несравненно честнее и добродетельнее, чем построенные на религиозных началах общества» — это предвидение Гольбаха сбылось: социалистическая революция, разрушившая «превратный мир», который порождал религиозные иллюзии, позволила создать общество, живущее по самым высоким нормам человеческой морали — по нормам коммунистической нравственности.

Будем надеяться, что атеизм других эпох также найдет свое отражение в выпускаемой Политиздатом «Библиотеке атеистической литературы» именно в такой, удачно найденной форме тематического сборника.

З. ТАЖУРИЗИНА,
кандидат философских наук

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

П. И. Мельников (Андрей Печерский). В ЛЕСАХ. НА ГОРАХ. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 2 (415 стр. с илл.); Т. 3 (400 стр. с илл.); Т. 5 (479 стр. с илл.); Т. 6 (479 стр. с илл.); Т. 7 (560 стр. с илл.). М., изд-во «Правда», 1976, 375 000 экз., 90 коп.

Д. Мильтон. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ. СТИХОТВОРЕНИЯ. САМСОН-БОРЕЦ. М., изд-во «Художественная литература», (Б-ка всемирной литературы, т. 45), 1976, 573 стр. с илл., 303 000 экз., 1 руб. 77 коп.

«МИР ЧЕЛОВЕКА». Сост. А. Романов. М., изд-во «Молодая гвардия», 1976, 159 стр. с илл., 100 000 экз., 77 коп.

«НАУЧНАЯ И ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ». Сборник. М., изд-во «Знание» («Научный атеизм», № 10), 1976, 64 стр., 70 000 экз., 11 коп.

И. С. Никитин. ДНЕВНИК СЕМИНАРИСТА. Повесть. М., изд-во «Советская Россия», 1976, 159 стр. с илл., 100 000 экз., 36 коп.

Л. Овалов. ПОМНИ ОБО МНЕ. Повесть. М., изд-во «Детская литература», 1976, 192 стр. с илл., 100 000 экз., 45 коп.

М. Г. Писманик. ЛИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ. М., изд-во «Наука», 1976, 152 стр., 60 700 экз., 51 коп.

«РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ». М., изд-во «Мысль», 1976, 328 стр., 26 000 экз., 1 руб. 28 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Н. В. Абаев. О соотношении теории и практики в чань-буддизме. В кн.: «Общество и государство в Китае». Седьмая научная конференция. Тезисы и доклады. 3. М., 1976, стр. 618—625.

Г. Е. Афанасьев. Дохристианские религиозные воззрения алан. «Советская этнография», 1976, № 1, стр. 125—130.

М. С. Бутинова. Рецензия на кн.: П. И. Пучков. Современная география религий. «Советская этнография», 1976, № 2, стр. 162—164.

Г. Д. Вардумян. Государственные религиозные культы армян (VII в. до н. э. — IV в. н. э.). «Вестник Моск. ун-та». История, 1976, № 2, стр. 78—91.

«Византийский временник», 1976, № 37. Из содержания: **З. В. Удальцова.** Жизнь и деятельность Виссариона Никейского, стр. 74—97; **А. Я. Каковкин.** Элементы западной иконографии в армянских памятниках художественного серебра XIII—XVI вв., стр. 212—218.

И. Р. Григулевич. Рабство и церковь в испано-португальской Америке. «Новая и новейшая история», 1976, № 5, стр. 71—83.

Н. Р. Гусева. Священные зебу: причины живучести культа. «Природа», 1976, № 9, стр. 155—160.

Ю. Ельченко. Советские праздники. «Коммунист», 1976, № 13, стр. 71—79.

И. Г. Иванов, Л. А. Попов. Нравственное содержание атеизма. «Философские науки», 1976, № 5, стр. 85—91.

«Из истории Сибири». Томск, 1976, вып. 19. Из содержания: **В. А. Посредов.** Некоторые элементы религии еловского населения, стр. 30—44; **Ф. Т. Валеев.** Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар, стр. 214—219; **В. М. Кулемзин.** Представления восточных хантов о живых и неживых предметах, стр. 234—239; **М. С. Усманова.** Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов, стр. 240—243.

Н. М. Казанова. Образы «культурных героев» в мифологии эвенков. «Вестник. Моск. ун-та». История, 1976, № 1, стр. 83—89.

В. В. Клочков. Соотношение правовой и религиозной систем в эксплуататорских обществах. «Советское государство и право», 1976, № 4, стр. 104—111.

В. Колонолкина. Когда церковь по соседству. «Знание — народу», 1976, № 9, стр. 20.

М. Коростовцев. Религия древнего Египта: тотемизм и фетишизм. «Азия и Африка сегодня», 1976, № 5, стр. 57—60.

«Культура древнего Египта». М., 1976, Из содержания: **М. А. Коростовцев.** Религия, стр. 180—222; **Д. Г. Редер.** Мифологическое мышление и зачатки научного мировоззрения в древнем Египте, стр. 223—249.

Н. В. Максимов, А. П. Растигаев. О роли социалистического правосознания в атеистическом воспитании. В кн.: «Философские проблемы этики и эстетики». Барнаул, 1976, стр. 98—103.

И. А. Мацявичюс. Католицизм и современная идеологическая борьба. «Вопросы философии», 1976, № 8, стр. 158—163.

«Тутанхамон и его время». М., 1976. Из содержания: **М. А. Коростовцев.** Идеология времен Эхнатона, стр. 4—7; **Е. Н. Максимов.** Древнеегипетская гелиопольская космогоническая система, стр. 119—128; **Р. И. Рубинштейн.** Погребальные обряды по 151-й главе «Книги мертвых», стр. 129—143.

Д. М. Угринович. Функционализм в современной американской социологии религии. «Вопросы философии», 1976, № 9, стр. 107—117.

ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ 1976 ГОДА

Редколлегия журнала «Наука и религия» отметила лучшие материалы прошлого года:

Ф. Бассин, М. Рожнова, В. Рожнов. Психоанализ: реальность и миф	№ 5,7,9
Х. Боков. Добро и зло обычая	№ 8
О. Брушлинская. Разговор о сокровенном	№ 3
Ю. Гвоздев. Кризис, спланированный извне	№ 5
М. Гольденберг. Краплеными картами	№ 2
Т. Джафарли. Время, общество, традиции	№ 9
М. Довжик. Всему владыка	№ 5
А. Корнилова. И мыслью, и чувством	№ 1
В. Ланге. Загадки танцующих столов	№ 8, 9
А. Левант. Вечера над Калитвой	№ 2
С. Львов. Отчаяние и надежда	№ 10
В. Разин. Душа воскресшая	№ 3
Л. Резников. Древний остров Валаам	№ 4, 5
А. Толпегин. В городе Лютера	№ 8
А. Улесов. Час выбора	№ 7
В. Харазов. Репортаж с армагеддона	№ 8
А. Шамаро. Памятник Прометею	№ 2
Ю. Школенко. Космическое сознание	№ 4
Д. Эндыберина. Мать Дросида	№ 7

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ГУБАРЕВ Владимир Степанович — член Союза журналистов СССР, автор многих книг. Среди них: «Человек. Земля. Вселенная», «Космическая трилогия», «От Коперника до «Коперника» и другие. Лауреат премии имени М. Кольцова Союза журналистов СССР. В нашем журнале публикуется впервые.

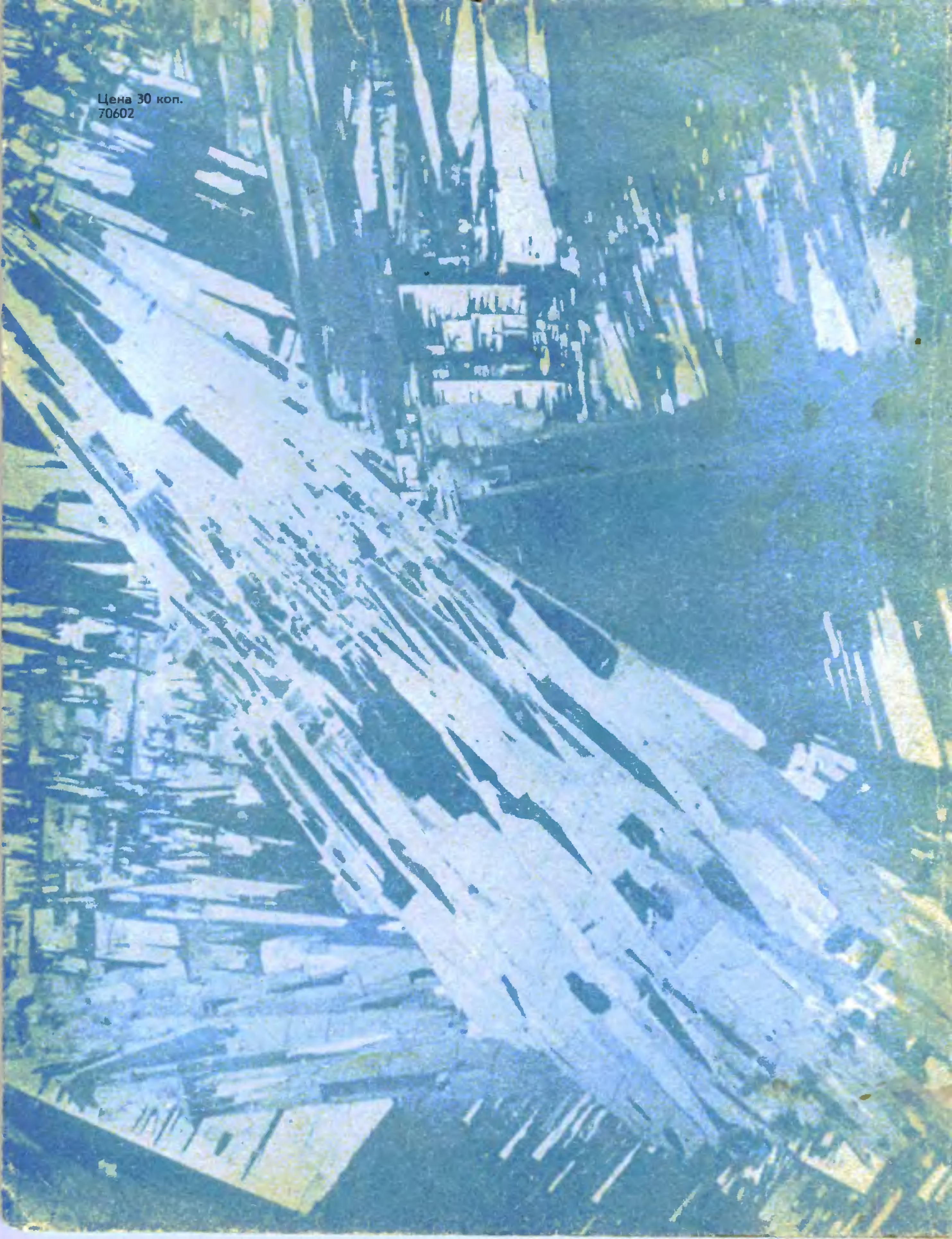
МИРЗОЕВА Шукюфа Шамиль-кызы — доктор философских наук, заведующая отделом эстетики и этики Института философии и права АН Азербайджанской ССР. Автор книг: «Эстетические взгляды Мирзы Фатали Ахундова», «Ленинский принцип партийности литературы и искусства», «Критика современной реакционной буржуазной эстетики» и других. В 1974 году в литературных изданиях Азербайджана опубликованы на русском и на азербайджанском языках ее первые рассказы, в которых автор поднимает нравственные проблемы. В нашем журнале выступает впервые.

Адрес редакции: 109004. Москва Ж-4, Ульяновская ул., 43, корп. 4. Телефоны: 297-02-51. 297-10-89. А 06041. Сдано в набор 15. X. 76 г. Подписано к печати 24. XI. 76 г. Тираж 440 000 экз. Зак. 05168. Бумага 84×108 1/16. Физ. п. л. 6. (10,08 усл. п. л.).
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна».
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

О р а н т а. Софийский собор, Киев (XI век. Мозаика).

См. статью Д. Угриновича «Культовое искусство и его противоречия».

Цена 30 коп.
70602